МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Гаврилова Екатерина Игоревна

Я. В. АБРАМОВ В НАРОДНИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Мокшин Геннадий Николаевич,
доктор исторических наук,
доцент

Воронеж –2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. Становление Я. В. Абрамова как народника-культурника..... 25
1.1. Формирование мировоззрения Я. В. Абрамова и его участие в народническом движении конца 1870-х гг. …..... 25
1.2. Литературная деятельность Я. В. Абрамова в первой половине 1880-х гг. 36
1.3. Я. В. Абрамов как исследователь религиозного сектантства..... 50
1.4. Эволюция взглядов Я. В. Абрамова в середине 1880-х гг. 62
ГЛАВА 2. Я. В. Абрамов – теоретик культурного народничества второй половины 1880-х – начала 1890-х гг. 73
2.1. Основы учения Я. В. Абрамова о «культурной работе» 73
2.2. Я. В. Абрамов и второе «хождение» интеллигенции в народ ……. 86
2.3. Я. В. Абрамов о земстве и его роли в развитии страны…..... 101
2.4. Полемика вокруг культурнической программы Я. В. Абрамова в публицистике второй половины 1880-х – начала 1890-х гг. 110
ГЛАВА 3. От теории к практике культурной работы: Я. В. Абрамов в 1890-е – начале 1900-х гг. 121
3.1. Культурно-просветительская деятельность Я. В. Абрамова в начале и середине 1890-х гг. 121
3.2. Я. В. Абрамов в культурническом движении на рубеже XIX–XX вв. 132
3.3. «Геройство и безделье»: критика Я. В. Абрамовым «философии» противников «малых дел» 144
3.4. Я. В. Абрамов как популяризатор внешкольного (частного) образования в России..... 153
3.5. Я. В. Абрамов в годы первой русской революции..... 162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 175
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ..... 180

ПРИЛОЖЕНИЕ А. Письма Я. В. Абрамова к редактору «Сына отечества» С. Н. Кривенко 1897–1898 гг. 220
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Яков Васильевич Абрамов. Библиографические сведения для «Русской энциклопедии художественной литературы и искусств» (писатели)……..... 226

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. После того, как 1 марта 1881 г. народовольцы убили либерально настроенного «царя-освободителя» Александра II, на престол взошел консервативный «царь-миротворец» Александр III, при котором начинается эпоха «реакции и контрреформ». Для русской общественности – это будет время переосмысления своих прежних идеалов и путей их достижения.

Наиболее разительные перемены в 80–90-е гг. XIX в. происходят в народничестве – самом популярном идейном течении в среде радикальной русской интеллигенции, отстаивающей принципы демократии и коллективизма как основы доктрины самобытной (некапиталистической) модернизации страны.

Несмотря на рост гонений на демократическую интеллигенцию, русское народничество не прекратит своего существования, а лишь приобретет другие очертания и формы. Если одна часть народников будет по-прежнему делать ставку на революционную агитацию и пропаганду, а также на политический террор, то другая постарается переориентировать интеллигенцию на вполне легальную и мирную культурно-просветительскую работу.

Это второе направление, за которым в настоящее время закрепилось название «легальное» или «реформаторское» народничество, зародилось еще в 1860-е гг., но долгое время оставалось на вторых ролях. И лишь в 1880-е гг., когда печать, земство и кооперация станут главными «китами» общественной программы тогдашней демократической интеллигенции, правое народничество превратится в ведущее направление народнической мысли.

Среди народников-реформистов 1880–1890-х гг. было немало видных писателей и общественных деятелей. Это Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко, И. И. Каблиц-Юзов, Л. Е. Оболенский, А. С. и В. С. Пругавины, С. Н. Южаков и мн. др. К этому же ряду принадлежит и Яков Васильевич Абрамов (1858–1906) как один из идеологов правого крыла легального народничества.

В данной работе правое крыло легальных народников, представленное И. И. Каблицем, Я. В. Абрамовым и С. Н. Кривенко, будет называться «культурным» народничеством[1]. Соответственно левое крыло легального народничества, возглавляемое Н. К. Михайловским – это «политическое» народничество.

Народники-культурники 1880-х гг., включая Я. В. Абрамова, отказываются от идеи насильственного переустройства общества, видя, что крестьянство к этому абсолютно не готово. Взамен они предлагают интеллигенции программу удовлетворения непосредственных нужд народных масс, надеясь таким путем не только поднять их уровень жизни и развить самосознание, но и в конечном итоге создать предпосылки для перехода к социализму.

Именно в это тревожное и смутное для интеллигенции время появляется так называемая теория «малых дел», главной чертой которой был аполитизм, т.е. отказ от политической борьбы с самодержавием. Как и в 1870-е гг., основным тактическим принципом народников-культурников становится простая и ясная формула: «все для народа и через народ».

Летом 1885 г. на страницах газеты «Неделя» Абрамов призывает интеллигенцию к новому походу в деревню, но не для пропаганды народнических идей, а на «культурную работу». Вокруг статей публициста в скором времени разворачивается бурная полемика о задачах русской интеллигенции, одним из итогов которой станет закрепление за публицистом, с подачи его главного критика – Н. В. Шелгунова, не очень лестного звания «отца» теории «малых дел» (второе ее название – «абрамовщина» – в 1901 г. придумал П. Б. Струве[2]). Хотя сам Абрамов считал, что пропагандируемая им культурная работа – это вовсе не «малые», а самые настоящие «великие» дела.

На наш взгляд, называть повседневный труд народных учителей, врачей и агрономов «маленькими делами» могли только идейные противники народников-культурников, которые, вслед за Г. В. Плехановым, считали, что путь к социализму

---

[1] Подробнее см.: Мокшин Г. Н. «Культурное» или «культурническое» народничество? (о значении понятий в истории отечественного народниковедения) // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История. 2016. № 1.

[2] Струве П. На разные темы // Мир Божий. 1901. № 6. С. 24, 27.

лежит через политическую борьбу, а не через культурническую деятельность. Однако в современном народниковедении «малые дела» и «культурная работа» (из-за недостаточной разработанности идеологии «культурного» народничества) по-прежнему рассматриваются как синонимы. И, кроме того, существует стойкое убеждение, что «политики» лучше «культурников» понимали необходимость скорейшего реформирования страны.

Объектом данного исследования является история народнического движения последней трети XIX – начала XX в. (преимущественно его правого крыла).

Предмет исследования – общественно-политические взгляды и деятельность Я. В. Абрамова как одного из главных теоретиков культурнического течения в легальном народничестве.

Степень изученности темы.

На рубеже XIX–XX вв., судя по статьям в тогдашней справочной литературе, Я. В. Абрамов считался второстепенным писателем и публицистом, хотя и очень плодовитым. Однако пройдет сто лет и благодаря развитию отечественной историографии он уже дорастет до «властителя дум» целого поколения русской интеллигенции и «непознанного гения»[1]. Из всех народников-культурников 1880–1890-х гг. только Яков Абрамов попал в «Российскую историческую энциклопедию»[2]. Ни И. И. Каблиц, ни С. Н. Кривенко не удостоились такой чести. В данном историографическом обзоре мы попытаемся проследить эту удивительную метаморфозу и дать ей объяснение.

До 1917 года информацию о жизни и взглядах Абрамове можно было найти только в справочной литературе. Например, в словаре С. А. Венгерова была помещена автобиография публициста и изложено его жизненное кредо: «энергическая» помощь народу в его «трудной борьбе с кулачеством и быстро нарождающейся… буржуазией» (в ущерб отодвигаемым на второй план общественно-политическим

[1] Чаблин А. Непознанный гений: ученые СГУ выводят из небытия великие имена Ставрополья // Открытая газета. 2008. № 51. 24–31 декабря; Головко В. М. Яков Васильевич Абрамов. Мировоззрение. Метод. Поэтика: учеб. пособие. М., 2015. С. 11.

[2] Цыганкова Л. А. Абрамов Яков Васильевич // Российская историческая энциклопедия: в 18 т. Т. 1. М., 2011. С. 40.

вопросам). Здесь же приводится наиболее полный перечень книг и статей Абрамова в различных печатных изданиях («Отечественные записки», «Слово», «Устои», «Неделя» и др.), свидетельствующий об устойчивом интересе народника к истории раскола, деятельности органов земского самоуправления и к жизни его родины – Северного Кавказа. Однако эти сведения доходят лишь до 1886 г.[1]

Похожую характеристику Абрамова как общественного деятеля (но уже более идеологизированную) мы находим в статье А. Г. Фомина для «Нового энциклопедического словаря». По мнению автора, Абрамов является представителем «чересчур одностороннего» течения в народничестве, которое по его имени получило название «абрамовщина». Ее суть – отказ от «больших дел» (стремления к «пересозданию общественного строя») и сосредоточение внимания интеллигенции на «малых делах» и «тихой культурной работе», а именно: призыв «идти в учителя, земские врачи, бороться с кулачеством и т.п.»[2].

В других работах данного периода Абрамов упоминается вскользь, но тоже в основном в контексте критики теории «малых дел». Например, А. Потресов, М. Миклашевский, С. Венгеров, давая анализ идеологической обстановки в российском обществе в 80–90-х гг. XIX в., указывали на теорию «малых дел» Абрамова как на отражение идейного кризиса народничества[3].

Таким образом, еще с конца XIX в. Я. В. Абрамов позиционируется как основоположник теории «малых дел», провозглашенной на страницах «Недели» и отражающей направление «серединной, умеренной, культуртрегирской интеллигенции» 1880-х гг. По замечанию М. Миклашевского, это направление лишь отчасти окрашено народничеством[4]. Неслучайно в одной из статей о народничества начала

---

[1] Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. СПб., 1889. С. 21–23.

[2] Фомин А. Абрамов Я. В. // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 1. С. 76–78.

[3] Потресов А. Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в России в начале XX в. Т. 1. СПб., 1909. С. 538; [Миклашевский М. П.] Неведомский М. 80-ые – 90-ые годы в нашей литературе // История России в XIX в. Т. 9. СПб., 1911. С. 19; Венгеров С. А. Этапы неоромантического движения. Ст. вторая // Русская литература XX века. (1890–1910). Кн. 6. М., 1914. С. 225.

[4] [Миклашевский М. П.] Неведомский М. Указ. соч. С. 19.

XX вв. об Абрамове будет замечено, что через него это направление незаметно сливается с консерватизмом[1]. А в марксистской историографии он станет «либеральным» народником.

После революции 1917 г. отношение в исторической литературе к Абрамову не поменялось, как и к тому течению народнической мысли, к которому он принадлежал. Признание «абрамовщины» маркером «вырождения» русского народничества, которое к концу 1880-х гг. окончательно утратила «здоровое политическое чутье», стало основой для забвения общественно-политических взглядов Абрамова в советской историографии. Чего только стоит реплика одного «маститого» литературоведа 1920-х гг. о том, что Н. В. Шелгунов, осуществивший «идейный разгром» идеологии «восьмидесятничества», пригвоздил Абрамова к «позорному столбу»[2].

В 1920–1930-х гг. имя Абрамова упоминалось лишь в немногих трудах, в основном затрагивающих его биографию рубежа 1870–1880-х гг. Мы имеем в виду статью в словаре «Деятели революционного движения в России», где приводятся данные о преследовании Абрамова со стороны полиции, и когда он был народником-пропагандистом, и когда стал легальным народническим публицистом[3]. Ценные материалы о связях Абрамова с народовольцами и поздними черноперельцами представлены также в статье Б. И. Николаевского[4]. И еще в сборнике статей по истории народничества Б. П. Козьмина впервые разбираются некоторые художественные и публицистические очерки Абрамова, опубликованные в начале 1880-х гг. в журнале «Устои»[5].

В 1950-е годы, когда идеологическое давление на историческую науку несколько ослабло, в изучении истории русского народничества начинается новый

---

[1] [Южаков С. Н.] Народничество // Большая энциклопедия. Т. 13. СПб., [1904]. С. 658.
[2] Коган П. С. Очерки по истории новейшей русской литературы. Т. 4. М.; Л., 1929. С. 12.
[3] Абрамов Яков Васильевич // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 1. М., 1929. Стб. 3.
[4] [Николаевский Б. И.] Иванов Б. Н. Л. Сергиевский как историк «партии русских социал-демократов» (1884–1887 гг.) // Каторга и ссылка. 1931. № 1. С. 114.
[5] Козьмин Б. П. От «Девятнадцатого февраля» к «Первому марта»: очерки по истории народничества. М., 1933. С. 256–278.

этап. Правда, в основном это касалось его левого, революционного крыла, а представители «либерального» народничества затрагивались лишь по касательной. Так, в монографии В. П. Крикунова, посвященной революционному движению на Северном Кавказе в конце 1870-х гг., впервые на архивных документах раскрывается участие в нем бывшего студента МХА Якова Абрамова[1].

С середины 1960-х гг. в работах В. А. Твардовской, Б. В. Банка, В. Г. Хороса, И. Г. Лиоренцевича вновь поднимается вопрос о вкладе Абрамова в становлении теории «малых дел» и в разработку правыми народниками новой программы деятельности интеллигенции в деревне, в условиях политической реакции 1880-х гг. При этом распространение данной теории по-прежнему трактуется как выражение идейного кризиса позднего народничества и его либерального перерождения[2].

Среди исследований 1960–1970-х гг., затрагивающих общественные взгляды Абрамова, стоит также отметить монографию Б. И. Есина о Н. В. Шелгунове, где рассматривается полемика между ним и Абрамовым по вопросу о главных задачах русской интеллигенции 1880-х гг. Автор, в частности, обращает внимание на вредный и антиобщественный характер выступлений Абрамова в защиту «светлых явлений» и «бодрый впечатлений», т.е. «малых дел»[3].

Кардинальный пересмотр отношения к народникам-культурникам начался лишь в конце 1970-х гг. В 1980 г. В. И. Харламов (ученик М. Г. Седова) защищает первую у нас в стране кандидатскую диссертацию, посвященную идеологии «малых дел» («недельного» народничества) и конкретно И. И. Каблицу (Юзову). В ней молодой исследователь, хоть и с оглядкой на ленинскую критику народничества, тем не менее, отказался признавать культурническую доктрину поздних народников, включая Абрамова, чисто «мелкобуржуазной» и, безусловно, «реакционной»[4].

---

[1] Крикунов В. П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. Нальчик, 1958. С. 74–76.
[2] Твардовская В. А. «Малых дел теория» («абрамовщина») // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965. Стб. 980; Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969; С. 86; Хорос В.Г. Народническая идеология и марксизм. М., 1972. С. 78; Лиоренцевич И. Г. Социологические теории народничества // Социологическая мысль в России. Л., 1978. С. 113.
[3] Есин Б. И. Н. В. Шелгунов. М., 1977. С. 55.
[4] Харламов В. И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX века : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1980. С. 18.

По словам Б. П. Балуева, без этого труда В. И. Харламова уже нельзя представить себе изучение истории «либерального» народничества[1].

В. И. Харламов одним из первых обратил внимание на то, что к числу основоположников теории «малых дел» следует относить не только Абрамова. Его знаменитая статья «Правда ли, что нет дела?» с призывом к новому «хождению в народ» была опубликована в «Неделе» в августе 1885 г. Но теоретическое обоснование необходимости сосредоточения внимания интеллигенции на удовлетворении практических нужд народа было дано в той же «Недели» еще в начале 1880-х гг. в статьях И. И. Каблица. Опираясь на этот факт, историк, в конце концов, признал его «ведущим создателем» теории «малых дел»[2]. Роль же Абрамова – это разработка конкретной программы деятельности интеллигенции в деревне, вытекающей из упомянутой выше теории[3].

В 1981 г. была защищена еще одна диссертация о народниках «Недели» – Т. М. Канаевой (тоже под руководством М. Г. Седова). Культурная работа, как и у Харламова, в ней оценивается как в целом прогрессивное явление. В тоже время отмечается, что призывы Абрамова к переселению интеллигенции в деревню уводили значительную часть интеллигенции от непосредственной борьбы за освобождение народа[4].

В 1989 г. в первой томе «Словаря русских писателей» публикуется первая подробная литературно-общественная биография Абрамова (с солидным списком источников и литературы), подготовленная тоже его землячкой – Т. П. Агапкиной[5].

---

[1] Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 18.
[2] Харламов В. И. Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. М., 1990. С. 111–112.
[3] Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 169.
[4] Канаева Т. М. Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875–1893 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1981. С. 14.
[5] Агапкина Т. П. Абрамов Я. В. // Русские писатели. Биографический словарь. 1800–1917. Т. 1. М., 1989.

В конце 1980-х гг. с Абрамова будет окончательно снято клеймо «реакционера», что откроет дорогу для дальнейшего изучения его идейного наследия новому поколению исследователей – В. В. Звереву, Э. В. Кемпинскому и С. Я. Новаку[1].

Итак, большую часть советского периода идейное наследие Абрамова воспринималось как «отрыжка» эпохи реакции 1880-х гг. И лишь в 1980-е гг. появляются первые работы о легальном народничестве, в которых понятие «реакционность» (теории «малых дел» Абрамова) начинает заменяться на более нейтральное – «консерватизм». Однако марксистская идеология еще не позволяет советским исследователям относиться к Абрамову и другим представителям «культурнического» народничества более объективно.

Первым шагом на этом пути стала монография Б. П. Балуева об идеологах «либерального народничества»[2]. Хотя автор рассматривает их взгляды и деятельность с позиции классового подхода (как и все историки-марксисты), он опирается не на одни только ленинские цитаты, но и на обстоятельный анализ трудов самих народников-культурников. И они для Балуева больше не реакционеры, а скорее «заблудшие» общественные деятели, которые искренне желали благо своему народу. К сожалению, Абрамову в этой работе уделяется сравнительно мало внимания. Для Балуева он по-прежнему «отец» теории «малых дел».

Заметное оживление внимания исследователей к нашему публицисту наблюдается лишь к концу 1990-х годов. В 1997 г. в «Отечественной истории» С. Я. Новак публикует статью «Абрамов – пионер “теории малых дел”» (в то время он работал над кандидатской диссертацией о своем земляке, которую так и не завершил). В ней даются достаточно подробные сведения о жизни Абрамова (детстве, обучении в гимназии и духовной семинарии, о становлении характера и мировоззрения будущего теоретика «культурнического» народничества и о начале его писательской

[1] Мокшин Г. Н. Современная литература об идеологе культурного народничества Я. В. Абрамове // Народники в истории России: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Воронеж, 2019. С. 40.
[2] Балуев Б. П. Указ. соч.

карьеры в журнале «Отечественные записки»). Затрагивался также вопрос о причинах перехода публициста на более умеренные позиции в народничестве (в молодые годы Абрамов был близок к революционному подполью) и его сотрудничестве в газете «Неделя». Кроме того, автор впервые в отечественной историографии рассказывает читателям о неожиданной радикализации взглядов Абрамова в начале XX в. и о его неудачной попытке сделать «политическую карьеру», став депутатом I Государственной думы[1].

Еще один исследователем 1990-х гг., который занялся изучением идейного наследия Абрамова, был другой его земляк – В. В. Зверев. В своей монографии, посвященной истории «реформаторского» народничества, он исследует основные проблемы, которые разрабатывались публицистом в период его сотрудничества с газетой «Неделя» (задачи и возможности интеллигенции по работе в провинции, экономические проблемы русской деревни, работа земских учреждений, социальная сфера жизни народа, помощь в организации здравоохранения и просвещения крестьянству), а также комплекс предложений Абрамова, вытекавших из анализа этих вопросов, которые, собственно, и составляли практическую программу теории «малых дел»[2]. Все эти вопросы автор изучает и оценивает с позиции новой интерпретации правого народничества – как идеологии радикальной модернизации России. Данный подход позволил в значительной степени «реабилитировать» Абрамова, как общественного деятеля, который знал, что действительно нужно народу, и привлечь внимание к изучению его взглядов др. исследователей (Г. Н. Мокшина, Б. Б. Сажина, В. В. Блохина)[3].

---

[1] Новак С. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. См. также: Кемпинский Э. В., Новак С. Я. Общественно-политическая деятельность Я. В. Абрамова в конце XIX – начале XX вв. // Страницы истории России: межвуз. сб. науч. ст. Ставрополь, 1996.

[2] Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. Раздел V. Гл. 1.

[3] См.: Данилова Е., Зверев В. Отец теории малых дел знал, что делать // Общая газета. 1995. № 42. С. 9.

В 2000-е гг. имя Абрамова появляется уже не только в вузовских, но и в школьных учебниках по истории России[1].

Современные народниковеды не без основания доказывают, что только с обращением к практической, созидательной деятельности на ниве народного просвещения, здравоохранения, подъема общего благосостояния народа, к чему так настойчиво призывал Абрамов, значительная часть интеллигенции превратилась в созидательную общественную силу. Набольшее развитие эта идея получила в диссертациях С. Н. Касторного и Г. Н. Мокшина[2]. Их работы, где немалое место уделено анализу общественно-политических взглядов Я. В. Абрамова, безусловно, являются ценным вкладом в изучение истории народнической мысли 1880–1890-х гг.

Новый этап современной историографии Абрамова следует отсчитывать с 2008 года, когда на родине публициста в г. Ставрополе прошли первые научные «Абрамовские чтения». Инициатором данного мероприятия стал доктор филологических наук В. М. Головко – автор первой монографии и первого учебного пособия об Абрамове как писателе[3]. Под редакцией Головко в 2008 г. были изданы биобиблиографические материалы, а в 2013 г. большой сборник научных трудов, специально посвященные Абрамову[4]. Между прочем, в упомянутом сборнике были опубликованы хранящиеся в Государственном архиве Ставропольского края документы о жизни и деятельности Абрамова, обнаруженные его ведущим археографом Е. Б. Громовой[5]. В 2020 и 2023 гг. стараниями все того же Головко увидели свет еще две

---

[1] Левандовский А. А. История России, XIX век: учеб. для 8 кл. общеобразовательных учреждений. 2-е изд. М., 2006. С. 251; [Цимбаев Н. И.] Народничество [Гл. 26. § 2] // История России XVIII–XIX веков. М., 2006. С. 680.

[2] Касторнов С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002; Мокшин Г. Н. Идейная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. … докт. ист. наук. Саратов, 2010.

[3] Головко В. М. Яков Абрамов : самоактуализация в художественном творчестве. Ставрополь, 2008; Его же. Яков Васильевич Абрамов. Мировоззрение. Метод. Поэтика.

[4] За лучшую будущность России: к 150-летию со дня рождения Якова Васильевича Абрамова, общественного деятеля, публициста, критика: биобиблиогр. материалы. Ставрополь, 2008; Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России. Ставрополь, 2013.

[5] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память // Там же.

коллективные монографии, целиком посвященные Абрамову как мыслителю, писателю и общественному деятелю[1].

В настоящее время изучением творческого наследия Абрамова занимаются ученые из Ставрополя, Москвы, Орла, Ростова-на-Дону, Воронежа и др. российских городов. В приоритете такие темы, как: особенности народничества Абрамова и его публицистики[2], история раскола[3], деятельность органов земского самоуправления и воскресных школ[4], а также место и роль писателя в общественной жизни ставропольского края[5].

По-прежнему вводятся в научный оборот новые документальные материалы, восполняющие пробелы в интеллектуальной и политической биографии Абрамова[6].

Таким образом, в последние годы Яков Абрамов вошел в круг наиболее востребованных писателей и публицистов правого народничества. Регулярно проводятся всероссийские «Абрамовские чтения» (в Ставрополе). Переизданы многие

---

[1] Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества. Ставрополь, 2020; Я. В. Абрамов и его современники. Ставрополь, 2023. Обе монографии изданы под редакцией В. М. Головко.

[2] Мокшин Г. Н. Основы культурного народничества Я. В. Абрамова // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества; Петренко Д. И., Бондарева Н. С. Остросоциальная публицистика Я. В. Абрамова (1858–1906) : актуальные проблемы общественной жизни в Российской империи на рубеже веков // Научный диалог. 2017. № 7.

[3] Сажин Б. Б. Проблема старообрядчества в публицистике Я. В. Абрамова // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2017. № 19; Его же. Религиозные движения в контексте идеологии народников в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX века: взгляд Я. В. Абрамова и А. С. Пругавина // Я. В. Абрамов и его современники.

[4] Касторнов С. Н. Я. В. Абрамов о роли земства в подъеме благосостояния народа // Народники в истории России: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Воронеж, 2019; Зверев В. В. Я. В. Абрамов и воскресные школы // НаукаПарк. 2016. № 8.

[5] Судавцов Н. Д. Место и роль Я. В. Абрамова в общественной жизни Ставрополья // Я. В. Абрамов и его современники.

[6] Раннее литературно-художественное творчество Я. В. Абрамова (публикация, вступительная статья, комментарии В. М. Головко) // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества; Головко В. М. «Дело Абрамова» в Кавказской духовной семинарии (на материалах архивных разысканий) // Там же; Я. В. Абрамов и издательство «Посредник» : письмо А. И. Иванчину-Писареву 1890 г. (Публикация, предисловие и комментарии В. М. Головко) // Я. В. Абрамов и его современники.

его художественные произведения и некоторые важные статьи[1]. Составлен биобиблиографический указатель[2]. В первую очередь, это конечно, заслуга ставропольцев во главе с проф. Северо-Кавказского федерального университета В. М. Головко, а также поддержавших эту инициативу историков правого народничества (В. В. Блохин, В. В. Зверев, Г. Н. Мокшин, Б. Б. Сажин и др.).

Однако вклад мыслителя и общественного деятеля в развитие идеологии и практики позднего народничества, на наш взгляд, изучен все еще недостаточно.

Дело в том, что до сих пор основные усилия ученых были сосредоточены на анализе публицистики Абрамова в газете «Неделя». Другие же аспекты его литературно-общественной деятельности исследованы сравнительно мало. Так, по-прежнему не решен вопрос об отношении Абрамова к движению революционного народничества 1870-х гг., т.е. был ли он революционером, как считали в Департаменте полиции. Почти ничего не известно о сотрудничестве публициста в демократических изданиях 1880–1890-х гг., включая «Отечественные записки», «Северный вестник» и «Новое слово». Не вполне понятны и причины его перехода в 1885 г. с левого фланга легального народничества в газету «Неделя» – цитадель умеренно правого (культурнического) народничества, где до него активно сотрудничал И. И. Каблиц-Юзов – главный тогдашний «народолюб» и «интеллигентофоб».

Наконец, остается открытым и самый важный вопрос – является Абрамов «отцом» (основоположником) теории «малых дел» 1880–1890-х гг.? Или все-таки его следует считать идеологом «великой» культурной работы?

Вообще, стоит заметить, что Я. В. Абрамов был необыкновенно деятельным человеком. В одном из неопубликованных писем В. Г. Черткову за 1896 г. он сообщал, что за свою жизнь (а на тот момент ему было всего 37 лет) перепробовал самые различные профессии. «Я, – пишет публицист, – сидел в кабаке, торговал в лавочке,

---

[1] Опальные русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3 т. Т. 3. Ставрополь, 2011. С. 11–184; Культурное народничество 1870–1890-х гг.: Хрестоматия. Воронеж, 2016. С. 133–139, 161–164, 172–176, 187–193, 225–229, 256–263; Абрамов Я. В. В поисках за правдой: сб. рассказов. Ставрополь; Кемерово, 2017.

[2] Абрамов Яков Васильевич: биобиблиографический указатель (1880–2017 гг.) / сост., предисл. и вспом. указ. Г. Н. Мокшина. Воронеж, 2017.

ездил по степям с гуртами волов и отарами овец, занимался банковским делом, управлял имением, занимался садоводством, был сотрудником газет и журналов, работал наборщиком и корректором в типографиях, служил приказчиком на фабрике, занимался исследованием экономического быта населения в качестве земского статистика, был народным учителем, ораторствовал в думе в качестве гласного, выступал в качестве защитника по уголовным процессам, занимался подпольною адвокатурою и т.д., и т.п.»[1].

К сожалению, до настоящего времени не предпринималось обобщающего исследования, которое свело бы вместе все основные факты жизни и деятельности интересующего нас народника. В итоге даже по вопросу о месте и роли Я. В. Абрамова в народническом движении последней трети XIX по-прежнему существует множество различных, в т.ч. и взаимоисключающих, мнений. Так, одни историки говорят о типологической близости Абрамова к Каблицу (Юзову), как идеологу «Недели», и исключают их обоих из продолжателей социалистической традиций традиции[2]. Согласно другой точке зрения, Абрамов был гораздо ближе к «либеральному культурничеству» И. С. Тургенева, Л. А. Полонского, К. Д. Кавелина, чем к правым народникам «почвеннической» формации (И. И. Каблиц, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко), т.к. не разделял их общинных иллюзий[3]. Третьи доказывают, что Абрамов всегда оставался верен заветам народников 1870-х гг. и рассматривал культурную работу как деятельность по подготовке почвы для постепенного перехода к более совершенному общественному строю, основанному на принципах народнического (крестьянского) социализма[4].

Мы также считаем, что не стоит отлучать Я. В. Абрамова ни от умеренно правого народничества, ни от продолжателей социалистической традиции 1860–

---

[1] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 104. Л. 14.

[2] Зверев В. В. Эволюция народничества: «теория малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 93.

[3] Головко В. М. И. С. Тургенев – Л. А. Полонский – Я. В. Абрамов : концепция для эволюционного развития общества как феномен интеллектуальной истории // Неизвестный Тургенев : матлы междунар. конф. Вып. 1. Орел, 2008. С. 3–10.

[4] Мокшин Г. Н. К вопросу о месте и роли Я. В. Абрамова в народническом движении 1880–1890-х гг. // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2018. № 3. С. 13.

1870-х гг., т.к. отстаиваемая публицистом центристская позиция как раз и была призвана примирить всех тех общественных деятелей, кто желал работать на благо своего народа и во имя его лучшего будущего. Ведь через широкую «культурную работу» в деревне, по мнению не только Якова Васильевича, но и С. Н. Кривенко, А. С. Пругавина, Е. Д. Максимова, и многих других их современников, можно было не только улучшить повседневную жизнь простого народа, но и создать почву для осуществления идеала более справедливого общественного устройства. И не их вина, что в конце XIX в. так называемая передовая русская интеллигенция окончательно развернулась от идеи мирного общественного прогресса, с постепенным вовлечением в него основного населения страны, в сторону подготовки радикальных политических переворотов и социальных экспериментов над собственным народом.

Цель данной работы – воссоздать основные вехи политической биографии Я. В. Абрамова как представителя культурного народничества.

Задачи работы:

– изучить становление народнических взглядов Я. В. Абрамова и начало его литературно-общественной деятельности на рубеже 1870/80-х гг.;

– установить причины превращения Я. В. Абрамова в идеолога культурного народничества 1880–1890-х гг.;

– реконструировать базовые положения культурнической доктрины Я. В. Абрамова и разработанной на ее основе программы деятельности русской интеллигенции;

– рассмотреть полемику вокруг отстаиваемой Я. В. Абрамовым тактики общественных преобразований страны в публицистике 80–90-х годов XIX века;

– осветить культурно-просветительскую деятельность Я. В. Абрамова в 1890-е и в начале 1900-х гг.;

– определить вклад Я. В. Абрамова в развитии легально-народнического движения последней трети XIX – начала XX в.

Хронологические рамки исследования: конец 1850-х – начало 1900-х годов. Они определяются основными событиями биографии Я. В. Абрамова данного

периода (детство и учеба в г. Ставрополе и С.-Петербурге, переезд в начале 1880-х гг. на постоянное жительство в столицу и возвращение через десять лет на родину).

Методология и методы исследования. Данная работа написана на основе базовых принципов исторического исследования: научная объективность, историзм и системность.

При реконструкции культурнической доктрины Абрамова автор опирался на социокультурный подход, основанный на изучении взаимосвязей между способом общественных изменений и самосознанием его субъектов.

Из специальных методов исторической науки использованы:

– метод сравнительно-исторического анализа (для выявления общего и особенного в народничестве Абрамова);

– проблемно-хронологический (для раскрытия особенностей эволюции политической биографии и взглядов Абрамова);

– ретроспективный метод (для более целостного видения прошлого).

Источники. Основными источниками для решения поставленных нами задач послужили: публицистические труды Я. В. Абрамова и его современников, документальные материалы различного происхождения, художественно-публицистические произведения, а также мемуары и письма.

Главным источником данного исследования являются сочинения Я. В. Абрамова. Безусловно, это был очень плодовитый автор, оставивший после себя более двух тысяч публикаций на самые разные темы. Для данного исследования наибольший интерес представляют его статьи и заметки в газетах «Неделя», «Русь», «Сын отечества», «Приазовский край», в журналах «Слово», «Устои», «Отечественные записки», «Книжки “Недели”», «Новое слово» и др. периодических изданиях, а также отдельные издания его работ, из которых выделяются две книги: «Что сделало земство и что оно делает (Обзор деятельности русского земства)» (1889) и «Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее» (1900). На их основании можно составить четкое представление о содержании культурнической доктрины Абрамова, о целях и практических задачах интеллигенции в деревне, о конкретных путях приложения ею своих сил на благо развития крестьянского общества.

В работе использовались также труды современников Абрамова, как сторонников, так и противников его взглядов. Среди первых можно отметить книги и статьи В. П. Воронцова, И. И. Каблица, С. Н. Кривенко, К. В. Лаврского, Л. Е. Оболенского, С. А. Приклонского, А. С. Пругавина, П. П. Червинского и др. У противников культурничества выделяются статьи Н. В. Шелгунова, Н. К. Михайловского и П. Н. Обнинского, которые содержат развернутую критику идеологии «малых дел».

Первостепенное значение для написания политической биографии Абрамова имеют материалы полицейских расследований: дело «По обвинению дочери купца П. Коковкиной в имении запрещенных книг» (1879 г.)[1], дело «О ставропольском мещанине Я. В. Абрамове» (1897 г.)[2], дело «О литераторе Я. В. Абрамове» (1899 г.)[3] и др., по которым он проходил. Все они содержат очень важную информацию об участии молодого народника-пропагандиста в движении революционного народничества, а также многие интересные факты из его литературно-общественной деятельности конца 1870-х – начала 1900-х годов. Часть этой эксклюзивной информации уже при советской власти попала в печать, например, отчет доносчика А. А. Панова о собрании литераторов на похоронах И. С. Тургенева, где присутствовал Яков Абрамов[4].

Документальные материалы представлены также сведениями об обучении и успеваемости Абрамова в Ставропольской гимназии и Кавказской духовной семинарии 1869–1877 гг., а также выдержками из журналов заседаний Ставропольской городской думы и полицейских донесений, отобранные из фондов ГАСК и опубликованные Е. Б. Громовой[5].

---

[1] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 164. Д. 524.
[2] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 95. Д. 937.
[3] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 227. Д. 332.
[4] Сенчакова Л. Т. На похоронах И. С. Тургенева [«Из докладной записки А. А. Панова»] // История СССР. 1968. № 5.
[5] См.: Громова Е. Б. Указ. соч.

Еще одним важным источником стал «Опыт обоснования программы народников» (1884). Эта нелегальная брошюра, по мнению историка Б. И. Николаевского, является развернутым изложением общественно-политических взглядов Абрамова[1]. Исходя из нее, можно сделать выводы о причинах, побудивших публициста перейти на позиции легального народничества и заняться пропагандой и развитием программы практической деятельности в деревне представителей свободных интеллигентских профессий (врачей, учителей, агрономов и т.п.).

Некоторые сведения об Я. В. Абрамове взяты из его ранних очерков и рассказов («Среди сектантов», «Механик», «Гамлеты – пара на грош», и др.), которые носят автобиографический характер. Определенный интерес представляет «Автобиография» Я. В. Абрамова, датируемая 1886 г., и его воспоминания о М. Е. Салтыкове-Щедрине и Г. И. Успенском. А вот привлекаемые в качестве источников мемуары современников (Х. Д. Алчевской, Г. Н. Добрускиной, В. В. Бартенева, А. М. Скабичевского, Н. В. Шелгунова), к сожалению, не очень информативны.

Весьма ценным источником является личная переписка Я. В. Абрамова, т.к. она позволяет пролить свет на переломные моменты в его биографии (например, на причины отъезда из Петербурга в мае 1890 г.). Набольшее количество его писем хранится в РГАЛИ в личных фондах С. Н. Кривенко, В. Г. Черткова, И. И. Горбунова-Посадова и др. Часть переписки отложилась в следственных делах Абрамова (как результат перлюстрации его корреспонденции). Прежде всего, это письма публициста к В. А. Крандиевскому (1899) и Е. Ф. Головниной (1901) о его борьбе с «разными мерзавцами», завладевшими Ставрополем[2].

Из опубликованных материалов следует также выделить переписку Якова Абрамова с Глебом Успенским, а также упоминания об Абрамове в письмах известных русских писателей (И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой), содержащих интересные замечания о творчестве Абрамова.

---

[1] [Николаевский Б. И.] Иванов Б. Указ. соч.
[2] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 227. Д. 322. Л. 3, 12.

Научная новизна. Это первое обобщающее исследование, посвященное биографии и общественно-политическим взглядам Я. В. Абрамова. Становление и эволюция идейных воззрений народнического писателя и публициста анализируются в общем контексте его жизни и деятельности в последней трети XIX – начале XX в. При этом делается попытка опровергнуть устоявшееся в научной литературе мнение о том, что теорию «малых дел» следует называть «абрамовщиной». Доказывается, что Я. В. Абрамов был разработчиком практической программы «культурной работы» интеллигенции в деревне, а не теоретических основ «малых дел». Кроме того, установлено, что в данной теории (получившей развитие в трудах И. И. Каблица и Л. Е. Оболенского начала 1880-х гг.) главный акцент делался на удовлетворении текущих потребностей населения. Абрамов же смотрел на задачи демократической интеллигенции гораздо шире, указывая на значение так называемых «малых дел» (по Абрамову – «великой» культурной работы) для создания социально-культурных предпосылок для последующих изменений общественного строя.

В работе сформирован новый подход к изучению деятельности публициста, не как к апологету «малых дел», а как к идеологу широкой культурной работы. Данный подход к идеологии правого народничества позволяет по-новому оценить значение разработанной публицистом практической программы помощи простому народу. Во-первых, выделить позитивные стороны культурнической доктрины Я. В. Абрамова. Во-вторых, показать ее недостатки и выяснить конкретные причины, из-за которых данная концепция имела ограниченное влияние на развитие русского освободительного движения.

Положения, выносимые на защиту:

– установлено, что в конце 1870 – начале 1880-х годов Яков Васильевич был участником революционно-демократического движения. В эти годы он входил в состав ряда нелегальных кружков, занимавшихся распространением запрещенной антиправительственной литературы. Однако быстро разочаровался в возможности изменить жизнь страны к лучшему при помощи революционного переворота. На

взгляды Абрамова данного периода существенное влияние оказали: провал попыток радикальной молодежи поднять народ на революцию, разгром революционного движения после 1 марта 1881 г., успехи в стране капитализма и ухудшение материального положения народа и т.д.). Яков Васильевич обратился к идеологии культурного народничества в то время, когда его идеи набирали популярность;

– доказано, что Абрамов не был основоположником теории «малых дел», так как не считал заботу о просвещение народа и подъеме его благосостояния «малыми» делами. Словосочетания «маленькие дела», «муравьиная работа» и подобные уничижительные названия использовали предшественники Абрамова (Каблиц, Оболенский и др.), а сам он предпочитал называть такие дела или просто «делом», или «культурной работой», а иногда и «великой культурной работой»;

– реконструированы основные положения культурнической доктрины Абрамова. Цель его культурной работы – это изменение мировоззрения и расширение потребностей простого народа, как средства преодоление его бедности и нищеты. Понятие «культурная работа» намного шире «малых дел», т.к. данная теория делает акцент на удовлетворение текущих потребностей масс, а Абрамов задумывался о создание социально-культурных предпосылок для изменения существующего общественного строя;

– определен основной вклад Абрамова в развитие культурно-народнического движения. Во-первых, именно Абрамов инициировал движение по переселению «умственного пролетариата» в деревню, вошедшее в историю как «хождение в земство»; во-вторых, он первым перевел отвлеченные культурнические идеи своих предшественников на язык практических формул и сумел заинтересовать ими широкие слои демократической интеллигенции; и, в-третьих, во многом именно Абрамов создал новый образ интеллигента-труженика и социально-культурного работника, что со временем помогло «лишним людям» (безработным «маргиналам» и политическим «отщепенцам») превратиться в по-настоящему созидательную общественную силу.

– установлено, что пик популярности идей Абрамова приходится на вторую половину 1880-х гг., когда он являлся ведущим публицистом газеты «Неделя». В

мае 1890 г., после резкой критики со стороны Н. В. Шелгунова, объявившего Абрамова идеологом мещанства, т.е., по - сути врагом русской интеллигенции, он возвращается на родину и оказывается в стороне от стремительно политизирующегося народнического движения.

Теоретическая и практическая значимость работы. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в ходе научных разработок по народниковедческой тематике, при подготовке в высших учебных заведениях общих и специальных курсов по истории общественного движения и общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту научной специальности 5.6.1 Отечественная история. Области исследования: п. 9. История общественной мысли и общественных движений; п. 17. Личность в российской истории, ее персоналии; п. 22. Интеллектуальная история России.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается широкой источниковой базой работы, большим количеством проанализированной научной литературы, соответствием применяемой методологии целям и задачам исследования.

Основное содержание диссертации отражено в 15 публикациях (включая 4 статьи в рецензируемых изданиях из списка ВАК) общим объемом авторского участия 5 п.л.

Результаты работы докладывались и обсуждались на 8 научных конференциях: XI, XIII–XV и XVII региональные научные конференции «Общество и власть» (Воронеж, февраль 2017, 2019–2021 и 2023 гг.); Всероссийская научно-практическая конференция «М. М. Сперанский и опыт социально-политического реформаторства в отечественной истории» (Владимир, сентябрь 2022 г.); XIV Всероссийские научные абрамовские чтения «Я. В. Абрамов и его современники» (Ставрополь, октябрь 2022 г.); XLIV Международные научные чтения «Н. Г. Чернышевский и его эпоха» (Саратов, октябрь 2022 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав и тринадцати параграфов, заключения, двух приложений и списка использованных источников и литературы.

Первая глава посвящена становлению Я. В. Абрамова как идеолога культурного народничества. Рассматриваются его учеба, начало общественной и литературной деятельности. Особое внимание уделяется анализу эволюции взглядов народника в первой половине 1880-х гг.

Во второй главе раскрываются основы культурного народничества Абрамова и его место и роль в народническом движении середины 80-х – начала 90-х гг. XIX столетия.

В третьей главе анализируются различные стороны культурно-просветительской деятельности Абрамова в 1890-е и в начале 1900-х гг., когда он постепенно отходит от народнического движения, а также отношение публициста к революции 1905 г.

ГЛАВА I. СТАНОВЛЕНИЕ Я. В. АБРАМОВА КАК НАРОДНИКА-КУЛЬТУРНИКА

1.1. Формирование мировоззрения Я. В. Абрамова и его участие в народническом движении конца 1870-х гг.

70-е гг. XIX века – это время подъема общественного движения в России, связанного с деятельностью так называемого «активного» народничества. Под влиянием этого направления общественной мысли находились многие представители тогдашней «идейной» молодежи. Не составлял исключение и Я. В. Абрамов. В молодые годы он не только сочувствовал идеям революционных народников, но и в конце 1870-х гг. был уличен полицией в распространении у себя на родине в г. Ставрополе антиправительственной литературы.

В литературе о самом Абрамове формирование его народнического мировоззрения и начало общественной деятельности специально не изучались. И вообще о жизни Абрамова до 1881 г., когда началось его постоянное сотрудничество в столичных журналах, известно только в общих чертах. Исключение составляет период обучения Абрамова в Кавказской духовной семинарии в 1875–1876 гг., подробно описанный в недавних статьях В. М. Головко[1]. Поэтому вопрос о том, как и почему юный Абрамов стал народником, на наш взгляд, нуждается в более подробном рассмотрении.

Яков Абрамов родился 22 октября (2 ноября) 1858 года[2] в провинциальном городке Ставрополе-Кавказском в семье мелкого чиновника городской управы Василия Николаевича Абрамова и его жены Ксении Прохоровны (оба православного вероисповедания). Яков был их четвертым ребенком из пяти. Таинство крещения

---

[1] Головко В. М. Книга в истории идейно-творческого самоопределения Я. В. Абрамова (на материале архивных разысканий) // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества. Ставрополь, 2020; Его же. «Дело Абрамова» в Кавказской духовной семинарии (на материале архивных разысканий) // Там же.

[2] Сам Я. В. Абрамов считал датой своего рождения 21 октября 1858 г., что нашло отражение в его автобиографии 1886 г. и в справочной литературе. См.: РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 11. Л. 1; Абрамов Яков Васильевич: биобиблиографический указатель (1880–2017 гг.). С. 5.

26 октября совершил священник Георгий Феодосиев[1]. Став писателем, Абрамов возьмет себе литературный псевдоним «Федосеевец»[2].

В 1850-е гг. Ставрополь являлся крупнейшим центром всего Предкавказья. Еще в 1820-е гг. в этом городе проживало чуть больше 5000 жителей. Но после переноса сюда в 1847 году центра губернии, ситуация изменилась. Уже во второй половины XIX века Ставрополь не уступал по темпам строительства и развития любому европейскому городу. Преобладали в городе купцы и мещане, которые занимались сельскохозяйственной деятельностью: ремеслом, садоводством, огородничеством. К ним же относилась и семья Якова Абрамова.

До 10 лет мальчик получал домашнее обучение. Главным учителем и воспитателем выступал его отец – Василий Абрамов – «мещанин-самоучка»[3].

С осени 1868 г. Яков Абрамов начал обучение в подготовительном классе классической мужской гимназии г. Ставрополя, здание которой сохранилось до сих пор. В 1869 г. поступил в первый класс. На тот момент в гимназии училось около 900 воспитанников. Были открыты специальные классы, которые готовили юношей после выпуска для поступления в университет, а также будущих учителей уездных училищ.

Во второй половине XIX в. Ставропольская гимназия превратилась в настоящий центр умственного воспитания местной молодежи, дав России таких видных деятелей освободительного движения, как М. Ф. Фроленко, Г. А. Лопатин, М. И. Бруснев и А. Ф. Михайлов[4]. Среди гимназистов ежегодно проводились конкурсы на лучшее сочинение по истории. Работы, одобренные педагогическим советом

---

[1] [Выписка из метрической книги Казанского собора г. Ставрополя за 1858 год о рождении Василия Яковлевича Абрамова] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России. Ставрополь, 2013. С. 227.

[2] Версия о том, что Я. В. Абрамов выбрал литературный псевдоним в честь «федосеевцев» (беспоповское направление в русском старообрядчестве), высказанная в статье Л. С. Соболевой, является ошибочной. См.: Соболева Л. С. Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2002. Вып. 5. № 24. С. 102.

[3] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 11. Л. 1.

[4] Кемпинский Э. В., Новак С. Я. Общественно-политическая деятельность Я. В. Абрамова в конце XIX – начале XX вв. // Страницы истории России: межвуз. сб. науч. ст. Ставрополь, 1996. С. 33.

гимназии, публиковались в местной газете «Ставропольские губернские ведомости».

Учиться в гимназии было нелегко. Подъем в 7 утра. Занятия в классах продолжались с 8 ½ утра до 6 ½ вечера (с перерывом на обед). От переутомления, напишет Абрамов в начале 1880-х гг. в одном из своих автобиографических очерков, «не понимаешь и половины происходящего вокруг тебя и держишься… только из страха перед начальством». Возвратившись домой, едва не падаешь от усталости. Но отдыхать некогда, – нужно готовить уроки, «вникать в тонкости стиля Плутарха или указывать сходства и различие между Плюшкиным и Скупым рыцарем». Спишь с 11 час. вечера до 3 час. утра, когда тебя нарочно будят еще на два часа для завершения домашней работы. Итого «шесть часов отдыху… и 18 час. возни – ведь это на редкой фабрике бывает!»[1].

Но, несмотря на огромные нагрузки, учиться Абрамов любил и даже находил время для самообразования. Исследователи его ранней биографии отмечают особую склонность юноши к чтению книг по естествознанию (подобно Евгению Базарову из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»). Это труды по ботанике, анатомии, физиологии, химии, физике, астрономии, медицине и т.д. Хотя со временем он начинает интересоваться и общественными науками (экономика, философия, история, социология, лингвистика и др.). Интересно, что в списке изученных Абрамовым книг есть издания на английском, французском и немецком языках, хотя в гимназии преподавали только немецкий[2].

В Ставропольской гимназии Яков Абрамов приобретает свой первый литературный опыт, став одним из авторов рукописного ученического журнала «Люцифер»[3]. С 13 лет начинает печатать корреспонденции из ставропольской жизни. А еще через год у него появляется желание познакомиться с духовной жизнью

---

[1] Абрамов Я. Гамлеты – пара на грош. (Из записок лежебока) // Устои. 1882. № 12. С. 54, 59.
[2] Головко В. М. Книга в истории идейно-творческого самоопределения Я. В. Абрамова (на материале архивных разысканий). С. 55, 61.
[3] Кемпинский Э. В. Интеллигент из Ставрополья // За лучшую будущность России: к 150-летию со дня рождения Якова Васильевича Абрамова. Ставрополь, 2008. С. 14.

народа и пробуждается интерес к сектантству[1].

По итогу 1873/74 учебного года Яков завершил учебу в 5 классе на «4,4», получив следующие оценки: 1) Закон Божий – 5, 2) Русский язык – 4, 3) Латинский язык – 5, 4) Греческий язык – 5, 5) Немецкий язык – 4, 6) Арифметика – 4, 7) История – 4, 8) Логика – 4. За этот аттестат он получил «награду 2-й степени»[2]. Однако вскоре Абрамов вынужден был прервать свое обучение.

Принято считать, что будущий народник покинул гимназию из-за нарастающего конфликта с наставниками данного учебного заведения, недовольными его огромным нравственным влиянием на товарищей[3]. В ноябре 1874 г. по доносу одного из гимназистов Абрамов был посажен в карцер, после чего по прошению отца отчислен из 6 класса… «вследствие болезни»[4]. Но как следует из дневниковых записей самого Абрамова, к этому шагу его подтолкнуло неожиданное разорение семьи (из-за недобросовестного компаньона отца) и необходимость самому «позаботиться о куске хлеба»[5]. Ведь на тот момент юноше уже исполнилось 16 лет.

По протекции одного богатого родственника, до осени 1875 г. Абрамов работает в качестве приказчика «по овечьему делу». В основном закупает траву в самых удаленных уголках Ставропольской губернии и Области Войска Донского. Близкое знакомство с условиями жизни простого народа, угнетаемого кулаками-коммерсантами, произвело на Абрамова тяжелое впечатление[6]. Отныне социальная несправедливость перестала быть для него книжной абстракцией.

В первой половине 1870-х гг. в молодежной среде набирает популярность народническое учение о долге интеллигенции перед народом. В легальной печати

---

[1] Абрамов Я. Ставрополь-Кавказский. Вынужденное объяснение // Приазовский край. 1903. № 1. С. 3.

[2] [Свидетельство о поведении и успеваемости ученика VI класса Ставропольской гимназии Якова Абрамова] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память. С. 228–229.

[3] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 164. Д. 524. Л. 13.

[4] [Выписка из именного списка учеников, выбывших из Ставропольской гимназии в течение 1874–1875 учебного года до окончания полного курса] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память. С. 226.

[5] Головко В. М. Книга в истории идейно-творческого самоопределения Я. В. Абрамова (на материале архивных разысканий). С. 51.

[6] [Абрамов Я. В.] Федосеевец. В степи. Ч. I–III // Устои. 1882. № 1. С. 133–134, 142.

его активно развивал тогдашний «властитель дум» Н. К. Михайловский. Еще гимназистом Абрамов пришел к выводу, что средством уплаты его собственного долга народу будет распространение в деревне знаний. «Недаром же мы учились, черт возьми!», – думал он. С этой целью было приобретено множество популярных книг (руководства к огородничеству, к уходу за скотом, к обработке льна и т.п.), которые, как считал Абрамов, необходимы в деревне. Однако первый опыт культурно-просветительской работы оказался неудачным. Оказалось, что крестьянам некогда читать. Книжки заинтересовали только одного мужика, который считал, что он «особь-статья» и, в конце концов, стал кулаком[1].

В августе 1875 г. Абрамов подает прошение ректору Кавказкой духовной семинарии о желании продолжить обучение в ее общеобразовательных классах (чтобы потом поступить в высшее учебное заведение). И, уже в сентябре, успешно сдав экзамены, на два года становится «казеннокоштным» воспитанником Ставропольской семинарии.

Согласно именной ведомости, датированной сентябрем 1877 г., Абрамов: «поведения – очень хорошего», способностей – «весьма хороших», прилежания – «постоянного», успехов – «отличных»[2]. В аттестате у него почти одни пятерки. «Хорошо» только по Священному Писанию и греческому языку. Юноша свободно говорит по латыни и обладает математическим талантом. Пробует писать драматические произведения («Смотрины», «Современное семейство», «Перелом», «Сон» и др.) о жизни мещанского сословия, преобладающего тогда среди жителей Ставрополя. Одновременно проявляет интерес к углубленному изучению истории, экономики и медицины. Очевидно, что юный Абрамов – личность неординарная и харизматичная[3].

Вот только с «поведением» у Абрамова было не все так хорошо, как указывалось в ведомости 1877 г. Так, весной этого года инспекцией было обнаружена

---

[1] [Абрамов Я. В.] Федосеевец. В степи. Ч. IV // Устои. 1882. № 3–4. С. 97, 99.

[2] [Выписка из именной ведомости о воспитанниках Кавказской духовной семинарии] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память. С. 231.

[3] Головко В. М. «Дело Абрамова» в Кавказской духовной семинарии (на материале архивных разысканий). С. 95, 99.

попытка Абрамова войти в переписку с учениками Пермской, Иркутской и Смоленской семинарий с целью «выяснить умственное и нравственное развитие воспитанников...»[1]. В данной переписке Абрамов просил своих корреспондентов делиться сведениями и мыслями относительно внутренней жизни семинарии и качества тогдашнего семинарского образования. Сам он открыто критиковал существующую образовательную систему России, обращая внимание на отсутствие в ней индивидуального подхода, идей гуманизма, изучения естественных и социологических предметов. Отношение преподавательского состава к обучению тоже оставляло желать лучшего. Но основное зло семинарского образования, по мнению Абрамова, заключалось в «нравственном давлении на личность, не позволяющем раскрыть собственную индивидуальность»[2].

Понятно, что руководство Кавказской семинарии усмотрело в этом инциденте прямую угрозу сложившемуся учебно-педагогическому и воспитательному строю духовных учебных заведений и отреагировало крайне негативно. Против Абрамова было начато служебное расследование. Его даже хотели исключить из учебного заведения. Горе-семинариста спасло только то, что упомянутая выше переписка была прекращена в самом начале, не получив поддержки со стороны адресатов[3]. В общем Абрамову дали закончить IV класс, после чего он тут же подал прошение об увольнении.

Изъятые у Абрамова в 1877 г. записные книжки и письма за 1873–1877 гг. помогают пролить свет на главный вопрос – почему он станет народником. Во-первых, у Абрамова обнаружат сделанные еще в гимназии выписки из произведений Фурье, Лассаля и Луи Блана о несправедливом распределении богатств, свидетельствующие о том, что молодой человек уже давно задумывается над несовершенством современного общества[4]. Во-вторых, в стенах Кавказской семинарии, он начинает зачитываться сочинениями Н. Г. Чернышевского, А. И. Левитова, Ф. Д.

---

[1] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 164. Д. 524. Л. 13 об.
[2] Абрамов Я. Гамлеты – пара на грош. (Из записок лежебока). С. 59.
[3] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 164. Д. 524. Л. 14.
[4] Головко В. М. «Дело Абрамова» в Кавказской духовной семинарии (на материале архивных разысканий). С. 91.

Нефедова и других популярных писателей-демократов[1]. Очевидно, что впечатлительный юноша, рано столкнувшийся с людской нуждой и страданиями и проявивший устойчивый интерес к социальным вопросам, не мог оставаться в стороне от движения молодежи, которое с середины 1870-х гг. находилось на подъеме. На этот вывод нас наталкивает жизнь и деятельность Абрамова после окончания семинарии.

Осенью 1877 г. Яков Васильевич снова отправляется «в народ» – в отдаленную казачью станицу Петровскую, где около года будет работать простым учителем. Для человека, не желающего «заедать чужой хлеб» и понимающего значение просвещения в жизни общества (все-таки перед нами будущий идеолог культурного народничества), шаг вполне логичный.

Занятие преподавательской деятельностью очень благотворно повлияет на душевное состояние юноши. Впоследствии Абрамов признается своим читателям как он, «дотоле никогда и никем не любимый и никого не любивший (детство мое было ужасно безобразно, до того безобразно, что я не решаюсь его вспоминать), вдруг получил столько любви от своих учеников, и сам полюбил их всеми силами своей молодой души. Я просто опьянел от избытка счастья…»[2].

В очерке «Гамлеты – пара за грош» Абрамов подробно описывает обычный день станичного учителя: как ученики будили его по утрам и помогали по хозяйству, как шумно и весело проходили занятия в классе, какими любознательными и понятливыми были молодые казачки. Формально он должен был учить их читать, писать и считать. Но на деле обсуждались все интересующие ребят вопросы[3].

Однако счастливые дни пребывания с боготворившими Абрамова учениками омрачались ужасными картинами народного страдания. Нищета, безграмотность, неустроенность жизни простого мужика очень взволновали молодого человека. Непродолжительное учительство в станице Петровской позволило Абрамову увидеть данную проблему изнутри.

---

[1] Там же. С. 86, 94.
[2] Абрамов Я. Гамлеты – пара на грош. (Из записок лежебока). С. 67.
[3] Там же. С. 63–66.

Стремясь докопаться до истинных причин неустроенности народной жизни, летом 1878 г. Абрамов уезжает в С.-Петербург, чтобы стать студентом Медико-хирургической академии (далее – МХА)[1]. Там преподавали многие выдающиеся умы того времени, например, Д. И. Менделеев.

О жизни Абрамова в Петербурге известно немного. В Российском государственном военно-историческом архиве его личное дело (как студента МХА) не сохранилось. Но нетрудно предположить, что в столице Абрамова занимала не только учеба. Здесь у него завязываются тесные отношения с представителями радикальной интеллигенции, которые, как и он, были озабочены поисками «правды», т.е. причин торжествующего в жизни «зла» и путей его устранения[2]. Об участии в спорах с «проповедниками» новых идей (не только народниками, но и марксистами) Абрамов вскользь упоминает в автобиографическом очерке «Гамлеты – пара на грош». Кстати, царящие в Петербурге нравы, также описанные в очерке, произвели на молодого провинциала удручающее впечатление[3].

Проучившись меньше года, в апреле 1879 г. молодой человек, вместе со своей будущей женой – Людмилой Николаевной Благонравовой, покидает столицу[4]. Что же его заставило отказаться от столь нужной для народа профессии врача? В своей автобиографии Абрамов ссылается на некие «независящие обстоятельства», которые словарь С. А. Венгерова расшифровывает как привлечение к делу «о распространении книг преступного содержания», с последующей высылкой на родину[5].

---

[1] В исторической литературе нередко фигурирует другая дата поступления Я. В. Абрамова в МХА – 1877 г., впервые озвученная в его автобиографии, предназначенной для словаря русских писателей С. А. Венгерова. См.: РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 11. Л. 1.

[2] В одном из современных справочников, посвященном деятелям революционного движения в России, утверждается, что Я. В. Абрамов вступил в него в 1877 г. и имел связи с членами «Земли воли». Но без ссылки на источники этой информации. См.: Абрамов Яков Васильевич // Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х – 1890-е гг. Т. 2: 1870-е гг. М., 2009. С. 9.

[3] Абрамов Я. Гамлеты – пара на грош. (Из записок лежебока). С. 72.

[4] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 164. Д. 524. Л. 10 об. (Из показаний следствию Л. Н. Благонравовой). По другим сведениям, Я. В. Абрамов оставил Петербург летом 1879 г. (Там же. Л. 14).

[5] Абрамов Яков Васильевич // Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. (От начала русской образованности до наших дней): в 6 т. Т. 1. СПб., 1889. С. 21.

Та же версия изложена в словаре «Деятели революционного движения в России»[1]. Однако в обоих изданиях указана неверная дата ареста Абрамова – 1878 г. вместо 1879 г. Поэтому большинство исследователей склоняется к другой версии оставления им МХА, изложенной в рассказе «Механик». Это голод и болезни, которые довели бедного студента до «полного истощения сил». «В Петербурге, – пишет автор, – мне не повезло». Средств не было никаких, уроки не попадались. Поэтому снимал квартиру «на сыром чердаке», плохо питался, пока не оказался в клинике[2]. Но в столицу Абрамов еще вернется, т.к. жить как раньше уже не сможет. Новые идеи и настроения, почерпнутые из нелегальных собраний и запрещенных книг и газет, навсегда изменят его самосознание.

Летом 1879 г. Абрамов организует у себя на родине кружок из радикально настроенной молодежи. Сочувствующих народническим идеям здесь хватало. По сведениям Ставропольского ГЖУ, в конце 1870-х гг. в Ставрополе действовала целая «партия социалистов» (до 150 чел.), сумевшая распространить в народе много книг «преступного содержания». Запрещенные книги ходили и среди воспитанников местной гимназии и семинарии. Доставкой их, в частности, занимались девицы Прасковья Коковкина и Людмила Благонравова. А они в свою очередь были связаны с бывшим студентом МХА Яковом Абрамовым[3].

Исследователь В. П. Крикунов назвал наличие в Ставрополе революционного кружка во главе с Я. В. Абрамовым неоспоримым фактом. Полицейские чины неслучайно в своей переписке называли это объединение «шайкой пропагандистов», а самого Абрамова «ярым революционером». Собираясь у него на квартире, молодые люди обоего пола обсуждали содержание прочитанных книг и необходимость революционной борьбы с самодержавием. Известно, что Абрамов был знаком с

---

[1] Абрамов Яков Васильевич // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 1. М., 1929. Стб. 2.

[2] [Абрамов Я. В.] Федосеевец. Механик. (Рассказ) // Устои. 1881. № 1. С. 68. В деле Просковьи Коковкиной, начатом 3 сентября 1879 г., так же сказано, что учебу в МХА Я. В. Абрамов оставил из-за того, что «по болезни не держал переходного экзамена на 2^{й} курс». – ГАРФ. Ф. 109. Оп. 164. Д. 524. Л. 14.

[3] Крикунов В. П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. Нальчик, 1958. С. 75.

местными революционными активистами Скибиным и Пожидаевым и через них мог получать отдельные экземпляры газеты «Земля и воля»[1].

В сентябре 1879 года Абрамов был привлечен по делу дочери купца Прасковьи Коковкиной – воспитанницы 7 класса женского приюта г. Ставрополя, обвиняемой в «имении запрещенных книг» (брошюра «Речь И. Н. Мышкина» и др.). В ходе дознания на квартире Людмилы Благонравовой (дочери священника, на тот момент слушательницы высших курсов г. Санкт-Петербурга), был обнаружен чемодан с книжками «противоправительственного» содержания. Этот чемодан принадлежал студенту Новороссийского университета Ивану Афанасьевичу Чуевскому. С Абрамовым он познакомился в Ставрополе летом 1879 г.[2]

По словам задержанного в Киеве Чуевского, он и Абрамов решили перейти в Университет Святого Владимира и договорились переехать туда вместе, уложив свои вещи в чемодан, принадлежащий Абрамову. (Там же будут обнаружены некоторые его документы). Свой же чемодан Чуевский хотел отправить в Ставрополь своей квартирной хозяйке, но Благонравова решила оставить его себе. Следователям Чуевский заявил, что о дальнейшей судьбе своего чемодана он ничего не знает и запрещенных книг никому не передавал[3].

На первый раз Абрамову повезло. Из показаний соседей и квартирной хозяйки видно, что никаких «сборищ» у него не было. Посещавшие его квартиру лица приходили не все вместе, а поодиночке. В основном это были ученики Абрамова (в то время он зарабатывал на жизнь уроками)[4]. Кроме того, из Петербурга сообщили, что, будучи студентом МХА, Абрамов «ни в каких дурных действиях не замечен и к дознаниям политического характера не привлекался». Поэтому все ограничилось подпиской не покидать Ставрополя[5]. Правда, с планами поступления в Киевский университет придется расстаться.

---

[1] Крикунов В. П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. С. 76.
[2] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 95. Д. 937. Л. 2, 5.
[3] Там же. Л. 6
[4] ГАРФ. Ф. 109. Оп. 164. Д. 524. Л. 10.
[5] Там же. Л. 14 об.

Конечно, местные полицейские не могли оставить Абрамова в покое. 23 июля его вместе с женой все-таки приговорят к домашнему аресту на шесть недель за хранение запрещенных сочинений[1]. По истечении наказания Абрамову разрешат вернуться в столицу, установив за ним негласный надзор.

Итак, на формирование мировоззрения Я. В. Абрамова, как будущего теоретика народничества, оказали влияние сразу несколько факторов, как личного, так и общественного происхождения.

Во-первых, это трудное детство нашего героя, навязчивое стремление «выбиться в люди», используя в качестве социального лифта получение образования, неустанные попытки найти свое место в жизни, чтобы честно зарабатывать свой хлеб, в соответствии с почерпнутыми из книг высокими нравственными принципами. Для таких «неустроенных» идеалистов, как Яков Абрамов, идея служения народу стала наиболее подходящим способом самоидентификации.

Во-вторых, нельзя не отметить очень тонкую «душевную организацию» юноши, всегда чутко реагировавшего на окружающую его действительность. «Я увидел, – напишет Абрамов в 1882 г., – такие картинки народных страданий, бедствий, несчастий, которые мне уже не забыть никогда и после которых мне уже не быть никогда довольным и счастливым»[2]. Обостренное чувство социальной несправедливости – очень важный мотив для усвоения такой радикальной системы взглядов как народничество.

Влияние эпохи и ее идей – это еще один важный фактор формирования мировоззрения Я. В. Абрамова. В 1870-е гг. радикальная молодежь считала, что находится в неоплатном долгу перед народом и должна посвятить себя избавлению его от бедности и угнетения. Решение этой титанической задачи станет сакральной целью для нескольких поколений пореформенной русской интеллигенции, включая и Якова Абрамова, общественная деятельность которого началась на излете эпохи первого «хождения в народ».

---

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 95. Д. 937. Л. 2.
[2] Абрамов Я. Гамлеты – пара на грош. (Из записок лежебока). С. 68.

1.2. Литературная деятельность Я. В. Абрамова в первой половине 1880-х гг.

В истории русской литературы и общественной мысли первая половина 1880-х гг. – это переломная эпоха, связанная с очередным идейным и организационным кризисом русской интеллигенции после цареубийства 1 марта 1881 г. В жизни Я. В. Абрамова это тоже был непростой период. В декабре 1880 г. он приехал в С.-Петербург из Ставрополя-Кавказского, очевидно мечтая о лаврах Г. И. Успенского – известного тогда народника-беллетриста, окавшего заметное влияние на творчество начинающего литератора. Но крупного писателя из Абрамова, увы, не получилось. Опубликовав ряд неплохих рассказов и повестей, он по не вполне понятным причинам переключился на социальную публицистику. Поэтому литературоведам больше известны воспоминания Абрамова о М. Е. Салтыкове-Щедрине и Г. И. Успенском, с которыми он сотрудничал в «Отечественных записках», нежели его художественные произведения.

Прежде всего, необходимо выяснить, как выходец из небогатой мещанской семьи решил связать свою жизнь с великой русской литературой. Ведь если верить воспоминаниям Абрамова, до 1880 г. у него не было ни малейшего представления о литературном мире и о жизни писателей[1].

Интерес к литературе пробудился у Абрамова, когда он еще учился в Ставропольской гимназии. Чтобы выбиться в люди молодой человек много читал, далеко выходя за рамки учебного курса, что на фоне семейных неурядиц (из-за отсутствия денег), способствовало развитию саморефлексии и, в конце концов, заставило его задуматься о причинах несправедливости в жизни. Первые корреспонденции в газеты Абрамов стал писать еще в подростковом возрасте. Известны (и уже опубликованы) его ранние драматургические и прозаические опыты, посвященные

[1] Абрамов Я. В. Памяти Г. И. Успенского (несколько личных воспоминаний) // Г. Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам. М.; Л., 1935. С. 281.

жизни и быту населения г. Ставрополя и окружающих его сел и станиц[1]. Но все это было, как говорится, проба пера.

Желание стать профессиональным бытописателем народной жизни пробудилось у Абрамова не ранее конца 1870-х гг. К тому времени уже сложились основы его народнического мировоззрения. Он отучился год в Медико-хирургической академии, оставив ее в апреле 1879 г. из-за болезни. После возвращения в Ставрополь Абрамов успел побывать под следствием за связи с революционными народниками, а летом 1880 г. был подвергнут полугодовому домашнему аресту. Поскольку врача из Абрамова не получилось, а оставаться в Ставрополе стало опасно, он, видимо, и решил перебраться на постоянное жительство в столицу, чтобы попытать счастье на литературном поприще. Кстати, первая статья Абрамова в столичной печати появилась в июне 1880 г. и была посвящена вопросу об общинном землевладении, который он назвал «вопросом дня»[2].

Оказавшись в Петербурге, Абрамов первым делом знакомится с тогдашним своим кумиром – Гл. Успенским, узнав его адрес в справочном бюро. Популярный народнический писатель в то время проживал вместе с женой в одной из отдаленнейших окраин Петербурга под крышей многоквартирного дома, чем немало удивил нашего юного провинциала. По его представлениям, автор таких талантливых произведений, появление которых с нетерпением ожидала вся читающая Россия, должен был «зарабатывать огромные деньги и жить чуть не по-княжески»[3]. Однако Успенский, как истинный русский интеллигент, жил идеями и умел обходиться минимальными бытовыми удобствами.

Гл. Успенский встретил Абрамова «самым радушным образом», как родного. Они несколько часов беседовали о литературе, интеллигенции и народе. Обсудили содержание рукописей о сектантах Северного Кавказа, которые Абрамов привез с

---

[1] Раннее литературно-художественное творчество Я. В. Абрамова (публикация, вступительная статья, комментарии В. М. Головко) // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества. Ставрополь, 2020.

[2] [Абрамов Я. В.] Я. А. Городская поземельная община [в Ставрополе-Кавказском] // Неделя. 1880. № 25. Стб. 789.

[3] Абрамов Я. В. Памяти Г. И. Успенского (несколько личных воспоминаний). С. 281–282.

собой для публикации в столичной печати и его дальнейшие творческие планы[1]. А уже через три дня они вместе отправились в «экскурсию» по Новгородской губернию, чтобы собрать материал для новых очерков Успенского из крестьянской жизни[2].

В скором времени тот же Успенский вводит подающего надежды молодого человека в круг столичных писателей-демократов (Г. З. Елисеев, Н. К. Михайловский, С. Н. Кривенко, В. М. Гаршин, Н. Н. Златовратский и др.).

В феврале 1881 г. начинается сотрудничество Абрамова в новом артельном журнале «Слово». Здесь увидели свет его первые очерки: «Среди сектантов» – о встречах с «шалапутами» Терской области в конце 1870-х гг. (с подробным описанием их порядков, обычаев и традиций)[3] и «Мещанский мыслитель» – о биографии сектанта Григория Петровича Вострякова – большого любителя жизнеописаний великих людей[4]. Автор познакомился с ним на ярмарке в родном Ставрополе[5].

Артельное «Слово», как один из рупоров тогдашней народнической мысли, прекратило существование в апреле 1881 г., после публикации статьи С. Н. Кривенко о первомартовцах (фактически за связи с народовольцами). А уже в декабре почти все его сотрудники, включая Абрамова, перешли в журнал «Устои», издаваемый новой литературной артелью под редакцией С. А. Венгерова.

В «Устоях», которые будут выходить до конца 1882 г., Абрамов взял на себя редактирование беллетристического отдела. Из собственных произведений он опубликует здесь повесть «В степи»[6], четыре очерка – «Механик» (еще один очерк-

---

[1] Впоследствии Я. В. Абрамов признается, что через Г. И. Успенского, который «по своим произведениям казался наиболее мягким и добрым человеком», он хотел «проникнуть» в редакцию «Отечественных записок» – самого передового литературного издания того времени. См.: Абрамов Я. В. Памяти М. Е. Салтыкова // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников, 2-е изд. М., 1975. С. 93.

[2] Абрамов Я. В. Памяти Г. И. Успенского (несколько личных воспоминаний). С. 284.

[3] [Абрамов Я. В.] Федосеевец. Среди сектантов. (Из путевых заметок) // Слово. 1881. № 2.

[4] Абрамов Я. В. Памяти М. Е. Салтыкова. С. 80.

[5] По мнению В. М. Головко, в очерке «Мещанский мыслитель» Я. В. Абрамов впервые зафиксировал мысль о необходимости выпуска популярных книг-биографий для массового читателя. См.: Головко В. М. Книжная серия «Жизнь замечательных людей» в творческой биографии российского просветителя Я. В. Абрамова // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 64.

[6] [Абрамов Я. В.] Федосеевец. В степи // Устои. 1882. № 1, 3–4, 5.

портрет представителя народной интеллигенции – Михаила Зацепина), «Корова», «Неожиданная встреча» и «Гамлеты – пара на грош» (самое автобиографическое художественное произведение Абрамова)[1], а также две публицистические статьи – «Уголок раскольничьего мира» (в Покровском уезде Владимирской губернии) и «Антикабацкое движение» (в крестьянской среде)[2]. Две последние публикаций говорят о том, что интересы Абрамова как писателя начинают выходить за пределы его малой родины.

С «Устоями» связано и первое столкновение Абрамова с цензурой. В январе 1882 г. в г. Нарве начались волнения среди рабочих Кренгольмской мануфактуры, недовольных условиями своего труда. Вскоре беспорядки переросли в крупную стачку, распространившуюся на весь город. Этому событию публицист посвятил статью «Жертва Молоху», которая вошла в восьмой номер «Устоев» за тот же год. Но цензура ее не пропустила, поскольку автор проявил сочувствие к борьбе трудящихся за свои права[3].

По свидетельству артельщиков, в «Устои» они сваливали всякий мусор, залежавшийся в портфелях, т.к. печатались в них практически бесплатно, а лучшие свои «вещи» стремились публиковать в «Отечественных записках», где платили самые большие гонорары[4]. Возможно, это замечание относится и к публикациям Абрамова, т.к. все они прошли через «внутреннюю цензуру» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Причем, насколько нам известно, его редакторской правке подверглась только самая первая статья Абрамова[5].

---

[1] См.: [Абрамов Я. В.] Федосеевец. Механик. (Рассказ); Его же. Корова. (Очерк) // Устои. 1882. № 6; Его же. Неожиданная встреча. (Сценка) // Устои. 1882. № 9–10; Его же. Гамлеты – пара на грош. (Из записок лежебока).

[2] См.: Абрамов Я. Уголок раскольничьего мира // Устои. 1882. № 5; Его же. Антикабацкое движение // Устои. 1882. № 9–10.

[3] Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 85.

[4] Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 326.

[5] Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 19. Кн. 1. Письма. 1876–1881. М., 1976. С. 209 (Письмо Н. К. Михайловскому от 18 февр. 1881 г.).

Сотрудничество писателя в «Отечественных записках» началось в апреле 1881 г. с публикации статьи «Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве»[1]. Потом последуют очерки «Бабушка-генеральша» и «Как мелентьевцы искали воли. (Эпизод из старого доброго времени)», повесть «Ищущий правды» и еще около дюжины статей и рецензий (всего за три года – 16 публикаций[2]).

В своих воспоминаниях Абрамов очень тепло описывает первую встречу с Салтыковым в апреле 1881 г. у него дома, по поводу гонорара за свою первую статью[3]. «Я уже был несколько знаком с простотою нравов у большинства наших литераторов, – напишет Абрамов в 1889 г., – но встретить туже простоту у такого большого литературного генерала, каким был Михаил Евграфович, было все-таки неожиданно приятно». И разговор получился «самый задушевный»[4]. В дальнейшем между ними сложатся вполне доверительные отношения. Можно сказать, что Салтыков-Щедрин взял начинающего писателя под свое покровительство[5].

Самым крупным художественным произведением Абрамова в «Отечественных записках» стала повесть «Ищущий правды»[6]. Под этим общим названием в № 5 за 1882 г. были опубликованы очерки «Нелюдимец» и «Странник», посвященные теме разложения пореформенного крестьянского быта и утверждения новых порядков, которые, по мнению автора, принесли в деревню «несправедливость», «обман» и «разбой». Историкам литературы хорошо известен положительный отзыв об этой повести И. С. Тургенева. В письме к М. Е. Салтыкову от 26 мая того же года он

---

[1] [Абрамов Я. В.] Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве // Отечественные записки. 1881. № 4, 5.

[2] Полный перечень публикаций Я. В. Абрамова в журнале «Отечественные записки» см. в списке использованных источников и литературы.

[3] Получив деньги, Я. В. Абрамов вернется на родину, где пробудет до ноября 1881 г.

[4] Абрамов Я. В. Памяти М. Е. Салтыкова. С. 94.

[5] Свою первую статью для «Отечественных записок» Я. В. Абрамов (по протекции Г. И. Успенского) отдаст Г. З. Елисееву, а «Бабушку-генеральшу» уже лично М. Е. Салтыкову-Щедрину.

[6] В. М. Головко считает, что «Ищущий правды» – это «романоподобный рассказ новеллистического типа», т.к. жизнь его главного героя (Афанасия Лопухина) изображается не в статическом состоянии, а в свете эволюции его внутреннего мира и духовно-нравственных исканий. См.: Головко В. М. Историческая поэтика русской классической повести: учебное пособие. М., 2010. С. 213.

написал: «Хорош тоже “Ищущий правды”, но местами несколько тяжел и риторичен»[1].

Из статей Абрамова, опубликованных в «Отечественных записках» в 1882–1883 гг. остановимся на трех – «Хлудовщина», «Мещане и “город”» и «Некоторые особенности низших поземельных отношений».

«Хлудовщина» – это название статьи Абрамова, ставшее нарицательным синонимом полного бесправия рабочих. В январе 1882 года в селе Ярцев-Перевоз Смоленской губернии на фабрике купца А. М. Хлудова произошел пожар в ее главном корпусе, который унес жизни нескольких десятков человек. Рабочих попросту не выпустили из горящего здания, чтобы предупредить расхищение хозяйского имущества. Это событие потрясло всю Россию и привлекло внимание общества к невыносимым условиям труда и быта русских рабочих. Освещению этой проблемы на примере фабрики Хлудова и посвятил свою статью Абрамов.

Вначале публицист дает описание ужасных жилищ рабочих, незатронутых пожаром. Они помещались в «громадном сыром корпусе, в три этажа, разделенном, как гигантский зверинец, на клетки или каморки, грязные, смрадные, пропитанные вонью отхожих мест» – гнездо всяких болезней. Но еще хуже были условия труда рабочих[2]: в тесных помещениях, при температуре под 40 гр., без возможности отдохнуть и выспаться или просто подышать чистым воздухом. Абрамов не случайно называет их «адскими» и «самыми убийственными». Дополняет картину «полнейший произвол» со стороны местной фабричной администрации: «штрафы и вычеты, – пишет Абрамов, – поглощают чуть ли не всю зарплату; при малейшем заявлении неудовольствия прогоняют с фабрики без расчета или избивают до полусмерти, а то и совсем насмерть». А пожаловаться рабочим было некому, т.к. «снисходительная» к г. Хлудову полиция смотрела на все нарушения на его фабрике «сквозь пальцы»[3].

---

[1] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Т. 13. Кн. 1. М., 1968. С. 266 (Письмо к М. Е. Салтыкову-Щедрину от 26 мая 1882 г.).
[2] Примерно половина хлудовских рабочих – дети и подростки до 18 лет.
[3] Абрамов Я. Хлудовщина // Отечественные записки. 1882. № 5. С. 38, 42–43.

Вся эта история не могла не взволновать представителей местной общественности. По предложению предводителя дворянства Гурко, Духовщинское уездное земское собрание ходатайствовало перед министром внутренних дел «об учреждении на фабрике купца Хлудова должности земских комиссаров, обязанных наблюдать за исполнением санитарных правил, обязательных для местных фабрик»[1]. Абрамов не пишет, будет ли этой меры достаточно для того, чтобы «безобразия, освещенные заревом страшной катастрофы, были прекращены раз навсегда». Он лишь констатирует, что «такие истории стали у нас довольно частым явлением»[2].

Статья «Мещане и “город”» была посвящена положению мещанского сословия, в основном на примере Ставрополя-Кавказского. Конечно, оно было не такое трагическое, как у хлудовских рабочих, но тоже требовало внимания со стороны передовой общественности.

Главным занятием ставропольских мещан традиционно было земледелие. Существовала даже особая поземельная община, владевшая городской землей. После введения в 1878 г. в Ставрополе нового «Городового положения» мещане лишились не только своих общественных зданий и капиталов, отчужденных в пользу «города», но и права на бесплатное пользование своими землями. В итоге большая часть местного населения оказалась на положении безземельных пролетариев, пополняя ряды местных «босяков», т.е. городских нищих[3].

Вывод Абрамова: городское хозяйство, включая распоряжение принадлежащей городу землей, должно вестись с учетом интересов всех его жителей. Но осуществить этот принцип было не так-то просто. Для этого требовалось радикальное преобразование существующего городского устройства, т.е. допущение в думы не только представителей местного привилегированного населения («кучки торговцев

---

[1] Там же. С. 52–53.

[2] Там же. С. 52. См. также: Мельник Л. Р. Рабочий вопрос в публицистике Якова Абрамова на примере публикаций в журнале «Отечественные записки» // Медиаисследования молодых ученых: мат-лы Всерос. конф. (22–24 мая 2014 г.). Ставрополь, 2014.

[3] Абрамов Я. Мещане и «город» // Отечественные записки. 1883. № 3. С. 11, 13, 16. Вопросу о положении городских нищих Я. В. Абрамов посвятил отдельную статью под названием «Босая команда». См.: Отечественные записки. 1883. № 4.

и домовладельцев»), но и выразителей интересов основного населения городов[1]. Иными словами, как и в рабочем вопросе, все зависело от воли царского правительства, которую Абрамов и его единомышленники стремились поколебать. Но уже не терактами, а консолидацией сторонников преобразований – «народных заступников», как называет их современный исследователь В. В. Зверев[2].

В третьей статье Абрамова затрагивается важный для народников вопрос о судьбе поземельной общины. Не будучи экономистом, он, конечно, не стремился предложить новое его толкование, как, например, В. П. Воронцов своей концепцией «народного производства». Статья Абрамова – это скорее экскурс в историю поземельных отношений с целью выявления таких ее особенностей, которые шли в разрез с поземельной политикой правительства. В частности, в статье рассказывается о существовании у крестьян так называемого «четвертного землевладения»[3]. В 1866 г. в ходе крестьянской реформы в государственной деревне четвертные наделы были признаны частной собственностью, хотя давно вошли в состав общинных земель. А с началом продажи этих наделов, говоря словами народнического публициста, в самое «сердце общины» начинают вторгаться чуждые ей люди, которые оказывают «самое тлетворное» влияние на весь склад ее жизни[4]. Для недопущения подобных коллизий в будущем Абрамов предлагает исследователям народной жизни сосредоточить внимание на выявлении особенностей, сложившихся у русского народа поземельных отношений и форм их регулирования с последующим закреплением их в российском законодательстве.

Все три статьи свидетельствуют о сочувствии Абрамова жизни трудового народа (рабочих, мещан и крестьян) и стремлении привлечь внимание общества к его проблемам.

---

[1] Абрамов Я. Мещане и «город». С. 11, 20–21.

[2] Зверев В. В. Мещане в публицистике и беллетристике Я. В. Абрамова начала 1880-х гг. // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества. Ставрополь, 2020. С. 150.

[3] Четвертные земли – земельные наделы однодворцев XVIII–XIX вв. (потомков служилых людей), наследственно закрепленные за одной семьей без права продажи.

[4] Абрамов Я. Некоторые особенности наших поземельных отношений // Отечественные записки. 1883. № 11. С. 36.

Стоит также заметить, что главную причину ухудшения положения основного населения страны Яков Абрамов видел в недостатках крестьянской реформы 1861 года, т.к. произведенные ею перемены (исключая, конечно, личное освобождение крепостных крестьян от власти помещика) «суть перемены не вполне и даже прямо неблагоприятные». Так, урегулирование поземельных отношений, развивает свою мысль народнический публицист, на практике обратилось в прикрепление крестьян к определенным обществам, а, следовательно, и к определенному месту жительства и в наделение их недостаточными наделами. А безземелье и недостаточные наделы поставили крестьян в такую зависимость от соседних помещиков, которая иной раз ничем не уступала крепостной зависимости[1].

Скептически оценивались Абрамовым результаты и других Великих реформ (земской, судебной, школьной), которые дошли до народа «только в виде нового денежного налога по стольку-то с души!»[2]. Весьма смелые заявления, особенно в отношении крестьянской и земской реформы, прекрасно отражающие тогдашние настроения нашего народника!

В 1883 г. Абрамов сближается с редакцией столичного журнала «Дело», ведущим сотрудником которой был Н. В. Шелгунов. Кстати, этот факт будущий критик «абрамовщины» отразит в своих воспоминаниях[3].

В «Деле» Абрамов опубликует две большие статьи о раскольниках. Одну о херсонских штундистах[4], другую по истории борьбы против раскола в царствование Николая I[5]. И еще две статьи, оформленные как путевые заметки автора, были посвящены политике России на Северном Кавказе. Летом 1883 г. Абрамов совер-

---

[1] Абрамов Я. Секта шалапутов // Отечественные записки. 1882. № 9. С. 41.

[2] Там же. Интересно, что похожая оценка (с точки зрения положения народа) дается Я. В. Абрамовым и реформам Петра I, в том смысле, что «их благотворное действие могло проявиться только впоследствии», а современное Петру поколение народа не получило от произведенной им ломки ничего, кроме «целого ряда тяжелых страданий». См.: Абрамов Я. Выговские пионеры. (К вопросу о роли раскола в деле колонизации России) // Отечественные записки. 1884. № 4. С. 347.

[3] Воспоминания Н. В. Шелгунова // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 303.

[4] Абрамов Я. Прошлое и настоящее штунды // Дело. 1883. № 1, 2.

[5] Абрамов Я. Статистические экспедиции 50-х годов. (Эпизод из истории раскола) // Дело. 1883. № 9.

шил продолжительную поездку во Владикавказ, попутно собирая сведения о положении горских народов (кабардинцев, черкесов, чеченцев и др.)[1]. Политику русского правительства, направленную на окончательное покорение Кавказа публицист оценивает, мягко говоря, скептически, т.к. она вела к переселению коренного населения в Турцию[2]. В тоже время массы русских переселенцев устремились на Кавказ, хотя непривычный климат «губит их здесь чуть не на половину»[3]. Все симпатии автора на стороне «несчастных» переселенцев, независимо от их национальности.

Во Владикавказе Абрамов сближается с редакцией газеты «Терек». Их сотрудничество выльется в серию статей о проблемах местной жизни: экономической обеспеченности «туземцев», переселенческой политике правительства на Северном Кавказе, особенностях взаимоотношения казаков и горцев[4]. Кроме того, несколько статей будет посвящено горским школам и проблеме их интеграции в общероссийскую систему образования[5]. В дальнейшем Абрамов будет посылать в «Терек» корреспонденции «Из Ставрополя-Кавказского».

Можно также добавить, что вклад Абрамова в формирование северокавказской историографической традиции оценивается очень высоко и его статьи о Северном Кавказе до сих пор востребованы отечественными кавказоведами[6].

---

[1] Абрамов Я. Очерки Северного Кавказа. (Путевые заметки) // Дело. 1883. № 11, 12; Его же. Кавказские горцы. (Из летних экскурсий) // Дело. 1884. № 1.

[2] По словам публициста, кавказские чиновники сознательно подстрекали горцев к бегству в Турцию, требуя от покоренных племен переселения на Кубань («из гор на плоскость»). В итоге переселенческое движение горцев приняло «громадные размеры» (до 200 тыс. чел. – *Е. Г.*). См.: Абрамов Я. Кавказские горцы. (Из летних экскурсий). С. 67.

[3] Там же. С. 65.

[4] Абрамов Я. Поземельный вопрос на Кавказе // Терек. 1883. № 63; Его же. Переселенческий вопрос на Северном Кавказе // Терек. 1883. № 84–86; Его же. К вопросу о мирном покорении Кавказа (о столкновении между аланами и казаками) // Терек. 1883. № 68, 69, 71, 79.

[5] Абрамов Я. Всяк кулик свое болото хвалит // Терек, Владикавказ. 1883. № 89 (Возражение на статью директора Нальчикской школы А. Фролкова «Милостивый государь, г. Редактор»); Его же. Еще о Нальчикской школе // Терек. 1883. № 97.

[6] Кузьминов П. А. Российская историография реформ 50–70-х годов XIX века на Северном Кавказе: автореф. дис. … докт. ист. наук. Майкоп, 2010. С. 27, 28; Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. 2-е изд. Ставрополь, 2011. С. 38, 47, 396.

Таким образом, в первой половине 1880-х гг. Я. В. Абрамов успел поработать сразу в нескольких известных либерально-демократических изданиях. Однако наибольшее влияние на его становление как писателя и публициста окажет сотрудничество с «Отечественными записками» – самым популярным демократическим изданием пореформенной России. Именно здесь он окончательно он проникнется идеологией легально-реформаторского народничества и его программой общественных преобразований.

Ну а своеобразным аттестатом зрелости Абрамова как социального публициста станут его «Внутренние обозрения», опубликованные в мартовском и апрельском номерах «Отечественных записках» за 1884 г.

Арест в начале января 1884 г. С. Н. Кривенко – заведующего отделом «По поводу внутренних вопросов», обернется для М. Е. Салтыкова-Щедрина постоянной головной болью. Все попытки найти ему замену среди наиболее опытных сотрудников журнала, вроде С. Я. Капустина или С. Н. Южакова, закончатся неудачей, пока Салтыков не обратит свой взор на Якова Абрамова. (Кстати, на тот момент ему было всего 25 лет). «Не найдете ли полезным, – пишет он в письме к Н. К. Михайловскому от 6 февраля 1884 г., – приспособить к этому делу Абрамова. Он все-таки толковый человек. Ежели согласитесь, то вызовите его и перетолкуйте. Надо, по моему мнению, и о фактах говорить. Необходимо самую рубрику “Внутр<еннее> <обозрение>” сохранить»[1]. И Михайловский последовал совету Салтыкова, а Абрамов начал писать обозрения исключительно «по фактам», характеризующим экономическое развитие России, деятельность земского самоуправления, бедственное положение народа и т.д.

Очевидно, что Абрамов сдал этот экзамен с первого раза. «В мартовской книжке “Внутр<еннее> <обозрение>” писал Абрамов, – сообщает Салтыков в письме к Г. З. Елисееву. Когда получите (если выйдет), то прочтите и скажите Ваше мнение. Кажется, что Абрамов будет дельнее Кривенко и в тысячу раз талантливее

[1] Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 19. Кн. 2. Письма. 1881–1884. М., 1977. С. 278.

Южакова…»[1]. К сожалению, молодой публицист успел написать для «Отечественных записок» только два «Внутренних обозрения», т.к. в апреле 1884 г. журнал, как «притон отъявленных нигилистов», будет закрыт правительством.

В отечественной историографии с дореволюционных времен закрепился тезис о том, что до середины 1880-х гг. Абрамов это, прежде всего, писатель-беллетрист – автор рассказов и повестей, посвященных описанию повседневного быта простонародья: мещан, крестьян и казаков (в основном сектантов), а также горцев Северного Кавказа[2]. Кстати, обращение к жизни кавказцев придавало его рассказам этнографический характер.

Что касается публицистики, то на нее Абрамов переключился якобы только после прихода в «Неделю». Однако элементарный подсчет литературных произведений Абрамова показывает совершенно другую картину. До лета 1885 г. Абрамов подготовил к печати не менее 45 публикаций. Из них художественные – две повести и десять рассказов (восемь из них под псевдонимом Федосеевец). Остальное – это публицистические статьи, описания поездок на Кавказ и рецензии. Правда, у современных исследователей по этому вопросу существуют разногласия. Например, ставропольские филологи, изучая мастерство Абрамова как писателя, привлекают такие его произведения как «Хлудовщина», «Босая команда», «Очерки Северного Кавказа» и некоторые другие[3]. А историки журналистики доказывают, что это публицистические очерки[4].

Вообще-то между художественным произведением и публицистическим есть одно принципиальное различие. В первом из них автор выступает в роли вымышленного рассказчика, во втором – от собственного имени[5]. Проблема в том, что к народнической беллетристике данный критерий не всегда применим, т.к. по-сути

---

[1] Там же. С. 293 (Письмо Г. З. Елисееву от 12 марта 1884 г.).
[2] Абрамов Як[ов] Вас[ильевич] // Большая энциклопедия. СПб., 1900. Т. 1. С. 25–26.
[3] Головко В. М. Яков Абрамов в поисках правды // Абрамов Я. В. В поисках за правдой: сб. рассказов. Ставрополь; Кемерово, 2017. С. 8.
[4] Петренко Д. И., Бондарева Н. С. Остросоциальная публицистика Я. В. Абрамова (1858–1906): актуальные проблемы общественной жизни Российской империи на рубеже веков // Научный диалог. 2017. № 7. С. 61–65.
[5] Солганик Г. Я. Существуют ли художественно-публицистические жанры? // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 1. С. 128.

это особый жанр – «художественная публицистика». Наиболее яркий его представитель – Глеб Успенский со своими полу-беллетристическими, полу-публицистическими очерками. А Яков Абрамов, как известно, стремился ему подражать.

На особенности идеостиля[1] Абрамова как писателя-прозаика одним из первых обратил внимание ставропольский проф. В. М. Головко. Его отличают такие черты как реализм, публицистичность и автобиографичность[2].

1) Реализм проявился, прежде всего, в изображении пореформенного крестьянства. Абрамов показывает не только его нравственные достоинства, но и недостатки, проявившиеся в условиях проникновения в деревню капиталистических отношений (начало разложение общины, ослабление прежнего единства деревенского мира, развитие кулачества и т.п.)

2) Публицистичность – это не только актуализация при помощи художественных приемов проблем сегодняшнего дня, но и наделение главных героев качествами и стремлениями, свойственными тогдашней народнической интеллигенции. Так, Григорий Востряков из очерка «Мещанский мыслитель», Михаил Зацепин из рассказа «Механик», Афанасий Лопухин из повести «Ищущий правды» пытаются найти ответы на вопросы, которые волнуют, прежде всего, самого Абрамова, а направление их мысли (о необходимости просвещения народа) во многом предвосхищает его будущую программу деятельности интеллигенции в деревне.

3) На автобиографичность произведений Абрамова первым обратил внимание Б. П. Козьмин[3]. Хотя здесь следует учесть, что далеко не все приводимые в рассказах Абрамовым факты из биографии «рассказчика» соответствуют действительности. Это уже привело к появлению ошибок в статьях об Абрамове некоторых современных исследователей[4].

---

[1] Идеостиль – это индивидуальный авторский стиль писателя или поэта.
[2] Головко В. М. Идиостиль Я. В. Абрамова: художественный синтез как идентификатор «сложной эстетики» писателя // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2010. № 3. С. 84, 85, 87.
[3] Козьмин Б. П. От «Девятнадцатого февраля» к «Первому марта»: очерки по истории народничества. М., 1933. С. 272.
[4] См., напр.: Новак С. Я. Указ. соч. С. 80.

В первой половине 1880-х гг. Я. В. Абрамов, и как писатель, и как публицист, несомненно, принадлежал к «критическому» народничеству. Его главная идея – народ сам себя не освободит и, следовательно, нуждается в неотложной помощи со стороны интеллигенции. Но в отличие от того же Успенского Абрамов – прирожденный оптимист, смотрящий на мир с улыбкой[1]. Еще в 1870-е гг. у него сложилось стойкое убеждение в наличие у интеллигенции в деревне надежной опоры в лице сектантов. Описанию их мировоззрения и быта Абрамов посвятил более десятка рассказов и статей. Кстати, тезис о схожести идеалов интеллигенции и раскольников роднит его с другим идеологом умеренно правого народничества – И. И. Каблицем – автором книги с говорящим названием: «Русские диссиденты» (СПб., 1880).

Почему начинающий прозаик Абрамов все-таки решил стать публицистом? Чтобы ответить на этот вопрос для начала надо установить, когда это произошло. Мнение, что после закрытия «Отечественных записок», на наш взгляд, не выдерживает критики. Дело в том, что основные художественные произведения Абрамова (11 из 12) были написаны в 1881–1882 гг. Лучшие из них («Среди сектантов», «Мещанский мыслитель», «Ищущий правды» и «Иван босый») он в 1884 г. попытается переиздать в виде книги «В поисках за правдой», но цензура ее запретит[2].

Тогда же, в 1881–1882 гг. появятся и первые статьи Абрамова. Вначале о сектантах. Но с 1883 г. их тематика будет неуклонно расширяться. Особо следует отметить пробуждение у Абрамова интереса к экономическому положению рабочих и крестьян (первые статьи на эту тему появились еще в 1882 г.[3]), а также постановка им вопроса о роли просвещения в развитии народной жизни. Неслучайно в 1884 г. Салтыков-Щедрин доверил публицисту составление обозрений внутренней жизни страны, в основном посвященных бедственному положению основного населения страны.

---

[1] [Выписка из списка лиц, сомнительных в политической благонадежности, проживающих в Ставропольской губернии] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память. С. 238.
[2] Абрамов Я. В. В поисках за правдой: сб. рассказов. 2-е изд. СПб., 1884.
[3] См.: Абрамов Я. Из фабрично-заводского мира. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 3. Вып. 1–4 // Отечественные записки. 1882. № 3, 4.

Вопрос о причинах охлаждения Абрамова к художественному творчеству до сих пор не разрешен. Раньше писали об отсутствии у него художественного таланта. Но этот миф развеян современными исследователями. Более убедительная версия связана с переключением Абрамова на общероссийскую проблематику под влиянием его идейного окружения. А это были не только сотрудники «Отечественных записок» и «Дела», но и чернопередельцы «второго призыва» с их новым пониманием задач русской интеллигенции.

Итак, есть все основания утверждать, что если Абрамов и хотел стать писателем-беллетристом, то только до 1883 г. Что же могло этому помешать?

Во-первых, это прекращение выхода артельных журналов «Слово» и «Устои», на страницах которых Абрамов мог оттачивать свое писательское мастерство; ведь именно там опубликовано большинство его художественных произведений; во-вторых, увлечение сектантами, как первыми представителями народной интеллигенции; дальнейшая разработка именно этой темы даст Абрамову известность в обществе (а революционеры так и называли его «сектантом»); в-третьих, постепенное переключение Абрамова на общероссийскую проблематику и соответственно расширение представлений о задачах передовой интеллигенции.

Поэтому первая половина 1880-х гг. – это время становления Абрамова не только как беллетриста, но и как публициста. Очевидно, что публицистика давала ему больше возможностей для самоактуализации как искателя правды и справедливости.

1.3. Я. В. Абрамов как исследователь религиозного сектантства

Кто такие религиозные сектанты? По Я. В. Абрамову – это представители современного ему народного движения, в котором религиозный мистицизм уступил место рационализму. Поэтому секты шалапутов, штундистов, молокан, баптистов, сютаевцев, субботников и мн. др., нашедшие себе прибежище преимущественно на территории Северного Причерноморья, Кубани и Кавказа, не следовало

смешивать со старообрядцами и раскольниками. Хотя они тоже были выразителями социального протеста под религиозной оболочкой[1].

Данной темой Абрамов увлекся в 13 лет, еще будучи гимназистом почитывая доступную ему литературу[2]. Но серьезным изучением русского сектантства он займется только, став народников, т.е. с конца 1870-х гг. Этому своему увлечению Абрамов посвятит в общей сложности два художественных очерка, семь журнальных статей и две рецензии.

О необходимости изучения данных трудов Абрамова, благодаря которым к нему впервые пришла известность, а в революционной среде закрепилась кличка «сектант», специалисты по истории раскола (В. Н. Азбукин, А. И. Клибанов, П. Г. Рындзюнский[3]) заговорили только спустя сто лет. А о разработке публицистом собственной концепции изучения сектантства в настоящее время пишет только один исследователь – народниковед Б. Б. Сажин[4].

В данном параграфе мы попытаемся разобраться с этим вопросом более подробно, поскольку в литературе отсутствует систематическое его изложение.

А начать нам следует с краткого ознакомления с народнической традицией изучения раскола и сектантства, к которой, безусловно, принадлежат работы Якова Абрамова.

Одним из первых народников, кто стал трактовать раскол как форму протеста русского народа против «татарско-немецких нововведений» в экономической и

---

[1] [Абрамов Я. В.] Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве // Отечественные записки. 1881. № 4. С. 257–258.

[2] Абрамов Я. Вынужденное объяснение // Приазовский край. 1903. № 1.

[3] Азбукин В. Н. Антиклерикальная тема в публицистике «Отечественных записок» (1878–1884) // Русская литература 1870–1890 годов. Сб. 8. Свердловск, 1975. С. 44; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 183–186; Рындзюнский П. Г. Из истории крестьянской колонизации Севера Европейской России в первое тридцатилетие XVIII века // Феодальный крестьянин в Восточной и Северной Европе: сб. ст. Таллин, 1983. С. 138–140.

[4] Сажин Б. Б. Проблема старообрядчества в публицистике Я. В. Абрамова // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2017. № 19. С. 28.

общественной жизни России (утверждение крепостного права, рост налогов, преследование за инакомыслие и т.п.) был Афанасий Щапов[1]. На его труды 1860-х гг. в обязательном порядке будут ссылаться и Абрамов и его коллеги-расколоведы И. И. Каблиц (Юзов)[2] и А. С. Пругавин[3].

Идею Щапова о способности старообрядцев пробудить в народе критическую мысль и вовлечь его в общерусское освободительное движение пытались реализовать на практике еще народники 1870-х гг. (прежде всего «бунтари» бакунисты и их идейные наследники – землевольцы). Правда, без особого успеха. Но интерпретация раскола как идеологии народного протеста оказалась настолько привлекательной, что не давала покоя и народникам 1880-х гг.

Б. Б. Сажин совершенно правильно рассматривает изучение Абрамовым жизни и быта религиозных сектантов в первой половине 1880-х гг. в связи с «общим делом» всех тогдашних «народников» – поиском опоры для реализации социалистического идеала[4]. Только следует уточнить, что иллюзии относительно наличия у интеллигенции и народа именно такого идеала в то время разделяли уже далеко не все народники. Для многих было очевидно, что русский мужик не революционер, а скорее «богобоязненный» и «царелюбивый» консерватор. И лишь сектанты с их общинами, как якобы «наилучшей формой самоорганизации народной жизни» (на началах коллективизма), еще оставляли надежды развернуть развитие России к социализму.

В 1903 г., вспоминая о своем первом очерке «Среди сектантов», Яков Абрамов уверял читателей, что написал его с одной единственной целью – для ознаком-

---

[1] Щапов А. П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII века. Казань, 1859.

[2] [Каблиц И. И.] Юзов И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб., 1881.

[3] Пругавин А. С. Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства. СПб., 1882.

[4] Сажин Б. Б. Проблема народных религиозных движений в идеологии реформаторского народничества: поиск путей к обществу свободы, равенства и справедливости // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. Вып. 18. М., 2016. С. 42–45.

ления общества с таким оригинальным явлением русской жизни, как секты шалапутов[1]. Однако внимательное прочтение данного по - сути художественного произведения убеждает нас в существовании у Абрамова более амбициозных задач. Тем более что по признанию автора часть диалогов была выдумана, а многие сведения о шалапутах взяты из опубликованных источников[2].

С жизнью и бытом шалапутов (т.е. людей, идущих по «шальному» пути[3]) Яков Абрамов мог познакомиться в конце 1870-х гг., посетив станицу Е[ссентукскую] Терской области[4]. Если верить автору очерка, он прожил там вместе с сектантами почти семь дней. Был лично знаком с хозяйкой постоялого двора, вдовой казачьего полковника Марьей Евграфовой – руководительницей секты шалапутов. С ней Абрамов часто разговаривал «по душам» об их вере и о «разнообразных вопросах жизни»[5].

Мир, в котором жили сектанты и их система ценностей разительно отличались от того, к чему привык Абрамов. Например, шалапуты никогда не ссорились и старались вести трезвый образ жизни (в отличие от вечно пьяных православных, которые постоянно попадались у него на пути). Удивил Абрамова и их способ ведения общинного хозяйства и воспитания детей[6].

Все это Абрамов мог увидеть и перебравшись в соседнюю станицу Павлоградскую. Здесь у сектантов тоже царила «полнейшая солидарность». Все общины, пишет публицист, составляют «один экономический союз», т.к. «полевое хозяй-

---

[1] Абрамов Я. Вынужденное объяснение.
[2] Там же.
[3] Шалапуты – это народное название секты. Сами себя они величали «духовными христианами».
[4] В 1879 г. Я. В. Абрамов входил в кружок радикально настроенной молодежи г. Ставрополя, который планировал вести работу среди местных сектантов. (См.: Сажин Б. Б. Проблема сектантства и старообрядчества в творчестве Я. В. Абрамова: поиск социалистических форм // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества. Ставрополь, 2020. С. 152). Если посещение Абрамовым станиц, где жили шалапуты, было связано со сбором необходимой для пропаганды информации, то описываемые события можно датировать августом 1879 г.
[5] [Абрамов Я. В.] Федосеевец. Среди сектантов. (Из путевых заметок). С. 13.
[6] Там же. С. 39.

ство» (от пахоты до молотьбы) производится всеми общинами сообща, с последующим дележом полученного урожая сообразно их нуждам[1]. Не ускользнуло от его внимания и забота сектантов о детях-сиротах, даже православных[2].

Шалапуты, независимо от источников информации, произвели на Абрамова такое сильное впечатление, что в 1881 г. он разрабатывает и публикует в «Отечественных записках» отдельную программу для изучения религиозного сектантства[3].

Программа начинается с пространного предисловия, в котором Абрамов объясняет необходимость изучения жизни сектантов. По убеждению автора, в настоящее время русская интеллигенция стоит перед дилеммой: «или изыскать способы сближения с народом, слияния своих интересов с его интересами, или обратиться всецело на служение классам..., которые, как показывает ход исторического развития западноевропейской жизни, сливаются мало-помалу, в один класс капиталистов». Третьего не дано, потому что «существовать сама для себя интеллигенция не может»[4].

Абрамов, разумеется, обращается к представителям той интеллигенции, которая желает стать выразительницей интересов «стомиллионной трудовой массы», но, увы, все еще не знает и не понимает своего народа – «сфинкса» и его истинных (идеальных) стремлений[5], которые (надо думать) как раз и выражают религиозные сектанты.

Понятно, что речь здесь идет об «интеллигенции» в особом значении данного слова, которое отстаивали тогда народнические публицисты «Отечественных записок» Н. К. Михайловский и С. Н. Кривенко. «Действительная» интеллигенция – это внесословная, общественная сила, живущая идеей служения народу и стремящаяся,

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. 42.
[3] [Абрамов Я. В.] Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве. С. 267.
[4] Там же. С. 256.
[5] По убеждению народников, о народе надо судить не по тому, что он есть, а потому, кем он стремится стать.

как и народ, в числе лучших своих представителей к построению идеального человеческого общества («царства Божьего на земле»)[1]. По Абрамову лучшие представители народа – это, конечно, сектанты, которых автор называет не иначе как «народная интеллигенция»[2].

Перечень вопросов для собирания сведений о русском сектантстве впечатляет не только своим объемом (№ 1–199), но и глубиной проникновения автора-составителя в данную тему.

Вот названия трех главных разделов данной программы и основное содержание их подразделов:

I. Предварительные сведения [название секты, ее племенной и сословный состав, занятия сектантов];

II. Религиозное учение сектантов [источники учений, религиозные догматы и обряды];

III. Бытовая сторона [особенности экономической и социальной организации сектантского общества, его общих собраний и семейных отношений, а также отношение сектантов к остальному миру (православное население, священники, государство и т.д.)].

Ответы на вопросы Абрамов попросил присылать в редакцию «Отечественных записок». Но уже в предисловии обобщает черты, которые, по его мнению, характеризуют сектантов (видимо, в надежде, что респонденты подтвердят его личные наблюдения). Это их критическое отношение к жизни, выработка новых принципов личной, семейной и общественной жизни, успешная борьба с влиянием капитала, осознание братства всех народов и уважение в человеке личности[3].

---

[1] Во второй половине 1880-х гг., в соответствии с новыми задачами интеллигенции, социально-этический подход к ней изменится на социально-экономический. Т.е. «настоящими» интеллигентами тот же Я. В. Абрамов будет считать не «идеалистов», а профессиональных работников умственного труда.

[2] [Абрамов Я. В.] Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве. С. 267.

[3] Там же.

Для нас данная программа важна еще и тем, что позволяет реконструировать общественные взгляды Абрамова. Судя по предисловию и комментариям к вопросам, автор: во-первых, не желает становиться «прихвостнем капитала» и довольствоваться его «подачками»; во-вторых, стремится к построению в России справедливого (социалистического) общества; в-третьих, считает, что естественной его опорой может стать современная сектантская община, в недрах которой идет непрерывная «культурная работа» по выработке новых форм общественной жизни; и, наконец, искренне надеется на то, что сблизившись с сектантами, передовая интеллигенция получит мощный рычаг воздействия на остальной народ, который «в тайне» завидует сектантам и не прочь перенять их порядки[1].

Так получилось, что в марте 1881 г., т.е. чуть раньше Абрамова, подобную программу изучения раскола (из 120 вопросов) в «Русской мысли» опубликовал Александр Пругавин[2]. Принципиальных различий между ними нет. Оба автора народники. Лишь Б. Б. Сажин обратил внимание на то, что Абрамова больше интересовало развитие у сектантов критической мысли, а Пругавин делал акцент на их нравственном превосходстве над православным населением[3].

В 1882–1884 гг. Абрамов опубликует серию статей и рецензий, в которых представит дополнительные сведения о жизни новых сектантов и ее преимуществах сравнительно с православным населением[4]. Особенно подчеркивался факт их экономического благосостояния и даже зажиточности (на фоне общего обеднения народа). И это притом, что по-прежнему существовали законы, стесняющие экономическую деятельность сектантов и раскольников[5].

---

[1] [Абрамов Я. В.] Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве. С. 255–269.

[2] Пругавин А. Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве // Русская мысль. 1881. № 3.

[3] Сажин Б. Б. Религиозные движения в контексте идеологии народников в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX века: взгляд Я. В. Абрамова и А. С. Пругавина // Я. В. Абрамов и его современники: коллективная монография. Ставрополь, 2023. С. 101.

[4] Абрамов Я. Уголок раскольничьего мира. Его же. Секта шалапутов // Отечественные записки. 1882. № 9, 10; Его же. Прошлое и настоящее штунды // Дело. 1883. № 1, 2; Его же. Духоборцы (Орест Новицкий. Духоборцы. Их история и вероучение. Изд. второе, перераб. и доп. Киев, 1882 г.) // Отечественные записки. 1883. № 1.

[5] Абрамов Я. К вопросу о веротерпимости // Отечественные записки. 1882. № 1. С. 3–18.

Причины благосостояния сектантов, по словам Абрамова, «ясны и бросаются в глаза всякому, кто наблюдал без предубеждения хоть одно сектантское общество». Это: а) сильное развитие у сектантов чувства общественности (солидарности и взаимопомощи), б) их умственное развитие и в) их нравственные качества (отрицание насилия и обмана в отношениях между людьми)[1].

И все это благодаря наличию у сектантов общины, которая, по мнению Абрамова, разительно отличается от обычного русского сельского общества. «Узы, связующие воедино отдельных членов сектантской общины, не ограничиваются совместным сожительством, круговою порукою по уплате податей, да общностью землевладения». Эта община основана на общности как материальных, так и нравственных интересов ее членов и на потребности каждого из них «осуществить в жизни тот идеал, который выработан сектою, как продукт массовой умственной работы и жизненных условий». Сектантская община, развивает свою мысль народнический публицист, существует «не во имя податей, не во имя земли, а во имя человека, во имя его потребностей, материальных и нравственных». И «именно эта… ее отличительная черта, черта гуманности, человечности, это поставленние на первом плане личности с ее потребностями… и привлекает невольно к сектантской общине общее внимание и симпатии и вызывает удивление всех наблюдателей»[2].

Вот он образец организации общества, существующего для человека и во имя человека! Только из описаний Абрамова не совсем понятно, действительно ли он был реализован на практике, или это пока еще только идеал, к которому стремятся сектанты.

В своих статьях Абрамов писал о современном положении «религиозных отщепенцев», требуя для них свободы вероисповедания, а, следовательно, и права на свободную пропаганду их общественных идеалов среди остального население

[1] Там же. С. 18.
[2] Абрамов Я. К вопросу о веротерпимости. С. 33.

страны[1]. Обращался он и к истории раскола, доказывая на примере «выговских пионеров» вклад «раскольничьей колонизации» в освоение отдаленных окраин страны [2].

Между прочим, изучавший эти статьи Абрамова известный советский историк и религиовед А. И. Клибанов, пришел к выводу, что все они основаны на фактах. Точнее, «то, о чем он писал, существовало в действительности, но не обо всем, что существовало в действительности, он писал». Например, доказывая, что экономическое благосостояние Выговского монастыря было основано на разумно организованном кооперативном труде его членов, Абрамов, видимо, сознательно умолчал о существовании эксплуатации как «трудников» самого общежития, так и проживающего поблизости крестьянского населения Поморья. Хотя возможно публицист просто не успел этого сделать, из-за прекращения издания «Отечественных записок»[3].

Сделанное Клибановым замечание очень точно характеризует особенности подхода Абрамова и др. народников к пониманию не только истории раскола, но и современного им сектантства. Это так называемый подход по принципу долженствования, т.е. с позиции идеала (того, как это должно быть, а не есть на самом деле).

Коренная ошибка Я. В. Абрамова, А. С. Пругавина и др. близких им «идеализаторов раскола», напишет Клибанов в другой своей работе о народных социальных утопиях, состояла не в том, что они обнаружили противоположность новых сектантских общин традиционной крестьянской общине. «Это было их творческим достижением...». А ошибкой было то, что за социализм они приняли социалистическую утопию и «ориентировали современников на утопию, а не на реальность»[4].

---

[1] Там же. № 1, 2; Абрамов Я. Статистические экспедиции 50-х годов. (Эпизод из истории раскола) // Дело. 1883. № 9.

[2] Абрамов Я. Выговские пионеры. (К вопросу о роли раскола в деле колонизации России) // Отечественные записки. 1884. № 3–4.

[3] Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. С. 186; Рындзюнский П. Г. Указ. соч. С. 139.

[4] Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978. С. 272.

У современных исследователей раскола и сектантства (переживших крушение теории «научного» коммунизма) критика социального утопизма народников приглушена и уже не мешает оценивать их достижения с позиций историзма. Например, Е. А. Архипова пишет, что Каблиц и Абрамов «увидели в расколе модель конструктивного экономического устройства, способного стать альтернативной набиравшему силы капитализму» (хотя их надеждам не суждено было сбыться)[1]. А Л. С. Соболева уточняет, что по Абрамову «старoверие» уходит в прошлое и ему на смену идет сектантство, более способное к социальному творчеству[2].

Но дальше всех продвинулся в этом вопросе Б. Б. Сажин, предложивший реконструкцию абрамовской концепции «развития критической мысли» сектантов и ее влияния на эволюцию сектантской общины.

Развитие критической мысли у сектантов (по Абрамову-Сажину) включает шесть стадий:

1) изменение в социально-экономической и духовной сферах (развитие капитализма в пореформенной России),

2) «критическая работа мысли» в народных массах,

3) появление в деревне Евангелия, инициировавшего духовное возрождение человека,

4) рост нравственного уровня личности,

5) зарождение и становление религиозной секты,

6) поиск новых общественных образцов мироустройства и их последующая практическая реализация[3].

А эволюция сектантской общины укладывается в три этапа: от взаимопомощи друг другу трудом к совместному проведению сельхоз работ с последующим разделом произведенного продукта «по потребности» общинников и уже отсюда к

---

[1] Архипова Е. А. Старообрядческое предпринимательство в Российской историографии середины XIX – начала XXI в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2013. С. 15.
[2] Соболева Л. С. Указ. соч. С. 102.
[3] Сажин Б. Б. Проблема старообрядчества в публицистике Я. В. Абрамова // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2017. № 19. С. 28.

полному обобществлению труда, орудий производства и другого имущества в рамках сельскохозяйственной корпорации[1]. Разумеется, этот путь прошли далеко не все сектантские общины. У Абрамов речь лишь об общем направлении их развития.

Со своей стороны, мы можем дополнить труды наших предшественников, обобщив основные положения учения Абрамова о новых сектантах как естественных союзниках народнической интеллигенции:

Во-первых, сектанты – это наиболее развитая в умственном и нравственном отношении часть народа, его лучшие силы (народная интеллигенция);

Во-вторых, ими двигают те же идеальные стремления, что и интеллигенцию (неприятие ценностей современного буржуазного общества);

В-третьих, в общинах сектантов якобы уже реализуются те социально-экономические начала и духовно-нравственные принципы (коллективизма), которые могут стать опорой для утверждения в России нового типа общественных отношений.

В-четвертых, у сектантов и интеллигенции общие враги (в лице государства и церкви), преследующие их за убеждения;

В-пятых, это открытость сектантов для пропаганды со стороны радикальной интеллигенции, которая имеет все шансы к сближению с «русскими диссидентами».

Самое удивительное, что Абрамова нисколько не смущала религиозная природа сектантства. Он искренне верил, что имеет дело с представителями русского христианского социализма, стремящимися к объединению социалистической модели общественного развития с традиционной христианской этикой. По крайней мере, ни о какой секуляризации сектантства и старообрядчества у него речь не идет. Но с другой стороны и сам Абрамов не был «православным атеистом» (в отличие, например, от М. А. Бакунина, который считал, что вера в Бога «затемняет» народный идеал).

[1] Сажин Б. Б. Религиозные движения в контексте идеологии народников в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX века: взгляд Я. В. Абрамова и А. С. Пругавина. С. 93.

Так или иначе, статьи Абрамова о русских сектантах произвели определенный резонанс[1]. У него появилось много почитателей среди интеллигентской молодежи. Сохранились воспоминания об организованных им кружках для изучения сектантства[2]. А представители революционного подполья привлекли его к разработке «Опыта обоснования программы народничества»[3].

Однако с апреля 1884 г. Абрамов прекращает публикацию статей по сектантской тематике. И если у публициста были какие-то планы по переизданию их в виде отдельной книги, по примеру Каблица и Пругавина, то на этой идее тоже пришлось поставить жирный крест.

Современные исследователи объясняют отход Абрамова от изучения сектантства разными причинами. Прежде всего, это усиление консервативной политики правительства Александра III, включая ограничение свободы печати. Т.е. открыто обсуждать проблемы религиозного отщепенства, как в начале 1880-х гг., когда решался вопрос о даровании прав раскольникам, было уже нельзя. Поэтому Якову Абрамову поневоле пришлось переключиться на другую проблематику. Хотя определенную роль могло сыграть и новое увлечение публициста социально-экономической тематикой, которое началось еще до закрытия «Отечественных записок»[4].

В то же время «первая любовь» Абрамова не была забыта в одночасье. По свидетельству В. В. Бартенева, в конце 1880-х гг. публицист продолжал проводить занятия со столичной молодежью, интересующейся «общиной, расколом и вообще крестьянским вопросом». Эти встречи оказали на будущего общественного деятеля и этнографа большое влияние. Неслучайно он вспоминает об Абрамове как об

---

[1] Статьи Я. В. Абрамова очень не понравились православному духовенству, потому что для него сектантство – это огромное зло, разъедающее русский народ изнутри. См.: Кривенко С. Н. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб., 1911. С. 279, 308 [Объяснение о. А. Ушморского в «Церковном вестнике» (1882, № 19), почему сотрудник «Отечественных записок» Абрамов не любит православных священников].

[2] Добрускина Г. Н. Автобиография [1926] // Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. Стб. 121.

[3] Подробнее об этом см. в следующем параграфе.

[4] Сажин Б. Б. Проблема сектантства и старообрядчества в творчестве Я. В. Абрамова: поиск социалистических форм. С. 165–166.

очень «живом» и «энергичном» человеке, оставившим о себе «светлое впечатление»[1].

1.4. От «Отечественных записок» к «Неделе»: эволюция взглядов Я. В. Абрамова в середине 1880-х гг.

После 1 марта 1881 г. русское народничество оказалось в состоянии затяжного идейно-организационного кризиса, который повлиял и на политическую биографию Я. В. Абрамова. Еще в начале 1880-х гг. начинающий писатель и публицист тяготел к левому (политически активному) крылу легального народничества. Кроме того, он был тесно связан с участниками революционного движения. Неслучайно в словарях, посвященных истории российского освободительного движения Якова Васильевича называют революционным народником, «пропагандистом»[2]. Но всего через год после закрытия «Отечественных записок» наш «революционер» вдруг становится ведущим сотрудником газеты «Неделя» – главного оплота умеренно правого (культурного) народничества.

Первым на столь резкую перемену в идейной ориентации Абрамова обратил внимание его современник – Н. В. Шелгунов. В 1889 г., в ходе дискуссии с теоретиками «Недели», он поднимает вопрос о том, почему именно Абрамов стал воплощением «безликого и унылого восьмидесятничества»? Ответ на него Шелгунов находит в «Критико-биографическом словаре» С. А. Венгерова, который позволяет более подробно познакомиться с биографией Якова Васильевича. Оказывается, все дело в его «безыдейности» и «узком практицизме». Не связанный ни с одним из идеалов, Абрамов, по мнению Шелгунова, мог свободно заняться разработкой

[1] Бартенев В. В. Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х годов // От народничества к марксизму: воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883–1894 гг.). Л., 1987. С. 197.

[2] Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 2. Семидесятые годы. Вып. 1. М., 1929. Стб. 2; Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х – 1890-е гг. Т. 2: 1870-е гг. М., 2009. С. 9.

практической программы помощи простому народу и ради этого сотрудничать в любых изданиях, за исключением крайне правых[1].

Современные исследователи также относят Абрамова к идеологам умеренного народничества. Однако вопрос о причинах такой резкой перемены (хотя и внутри одного идеологического течения) до сих остается не ясным. Возможно, причины кроются в изменениях внешних условий деятельности народников, но нельзя исключать и трансформацию внутренних убеждений публициста[2].

К сожалению, имеющиеся по интересующему нас вопросу источники, включая архивные материалы, слишком лаконичны. В сохранившейся автобиографии Абрамова 1886 г. ни о какой эволюции взглядов писателя речь не идет[3]. Стоит, однако, заметить, что процесс становления будущего идеолога культурного народничества развивался постепенно и начался еще в период его сотрудничества в «Отечественных записках». Поэтому в данном параграфе мы рассмотрим причины прихода Абрамова в «Неделю» в контексте всей его тогдашней литературно-общественной деятельности.

Как нам уже известно, общественная деятельность Абрамова начинается на рубеже 1870–1880-х гг., когда огромную популярность приобретает революционное народничество. Осенью 1878 г. выпускник Кавказской духовной семинарии становится студентом Медико-хирургической академии, где сближается с представителями «идейной» молодежи и, вероятно, знакомится с основами революционно-народнической идеологии[4]. Новые идеи настолько увлекают юношу, что после возвращения на родину весной 1879 г., он становится лидером всей местной радикально настроенной молодежи. 23 июля

---

[1] [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1888. № 11. С. 163–164.

[2] Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 275.

[3] РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 11. Л. 1.

[4] По одной из версий, впервые озвученной С. А. Венгеровым, Яков Абрамов будет выслан из С.-Петербурга за участие в распространении книг «преступного содержания». (См.: Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых. Т. 1. СПб., 1889. С. 21). Но это явная ошибка, т.к. к следствию его привлекут только в сентябре 1879 г. в г. Ставрополе. МХА Абрамов покинет в апреле 1879 г. по состоянию здоровья.

1880 г. Абрамова и его супругу за хранение запрещенной литературы на шесть недель сажают под домашний арест. Но потом почему-то разрешают вернуться в Петербург[1]. Очевидно, других доказательств «преступной деятельности» Абрамова не нашлось. Все это ставит под сомнение репутацию «ярого революционера», которую он заслужил у стражей порядка Ставропольской губернии[2].

В конце 1880 г. Абрамов прибудет в Петербург с огромным желанием стать профессиональным литератором – выразителем и защитником интересов простого народа. Обладая неплохими способностями к написанию художественно-публицистических текстов и завидной работоспособностью, он быстро войдет в круг самых популярных писателей демократического лагеря – сотрудников журналов «Отечественные записки», «Слово», «Устои» и «Дело». Это будут Г. И. Успенский, Н. Н. Златовратский, С. Н. Кривенко, Н. К. Михайловский и мн. др.

Судя по идейному окружению Абрамова, с начала 1880-х гг. он уже тяготел к набирающему силу и популярность легальному народничеству. Но надежды «легалистов» на то, что революционеры заставят самодержавие пойти на уступки интеллигенции, были еще очень велики. Неслучайно, те же Михайловский и Кривенко будут активно сотрудничать в подпольной печати. Об Абрамове таких сведений нет. Зато, например, известно о приглашении его осенью 1881 г. на съезд интеллигенции, сочувствующей революции и занимающейся изучением раскола[3]. В 1882 г. Абрамов входил в состав организованного народовольцем Николаем Гомолицким в Ставрополе революционного кружка[4].

Как отреагировал Абрамова на события 1 марта 1881 г. мы не знаем. Скорее всего, начинающий писатель, как и его новые соратники, сочувствовал «тираноборцам». А иначе нетерпимый к инакомыслию Михайловский не привлек бы его в

---

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 227. Д. 332. Л. 4.
[2] Крикунов В. П. Указ. соч. С. 75.
[3] Письма Ф. В. Крылова С. Н. Валку со сведениями о «Христианском братстве», организованном народовольцами для пропаганды среди раскольников // Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сборник документов. М.; СПб., 2012. С. 442.
[4] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 227. Д. 332. Л. 4–4 об.

«Отечественные записки». Первая статья Абрамова «Программа для собирания сведений о русском сектантстве» появилась в журнале как раз весной 1881 г.

Вообще фактов, свидетельствующих об отношение Абрамова к политической борьбе с самодержавием немного и в основном они относятся ко времени, когда народнический публицист переходит на позиции аполитизма. Так, в конце августа 1883 г. он вместе с С. Н. Кривенко и Г. И. Успенский принимает участие в сборе денежный средств в пользу «Народной воли»[1]. А уже следующей весной категорически отказывается от предложения своего земляка Г. А. Лопатина о сотрудничестве в «Вестнике “Народной воли”» на том основании, что «…“политический” террор отжил свой век и скорее вреден, чем полезен»[2].

Историк Б. И. Николаевский, опубликовавший этот отрывок из письма Г. А. Лопатина к Л. А. Тихомирову от 6 апреля 1884 г., сделает важный вывод о том, что в тот момент Я. В. Абрамов уже стоял на позициях «позднего народничества». Разумеется, речь здесь идет о более поздней версии революционного народничества, а не о легальных народниках, т.к., по словам исследователя, «в 1883–85 гг. он [Абрамов] был еще в революционном лагере»[3]. Кстати, после взятия под стражу Лопатина в октябре 1884 г. у него обнаружат зашифрованный адрес Абрамова – еще одно доказательство его связи с революционным подпольем[4].

Когда Лопатин обратился к Абрамову, тот уже курировал в «Отечественных записках» отдел «По поводу внутренних вопросов», сменив на этом важном посту С. Н. Кривенко, арестованного в начале января 1884 года за связи с народовольцами. В конце 1890-х гг. Абрамов признается Кривенко, что в то время находился под его влиянием: «я почти молился на Вас»[5]. Однако, идти по пути своего имени-

---

[1] Сенчакова Л. Т. На похоронах И. С. Тургенева [«Из докладной записки А. А. Панова»] // История СССР. 1968. № 5. С. 143.
[2] [Николаевский Б. И.] Иванов Б. Н. Л. Сергиевский как историк «Партии русских социал-демократов» (1884–1887 гг.) // Каторга и ссылка. 1931. № 1. С. 114.
[3] [Николаевский Б. И.] Иванов Б. Н. Л. Сергиевский как историк «Партии русских социал-демократов» (1884–1887 гг.). С. 113.
[4] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 227. Д. 332. Л. 4 об.
[5] РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 12 об.

того предшественника Абрамов отказался, видимо, понимая, что народовольческий террор уже не приносит должного эффекта, ввиду очевидной политической индифферентности народных масс.

Еще осенью 1883 г. публицист сближается с чернопередельцами «второго призыва» П. А. Латышевым (они вместе учились в Медико-Хирургической академии) и прибывшим из Харькова Ю. А. Буниным[1]. Общими усилиями они составляют брошюру «Опыт обоснования программы народников» (издана в Харькове в 1884 г.), направленную против тактики действий старых народовольцев. Окунувшись в политическую борьбу с самодержавием революционеры «забыли» о простом народе – «естественной опоры социализма» и потерпели неудачу[2].

В «Опыт обоснования программы народников» интеллигенции предлагаются новые (а точнее уже давно забытые) задачи деятельности в народе. Это: 1) просвещение народного сознания, 2) «систематическая» организация масс и 3) формирование в самой народной среде «сознательных элементов» (крестьянской интеллигенции), которые, когда придет время, должны будут возглавить народное движение[3]. На наш взгляд, это была как раз та программа, которую с середины 1880-х гг. Абрамов будет открыто пропагандировать на страницах «Недели».

Собственно, новым в программе чернопередельцев была тактика ее осуществления. Поскольку перечисленные выше пункты могли осуществляться на легальной почве[4], их выполнение впервые предлагалось возложить на… безработных интеллигентных специалистов (учителей, врачей, юристов, технологов и т.п.), для которых в то время уже появился специальный термин «умственный пролетариат». По словам составителей программы, к сближению с народом эту часть тогдашней интеллигенции подталкивала «сама сила вещей». Но увлечь ее идеей нового «хождению в народ» одними «общими фразами» было уже невозможно. Нужны были

---

[1] [Николаевский Б. И.] Иванов Б. Указ. соч. С. 113–114.

[2] Опыт обоснования программы народников // Народническая экономическая литература. Избранные произведения. М., 1958. С. 620.

[3] Опыт обоснования программы народников. С. 610, 621, 623.

[4] Чернопередельцы – это революционные народники. Поэтому в их программе были пункты, связанные с подпольной деятельностью, напр., с организацией фабричного и аграрного террора.

«идеалы деятельности», подкрепленные живыми, конкретными примерами. Только тогда можно было вдохнуть в движение новую веру в возможность деятельности среди народа, ибо в ней «сущность социализма, начало и конец лучших идеалов человечества»[1].

Заметим, что у нас нет весомых доказательств того, что Абрамов участвовал в составлении «Опыта обоснования программы народничества». Все строится только на предположениях Николаевского, которые основываются на воспоминаниях Бурцева. С другой стороны, никто из исследователей не опровергает возможное авторство нашего публициста[2]. Если предложить, что так оно и есть, то получается, что эволюция Абрамова от политики к аполитизму началась с разработки им тактики революционного культурничества.

Первые упоминания в народнической печати о так называемой «культурной работе» относятся к концу 1870-х гг. и связаны с расколом «Земли и воли». «Политики» упрекали «деревенщиков» в том, что они из бунтовщиков превратились в обыкновенных культуртрегеров. А «деревенщики» оправдывались тем, что занимаются подготовительно-революционной деятельностью, а не простой «культурной работой». В «Опыте обоснования программы народников» идея подготовительной работы в народе получает дальнейшее развитие. Революционное просвещение масс должно было создать основу для поддержки социалистов со стороны рабочих и крестьян. Только теперь (с учетом неудачи народовольцев), солидарность радикальной интеллигенции с народом стала главным условием осуществления не только аграрного, но и политического переворота [3].

Собственно привлечение к составлению данной программы Абрамова, известного своими статьями о религиозных сектантах, объясняется постановкой черноперельцами новой тактической задачи: «уяснения народных идеалов» для направления народного движения «в желательную сторону»[4]. Как известно, раскол

---

[1] Там же. С. 630.
[2] Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: книги и периодические издания: в 3 ч. Ч. 3. 2-е изд. М., 1982. С. 17.
[3] Опыт обоснования программы народников. С. 624.
[4] Там же. С. 618–619.

и сектантство трактовались народниками не только как проявление религиозной мысли и духа народа. В «Опыте обоснования программы народников» молодое поколение сектантов рассматривается как наиболее благоприятная почва для пропаганды социализма, т.к. это «новое сектантство» сделало уже крупный шаг вперед. Оно «признает требования жизни и старается ее переделать в своем духе». Остается сделать следующий шаг: поддержать борьбу интеллигенции за осуществление их общих идеалов и «все условия нашей жизни ведут теперь народную мысль к данному выводу»[1]. Мы согласны с мнением Николаевского о том, что эта часть текста могла принадлежать Абрамову. Там немало совпадений с его статьями в легальной печати.

Исследователи взглядов Абрамова часто обращают внимание на то, что еще в период сотрудничества в «Отечественных записок» у публициста пробуждается интерес к социально-экономической проблематике, в частности к положению крестьянского хозяйства и путям его укрепления. Правда, таких статей у него не так много[2]. И в них отсутствуют обобщения и выводы уровня известного народнического экономиста В. П. Воронцова или хотя бы С. Н. Кривенко. Изучение Абрамовым материального быта рабочих и крестьян, постоянное акцентирование внимание на их бедственном положении, видимо, следует рассматривать в контексте его поисков для интеллигенции «живого дела», способного вызвать то самое сочувствие и содействие народных масс, о котором писали составители «Опыта обоснования программы народников».

Окончательное решение народного вопроса и революционные, и легальные народники связывали с модернизацией страны в духе учения об общинном социализме А. И. Герцена. С этой точки зрения мелкий поземельный кредит, крестьянские переселения, снижение выкупных платежей и т.п. понимались как паллиативы. Особенность позиции Абрамова, в отличие от тех же народовольцев, заклю-

[1] Там же. С. 616.
[2] Абрамов Я. Некоторые особенности низших поземельных отношений // Отечественные записки. 1883. № 11; Его же. Крестьянский кредит // Отечественные записки. 1884. № 1.

чалась в отказе от принципа «чем хуже, тем лучше». Оказывать народу практическую помощь нужно было уже сейчас, пока капитализм окончательно не разорил крестьянское хозяйство. В одном из своих «внутренних обозрений» в «Отечественных записках», отмечая ослабление общины и усиление влияния сельской буржуазии, Абрамов предупреждает своих читателей об опасности быстрого перехода той грани, которая отделяет Россию от капиталистических порядков. «Но в настоящее время, – пишет публицист в марте 1884 г., – этот скачек еще может быть предупрежден»[1].

После закрытия «Отечественных записок» и усиления гонений на передовую печать, Абрамов был вынужден на некоторое время перейти на службу в земство. В начале июня 1884 г. Статистическое бюро при С.-Петербургской земской управе пригласило публициста для разработки данных подворной описи 1882 г. В итоге, он подготавливает два выпуска статистических материалов по экономическому положению крестьянских хозяйств Шлиссельбургского и С.-Петербургского уездов[2].

Большинство старых народников относились к роли земских учреждений по улучшению положения народа очень скептически из-за узости их возможностей. В статьях Абрамова первой половины 1880-х гг. тоже много моментов, посвященных недостаткам земской системы. В 1884 г. он получит возможность познакомиться с их работой, так сказать, изнутри. И когда летом 1885 г. публицист призовет интеллигенцию на службу в органы земского самоуправления, он сможет опереться на собственный позитивный опыт «хождения в земство».

В начале 1885 г. Абрамов возвращается в публицистику. Публикует свои статьи в разных столичных журналах («Наблюдателе»[3], «Детском чтении»[4], «Экономическом журнале»[5]), пока не найдет себе постоянного места в газете «Неделя». В

---

[1] [Абрамов Я. В.] Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1884. № 3. С. 97.

[2] Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии: в 17 вып. Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском уезде. Вып. 2. СПб., 1885; Крестьянское хозяйство в С.-Петербургском уезде. Вып. 5. Ч. 1. СПб., 1885.

[3] Абрамов Я. Забытое сословие // Наблюдатель. 1885. № 1.

[4] Абрамов Я. Полместа (мещанская драма) // Детское чтение. 1885. № 2; Его же. Кавказские очерки. Сванетия и сванеты // Детское чтение. 1885. № 5.

[5] Абрамов Я. Фабричные порядки в сельском быту // Экономический журнал. 1885. Кн. 2. С. 12–15.

апреле здесь появляется его статья «Нелегальные поселенцы» (№ 15), а уже в июле первая передовица – «Настроение провинции» (№ 28).

К этому времени возглавляемая П. А. Гайдебуровым «Неделя», где когда-то публиковались «Исторические письма» П. Л. Лаврова, окончательно превратилась в главный орган умеренного правого народничества, ориентированный на провинциальную интеллигенцию. Первой скрипкой здесь был И. И. Каблиц-Юзов – истинный отец теории «малых дел», еще в конце 1870-х гг. подробно обосновавший необходимость смотреть на задачи русской жизни с точки зрения практических нужд народа[1]. Однако неприкрытая интеллигентофобия и национализм Каблица, угрожавшие репутации газеты, заставили Гайдебурова отправить его в 1885 г. в «отставку» и предложить место ведущего публициста «Недели» Абрамову.

В отличие от своего предшественника, Абрамов верил в возможность прочного и взаимовыгодного союза «трудовой» интеллигенцией с народом. Основой для такого сближения могла стать их совместная деятельность в земских учреждениях, которые, как известно, были всесословными. В статье «Настроение провинции», защищая земство и общину от нападок столичной печати, народнический публицист доказывает заинтересованность широких слоев населения, включая крестьянство, в развитии местного самоуправления [2]. Для самого Абрамова земство – это один из главных на тот момент рычагов общественной эволюции, доступных демократической интеллигенции.

В культурном народничестве середины 1880-х гг. Абрамов занимал центристскую позицию[3]. С одной стороны, он признавал необходимость неотложной помощи народным массам в их повседневной борьбе за существование, что сближало его с окружением Каблица-Юзова, с другой стороны поддерживал идею умственной переорганизации народа, которая была близка Воронцову и Кривенко.

---

[1] Гаврилова Е. И. Вопрос об авторстве теории «малых дел» в современном отечественном народниковедении // Современные аспекты гуманитарного знания: мат-лы II Междунар. науч.-практич. конф. Воронеж, 2017. С. 20–22.

[2] [Абрамов Я. В.] Настроение провинции // Неделя. 1885. № 28.

[3] Мокшин Г. Н. Типология течений культурного народничества // Вестник Омского ун-та. 2020. Т. 7, № 4. С. 10.

Все это позволит Абрамову предложить интеллигенции такую программу культурнической деятельности в деревне, которая окажется очень востребованной даже в условиях очередного кризиса передового русского общества. Неслучайно, осенью 1885 г. вместе с бывшими членами редакции «Отечественных записок» Абрамова пригласят в новый журнал «Северный вестник», где он до начала 1889 г. будет вести раздел «Из провинциальной печати» (40 обозрений за три с половиной года) и публиковать статьи о развитии женского образования в России, по истории Уложенной комиссии Екатерины II (на предмет культурности тогдашнего общества и его способности заниматься общественным делом) и по др. вопросам[1].

Итак, в 1885 г. бывший «революционер» и ведущий сотрудник радикальных «Отечественных записок» оказался в политически индифферентной «Неделе». Очевидно, что после 1881 г. взгляды публициста претерпели определенную эволюцию. Выделим ее основные этапы.

В конце 1870-х гг. Абрамов еще «революционный культурник», организатор и член тайных кружков народников-пропагандистов Ставрополья. Первоначально он был связан с «Землей и волей», а вот кого поддержал после раскола организации в 1879 г. точно неизвестно. Можно лишь предположить, что он сочувствовал народовольцам, как и его товарищи – Г. И. Успенский, В. М. Гаршин и С. Н. Кривенко. Тем не менее, слово «революционер» мы везде ставим в кавычки, т.к. убежденным революционером, а тем более членом какой-либо крупной революционной организации он не был. Вообще в 1870-е – 1880-е гг. революционных народников поддерживали многие общественные деятели, даже не народники.

На следующем этапе – между 1881 и началом 1884 г. – Абрамов постепенно эволюционирует от революционного к легально-реформаторскому народничеству. В эти годы он становится известным писателем, специалистом по расколу и сектантству, сотрудником ряда либерально-демократических изданий. Однако полиция по-

[1] Абрамов Я. Женские врачебные курсы // Северный вестник. 1886. № 2; Его же. Частная женская воскресная школа в Харькове // Северный вестник. 1888. № 8; Его же. Сословные нужды, желания и стремления в эпоху Екатерининской комиссии (1767–1769 гг.) // Северный вестник. 1886. № 4, 6–8, 10, 12; Его же. Вопрос о чиншевиках [наследственных арендаторах помещичьих земель в Литве и западных районах Белоруссии] // Северный вестник. 1886. № 3.

прежнему фиксирует контакты литератора с революционной средой. Если бы тогда произошла революция, Абрамов, конечно бы, ее поддержал, как в 1905 г. Настолько условна была грань, разделявшая левых и правых народников. Цель-то у них одна! Но в 1884 г. в России победила реакция.

Об Абрамове как убежденном народнике-культурнике можно говорить не ранее весны 1884 г., когда он отказался от сотрудничества в «Вестнике “Народной воли”». Причем решающую роль на эволюцию Абрамова от политики к аполитизму, видимо, оказала его давняя связь с чернопедельцем П. А. Латышевым. Прямых доказательств участия Абрамова в составлении «Опыта обоснования программы народников», к сожалению, найти не удалось. Но косвенных данных достаточно для того, чтобы рассматривать данный документ как один из важнейших источников для изучения взглядов Абрамова до его прихода в «Неделю», в которой потом будут развиваться похожие идеи и принципы.

Основное содержание третьего этапа становления одного из самых ярких теоретиков позднего русского народничества – это окончательный переход Абрамова на позиции мирного культурничества. Он связан, прежде всего, с разгромом в 1884 г. «Народной воли», осознанием необратимости изменений политической ситуации в стране и началом очередного кризиса самосознания радикальной русской интеллигенции, когда вопрос «Что делать?» вновь становится актуальным.

ГЛАВА II. Я. В. АБРАМОВ – ТЕОРЕТИК КУЛЬТУРНОГО НАРОДНИЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1880-х – НАЧАЛА 1890-х гг.

2.1. Основы учения Я. В. Абрамова о «культурной работе»

В современной исторической литературе понятие «культурное народничество» служит для обозначения умеренно правого течения в русском народничестве 80–90-х гг. XIX в. Сами его представители (И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов, С. Н. Кривенко, В. П. Воронцов, Е. Д. Максимов) «культурниками» никогда себя не называли. Термин возник в начале XX в., когда данное течение легально-народнической мысли уже стало достоянием истории.

Конечно, термин «культурное народничество» носит собирательный характер. Ведь между Каблицем и Максимовым – дистанция огромного размера и сами они никогда бы не поставили себя в один ряд. Но приоритет «культурной работы» над политической деятельностью – это то, что их объединяет. Поэтому, на наш взгляд, такое название течения вполне правоверно[1]. Другое дело, что само название «культурное народничество», на первый взгляд, выглядит очень странно. А что, есть «некультурное»? Неслучайно современные историки чаще используют другой термин «культурническое» народничество. Однако мы, вслед за И. Корсаковым (автором некролога С. Н. Кривенко), будем называть его «культурным»[2].

Особенности идеологии «культурного» народничества можно понять, только сопоставив его с народничеством «политическим». Разница между ними в тактике действий. Базовых моделей всего две. Это тактика социальных преобразований (для народа и через народ) и тактика политических преобразований (для народа, но без активного участия народа). Для осуществления первой модели необходимо предварительное превращение масс в реальную движущую силу общественного

---

[1] Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Кто такие народники-культурники? // Вестник ВГУ. Серия. История. Политология. Социология. 2016. № 3. С. 83.

[2] Корсаков И. Заметки социалиста о текущем // Голос. 1906. № 14. 7 июня.

развития (при помощи социально-культурных преобразований). Вторая модель делает ставку на политическую борьбу интеллигенции с самодержавием – как главное средство построения «народного» (социалистического) государства. Иными словами, «культурное» народничество следует противопоставлять «политическому».

Рассмотрим основные течения культурного народничества, чтобы точнее определить положение в нем Я. В. Абрамова.

Типология культурного народничества лучше всего разработана в трудах Г. Н. Мокшина. Он первым предложил разделять народников-культурников на три течения: правое, среднее и левое, соответственно отстаиваемой ими программы общественных преобразований[1].

Правое течение сложилось раньше остальных на рубеже 70/80-х гг. XIX в. вокруг И. И. Каблица – автора статьи «Что такое народничество?»[2]. В основе его народничества (кстати, сам народник называл его «истинным») – тезис о «культурной самодостаточности» русского народа. По убеждению Каблица, интеллигенция не должна «учить» мужика, как ему следует жить, т.е. пытаться передать его по своему образу и подобию. У нее более скромная задача: помочь народу развить заложенные в нем социальные задатки. Очевидно, что давать людям лишь то, чего они сам пожелают, т.е. удовлетворять их повседневные потребности – это очень узкое понимание задач «культурной работы», основанное на крайней идеализации народных масс[3]. За принижение роли интеллигенции современники называли эту доктрину «юзовщиной». (Все что оканчивается на «щина» имеет негативный смысл).

Среднее течение связано с Абрамовым и так называемой «абрамовщиной» (теорией «малых дел») второй половины 1880-х гг. – начала 1890-х гг. По мнению

---

[1] Мокшин Г. Н. Типология течений культурного народничества // Вестник Омского ун-та. 2020. Т. 7, № 4. С. 12.
[2] [Каблиц И. И.] Что такое народничество? // Неделя. 1880. № 31.
[3] Там же. Стб. 984–986.

Г. Н. Мокшина, это «культурничество» в классическом его понимании: «культурно-просветительская деятельность в отрыве от политики»[1]. Как отмечалось в первой главе, Абрамов в молодости был связан с пропагандой идей «Земли и воли», которые стояли на позиции аполитизма. Потом идейные противники землевольцев (в частности, будущий народоволец А. И. Желябов) назовут их «культурниками»[2]. Культурничество Абрамова – это развитие тактики революционного культурничества семидесятников, только на легальной почве. Общее у них – стремление к изменению мышления народа, основ его мировоззрения, к пробуждению самосознания трудящихся масс и превращению их в самостоятельную общественную силу.

Левое течение окончательно оформилось в 1890-е гг. Его главный идейный вдохновитель – С. Н. Кривенко. И это уже было культурничество «органическое»[3], включающее в себя не только культурную работу, но и политическую деятельность. По убеждению Кривенко, для общего успеха необходим был прочный союз всех сил наличных русской интеллигенции – и тех, кто поддерживал «малые дела», и сторонников так называемых «больших дел», ориентированных на коренные общественные преобразования.

Данная типология течений культурного народничества, при всем своем схематизме, отражает основные этапы эволюции его идеологии, и, соответственно, помогает нам оценить вклад в нее Абрамова.

Первый и главный вопрос, который возникает перед исследователем идеологии правого народничества: как соотносятся между собой «малые дела» и «культурная работа»?

Согласно общепринятой точке зрения, кстати, утвердившейся в литературе во многом благодаря статьям В. И. Харламова, теория «малых дел» – это ядро идеологии культурного или культурнического народничества. Суть данной теории (а соответственно и всей идеологии народников-культурников) трактуется как отказ

---

[1] Мокшин Г. Н. Культурничество // Общественная мысль в России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2005. С. 241–242.

[2] См.: Плеханов Г. В. Соч.: в 24 т. Т. 24. М.; Л., 1927. С. 138.

[3] Термин «органическая культурная работа» принадлежит первому биографу С. Н. Кривенко М. Слобожанину (Е. Д. Максимову).

от дел «больших» (борьбы за изменение основ «антинародного» строя), в пользу дел «малых» (труд учителя, врача, агронома и т.д.), направленных на улучшение положения народа на почве существующих в стране общественных порядков. Иными словами, «малые» дела противопоставляются «большим» как нечто противное традициям и духу народничества, идеалы всегда были нацелены на построение социалистического общества.

Однако данный подход имеет один принципиальный недостаток. Это, на наш взгляд, неверная интерпретация причин появления «пресловутой» теории «малых дел». (Данное название пустил в ход Н. В. Шелгунов в конце 1880-х гг., а сами народники, если возводили свои идее в разряд теорий, то называли их по-другому, например, теорией «органического развития» общества). Абсолютное большинство исследователей связывает ее возникновение с политической реакцией Александра III и призывом Абрамова в 1885 г. к новому «хождению» в народ на «культурную работу». То есть с невозможностью заниматься политической борьбой с самодержавием. В действительности, термины «маленькие дела», «муравьиная» и «черная работа» появились еще в конце 1870-х гг. в одной из статей молодого народнического публициста Л. Е. Оболенского[1]. И это была реакция на деятельность народовольцев, которые узурпировали право говорить от имени народа и представлять его интересы. Близкий друг Оболенского – Каблиц – назовет таких «народолюбцев» «лже-народниками» и «интеллигентными бюрократами», безуспешно пытающимися проложить самый короткий путь социализму, вопреки реальным желаниям и нуждам народа[2]. При этом и Каблиц, и Оболенский никогда не отказывались от своих идеалов и преимуществ общинной жизни и коллективного труда, продолжая верить в социалистическое будущее русского народа.

Поэтому за теорией «малых дел» стоит отказ не от социалистического идеала, а от попыток непосредственного перехода к социализму путем захвата власти (которую народ по-прежнему поддерживал и боготворил), с тем, чтобы работать над

[1] [Оболенский Л. Е.] N. N. Возможно ли работать только для прогресса // Мысль. 1880. № 12. С. 242–244.
[2] [Каблиц И. И.] Лже-народничество // Неделя. 1882. № 14. Стб. 435–438.

созданием социокультурных предпосылок для будущих радикальных изменений в народной жизни. Конечно, надежды народников-культурников на то, что к социализму можно прийти эволюционным путем – это была утопия. Но в исторической перспективе она принесла гораздо меньше вреда, чем идея ускоренной демократизации русской жизни путем скороспелой политической реформы.

Возвращаясь к Абрамову, как возможному «отцу» теории «малых дел», следует заметить, что сам народнический публицист в одной из своих заметок прямо напишет, что не знает, почему Н. В. Шелгунов в конце 1880-х гг. обвинил его в пропаганде «каких-то “малых дел”». Разве забота о подъеме народного благосостояния, улучшении системы его просвещения и здравоохранения, правовой защиты и т.п. – это «малые дела»?[1]

Некоторые современные исследователи используют в качестве доказательства приверженности Абрамова к «малым делам» небольшую цитату из его статьи «Преувеличенные обвинения»: «из этих маленьких дел слагается жизнь миллионов, от них сплошь и рядом зависит благосостояние и жизнь многих и многих людей»[2]. Но для обоснования теории «малых дел» этого явно недостаточно. Тем более речь здесь идет не о «малых делах» вообще, а «маленьких» судебных делах, которыми могли бы заняться юристы, переселившись на постоянное жительство в деревню[3].

Разумеется, дыма без огня не бывает. И у Н. В. Шелгунова было достаточно причин, чтобы обвинять Абрамова в пропаганде «практицизма» в ущерб «идейности», в «примирении» с действительностью и даже в превращении его в идеолога «мещанства». Статьи Абрамова в «Недели» второй половины 1880-х гг., в которых

---

[1] Абрамов Я. Старые нападки // Русь. 1897. 22 мая. Некоторые современные исследователи используют в качестве доказательства приверженности Абрамова к «малым делам» небольшую цитату из его статьи «Преувеличенные обвинения»: «из этих маленьких дел слагается жизнь миллионов, от них сплошь и рядом зависит благосостояние и жизнь многих и многих людей» (Неделя. 1885. № 49. Стб. 1716). Но для обоснования теории «малых дел» этого явно недостаточно. Тем более речь идет не о «малых делах» вообще, а «маленьких» судебных делах, которыми могли бы заняться юристы, переселившись в деревню.

[2] [Абрамов Я. В.] Преувеличенные обвинения // Неделя. 1885. № 49. Стб. 1716.

[3] Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Я. В. Абрамов – пионер теории «малых дел»? // Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук «Бартеневские чтения», посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. Липецк, 2014.

он призывал молодежь переселиться в деревню и заняться настоящим «делом», давали его критикам такую возможность. Более того. В середине 1890-х гг. в статье «Малые и великие дела» Абрамов открыто выступит в поддержку «малых дел». Правда, в контексте защиты идеи «великой культурной работы», направленной на постепенные, но в тоже время коренные изменение русской жизни, когда количество неизбежно перерастает в качество. Другими словами, термин «малые дела» намного уже, чем отстаиваемая Абрамовым культурническая деятельность. Если первые в априори самодостаточны, то «культурная работа» направлена на более значимые и долгосрочные цели, чем удовлетворение насущных потребностей дня грядущего[1].

Таким образом, формально Абрамов может быть приравнен к теоретикам «малых дел». Но сущность и значимость этих дел у него гораздо обширнее, чем принято думать. Все большие дела состоят из малых. По крайней мере, ни о каком противопоставлении «малых» и «больших» дел речь у Абрамова не идет. Это такой же историографический миф, как и «абрамовщина».

Реконструкцию культурнической доктрины Я. В. Абрамова лучше всего начать с общей оценки культурной работы, данной им в 1900 г. «…в 70-е, а в значительной мере и в 80-е годы наше общество, – по признанию публициста, – далеко не придавало народному просвещению такого первенствующего, всеобъемлющего значения, какое ему стало придаваться в 90-е годы. Для многих работа в области народного просвещения казалась даже совсем пустым делом, своего рода самообманом, закрыванием глаз на “настоящее дело”». Люди мечтали о том, чтобы сразу перепрыгнуть в золотой век, «без медленной, кропотливой культурной работы, которая должна вестись всюду и везде, вплоть до захолустного уголка». В настоящее время заявления о незначительном значении культурной работы заставляют смотреть на их авторов, как на невежд, «тогда как двадцать-тридцать лет тому назад такое течение пользовалось значительным престижем»[2].

[1] Абрамов Я. Малые и великие дела // Книжки «Недели». 1896. № 7. С. 223.
[2] Абрамов Я. В. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 98.

Может показаться, что Абрамов слишком преувеличивал понимание широкой общественностью значения «культурной работы». Но вот В. И. Ульянов (будущий вождь русских марксистов) оставил нам очень интересный документ, отражающих общественные настроения начала 1890-х гг. Еще находясь на народнических позициях, он напишет в одной народовольческой брошюре: «Исчезновение новой революционной идеи в период 80-х гг. в русском обществе вызвало распространение убеждения, что падение абсолютизма зависит от культурного развития страны, что наиболее верный путь к его низвержению – это развитие культурных сил страны. Оппозиционный элемент пошел по пути культурной деятельности»[1].

Говоря об идейном наследии Абрамова нельзя не отметить один важный факт. Несмотря на обилие книг, брошюр и статей по интересующей нас тематике, у него очень мало теоретических рассуждений о необходимости культурно-просветительской деятельности. Но все становится понятно, если учесть, что публицист писал не для «зеленой» молодежи, а для провинциальной русской интеллигенции, профессиональных работников умственного труда (учителей, врачей, земских деятелей и т.д.), которые и так все хорошо понимали. Задача Абрамова, как теоретика культурного народничества, заключалась в том, чтобы объяснить, *как* надо заниматься культурной работой при существующих общественных и экономических условиях. Лучшим же средством для этого служили практические примеры подобной деятельности, которые он находил в периодической печати.

И еще одно замечание. Все идейные народники – это радикалы. И народники-культурники, в том числе и Абрамов, с его поисками «правды» «справедливости» для всех людей, не исключение. А это значит, что развитие «культуры» для них – не самоцель, а средство осуществления коренных общественных преобразований. Вообще «культура» – это одна из главных характеристик общественного развития. Чем отличается культура разных народов на различных этапах истории? Прежде всего, мировоззрением людей (их отношением к окружающему миру и самим себе:

---

[1] Копия обращения от имени группы народовольцев, снятая С. Г. Сватиковым с текста, написанного В. И. Лениным // Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX − начало XX века). Приложения. М., 2000. С. 366.

кто мы и для чего живем), которое диктует определенные способы постановки и решения жизненно важных задач. Социальный опыт генетически не передается, но воспроизводится от поколения к поколению в виде так называемого «культурного кода» (идеалы, ценности, стереотипы поведения и т.п.) – основы национальной идентичности[1].

С проблемой неорганического развития отечественной истории и культуры русские народники столкнулись во время «хождения в народ» середины 1870-х гг. Эта кампания по наведению мостов между городом и деревней начиналась с твердого убеждения, что интеллигенция быстро найдет с народом общий язык. А на деле оказалось, что они совершенно не понимают друг друга. Народ верит в Бога и Царя и не желает изменений существующих общественных порядков, а интеллигенция верит в социальный прогресс и возможность быстрого построения в России царства «высшей культуры» (социально однородного общества). Налицо социокультурный раскол (несовпадение ценностей интеллектуальной элиты, к которой причисляла себя интеллигенция, и массового сознания)[2].

Культурническая доктрина Абрамова формировалась на почве осознания интеллигенцией этой громадной пропасти, отделяющей ее от народа, и необходимости приобщения масс к достижениям современной культуры и цивилизации (просвещение, благоустроенный быт, развитые культурные потребности и т.д.). Особо остро эта проблема встала после 1 марта 1881 г., когда в народе появилась настоящая интеллигентофобия.

Поскольку интересующее нас учение о культурной работе нигде не изложено в цельном виде, необходимо определить три его ключевых пункта, которые есть у всех подобных доктрин. Это цель и задачи, средства и движущие силы культурной работы.

---

[1] Куценко В. А. Социокультурный подход // Энциклопедический словарь по культурологии. М., 1997. С. 369.

[2] Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта: в 3 т. Т. 1. М., 1991. С. 220.

Начнем с формулировки цели. С точки зрения идеологов умеренно правого народничества, включая Абрамова, «культурная работа» – это социальная деятельность, направленная на подъем материальной и духовной культуры народа (это их программа минимум) с целью превращения его в самостоятельную общественную силу, способную к переорганизации существующего общественного строя на началах демократии и коллективизма (программа максимум)[1].

Если говорить более конкретно, то культурническая деятельность интеллигенции была направлена на разрешение как минимум трех взаимосвязанных задач. Во-первых, это преодоление социокультурного раскола между «образованными классами» и народом как побочного продукта начатой Петром I европеизации страны (модернизации «сверху»). Во-вторых, это противодействие набирающему силу капитализму, который, благодаря поддержке правительства, уже успел пустить корни в деревне (в виде кулачества и сельского пролетариата). В-третьих, это создание предпосылок для перехода к социализму как более совершенному общественному устройству[2].

По понятным причинам идеологи легального народничества не могли говорить обо всех своих целях и задачах открыто (как и руководители «Союза благоденствия» рядовым членам этого общества), чтобы не отпугнуть своих потенциальных союзников.

Сразу оговоримся, что с таким пониманием целей и задач умеренно правого народничества соглашаются далеко не все их исследователи. Особенно остро стоит вопрос об отношении народников-культурников к социализму. Некоторые историки доказывают, что раз Абрамов перестал заниматься пропагандой социалистического идеала (в легальной печати?), то значит, он от него отказался[3]. Другие им возражают

---

[1] [Абрамов Я.В.] Культурная работа // Неделя. 1889. № 37; Его же. Малые и великие дела.

[2] Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Основы культурного народничества Я. В. Абрамова // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества. Ставрополь, 2020. С. 110–111.

[3] Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России: сб. ст. М., 1990. С. 177; Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 364.

тем, что публицист не отказался от критики капитализма. А это значит, что его общественный идеал – построение социально однородного общества (т.к. третьего не дано, если только Абрамов не консерватор)[1]. Конечно, при существующем общественно-политическом строе одна культурная работа не могла гарантировать создания предпосылок для перехода к социализму. Недооценка значения внешних условий – характерная черта всех культурно-просветительских утопий. Впрочем, попытки перехода к демократическому социализму через захват власти интеллигентным меньшинством также не привели к желаемому результату.

Главный рычаг эволюции по Абрамову: постепенное изменение мировоззрения народа путем расширения круга его интересов и потребностей. Поскольку этот пункт достаточно подробно описан в исследовательской литературе, мы изложить его в тезисной форме.

Как бороться с бедностью и невежеством простого народа на легальной почве? По убеждению Абрамова, основная причина народной бедности заключалась в крайне низкой производительности (а, следовательно, и доходности) крестьянского труда. Для подъема отсталой земледельческой культуры народнический публицист предлагал целую систему мероприятий, как-то: распространение среди населения сельскохозяйственных знаний, внедрение современных орудий труда и способов обработки почвы, пропаганда опыта образцовых земледельческих хозяйств, развитие различных форм кооперации и т.д. Абрамов написал на эту тему несколько специальных брошюр и подготовил пять выпусков «Сельского календаря» – настоящую энциклопедию полезных для народа сведений.

Причины народного невежества также не являлись тайной за семью печатями. Это отсутствие широкого доступа к знаниям, особенно в сельской местности. Для решения этой проблемы у интеллигенции имелось три главных оружия: книга, школа (в т.ч. для взрослых) и библиотека. Кстати, под так называемой «школой

[1] Азаркин Н. М. Эволюция народнической идеологии // История политических учений: учебник для вузов. М., 2002. С. 735–737.

Абрамова», исследователи понимают, прежде всего, его сподвижников и последователей на ниве народного просвещения (Н. А. Рубакин, Х. Д. Алчевская, А. А. Штевен, А. С. Пругавин и др.).

Программа культурной работы Абрамова включала и другие пункты: развитие народного здравоохранения (изменение отношения крестьян к болезням их лечению), юридическая помощь (развитие правовой культуры населения) и т.п.

Конечно, говоря о средствах легальной культурной деятельности, нельзя не упомянуть о земских учреждениях, на которые следовало опираться интеллигенции в деревне. Когда в 1885 г. Абрамов призвал безместную столичную интеллигенцию к переселению в провинцию, он, по сути, предлагал ей стать «культурными одиночками», действующими по собственному почину. Но, видимо, под влиянием критики, очень быстро осознал необходимость опоры на земские учреждения. На этот счет существует отдельный труд Абрамова: «Что сделало земство и что оно делает» (СПб., 1889), с критикой предубеждений относительно значения культурной деятельности земской интеллигенции[1].

И, наконец, вопрос о движущих силах культурной работы. Здесь основная ставка Абрамова была сделана на так называемую «трудовую» или «служебную» интеллигенцию. Это народные учителя, врачи, фельдшеры, агрономы, земские статистики и т.д., которые могли помочь простому народу разорвать этот порочный круг из невежества и нищеты, так тесно связанные между собой.

В 1870-е – начале 1880-х гг. главной отличительной чертой «передовой» русской интеллигенции являлось не образование и не род занятий, а наличие «критического мышления», «идейность» и вообще готовность пожертвовать собой ради достижения «великой» цели. Это так называемый социально-этический подход, получивший развитие в трудах тогдашних «властителей дум» радикальной молодежи – П. Л. Лаврова, Н. В. Шелгунова, Н. К. Михайловского и др. Однако после 1 марта

[1] Подробнее об этом см. параграф 2.3 данной главы.

1881 г. эта «критически мыслящая» интеллигенция полностью себя дискредитирует, т.к. будет ассоциироваться с врагами русского народа, посягнувшими на жизнь его царя-освободителя.

Абрамов реабилитирует понятие «интеллигенция», доказывая в своих статьях, что настоящие ее представители это не «бомбисты», а «люди специального знания», так необходимые простому народу[1]. Т.е. он одним из первых теоретиков правого народничества существенно расширит это понятие, включив в интеллигенцию профессиональных работников умственного труда. В XX веке данный социально-экономический подход станет преобладающим.

Вклад Абрамова в развитие теории и практики культурного народничества заключается в решении трех очень важных идейно-тактических задач, связанных с подготовкой социальной базы для реализации «культурнической стратегии» народнической интеллигенции, противоположной стратегии политической демократизации страны, отстаиваемой левым крылом легального народничества[2].

Первая из них – это создание привлекательного образа нового типа интеллигента – «социального» работника (учителя, врача, агронома, технолога, земского статистика). Именно в этом качестве русская интеллигенция из «лишних людей» (маргиналов и «отщепенцев») превратится в созидательную общественную силу.

Вторая задача: перевод отвлеченных культурнических идей на язык практических формул, т.е. разработка практической программы деятельности трудовой интеллигенции в деревне. Все эти задачи Абрамов успешно решил и вопросов у исследователей они, как правило, не вызывают.

Куда сложнее обстоит дело с третьей идейно-тактической задачей: необходимостью увлечь культурной работой широкие слои либерально-демократической русской интеллигенции, убедив в ее возможности и при существующих общественно-политических условиях. Одни исследователи считают, что призыв Абра-

[1] [Абрамов Я. В.] Интеллигенция в деревне // Неделя. 1891. № 24. Стб. 740.
[2] Мокшин Г. Н. К вопросу о месте и роли Я. В. Абрамова в народническом движении 1880–1890-х гг. // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2018. № 3. С. 13.

мова к новому «хождению в народ» не получил широкого отклика у интеллигенции[1]. Другие пишут, что проповедь Абрамова, наоборот, имела успех и многие представители интеллигенции, воспитанные на идее долга народу, пошли на службу в земства[2].

Мы уже знакомы с высказыванием Ульянова-Ленина о том, что после распада «Народной воли» «оппозиционный элемент пошел по пути культурной деятельности». Да и сам Абрамов в начале 1890-х гг. писал об этом движении как очевидном факте[3]. А, например, А. Ф. Керенский прямо назвал службу интеллигенции в земстве «новым изданием “хождения в народ”»[4]. Проблема в том, что культурническое движение развивалось, говоря словами того же Абрамова, «тихо и незаметно» и было растянуто по времени, в отличие от «хождения в народ» революционных народников. Кроме того, в исторической литературе «вторым хождением» еще никто специально не занимался[5]. Поэтому не определены даже его хронологические рамки. Так, предложивший данный термин В. И. Харламов, понимал под ним отклик интеллигенции на народное бедствие 1891–1892 гг., а не ее «хождение в земство», начавшееся после прихода к власти Александра III[6].

Итак, какой же вклад внес Я. В. Абрамов в эволюцию идеологии культурного народничества?

Прежде всего, мы должны еще раз подчеркнуть, что не считаем Абрамова основоположником теории «малых дел». Эти лавры должны быть отданы И. И. Каблицу и Л. Е. Оболенскому. Хотя в 1890-е гг. (под напором критики) Абрамов встал на их защиту.

---

[1] Зверев В. В. Абрамов Яков Васильевич // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2005. С. 8.
[2] Балуев Б. П. «Малых дел» теория // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 465.
[3] [Абрамов Я. В.] Интеллигенция в деревне. Стб. 738.
[4] Керенский А. Ф. История России. Иркутск, 1996. С. 196.
[5] См.: Гаврилова Е. И., Мокшин Г. Н. Я. В. Абрамов и новое «хождение» интеллигенции в народ во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. (к истории вопроса) // Я. В. Абрамов и его современники: коллективная монография. Ставрополь, 2023.
[6] Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. С. 178.

Принципиальная разница между «малыми делами» и «культурной работой» в их целеполагании. «Малые дела» ориентировали интеллигенцию на удовлетворение насущных потребностей народа – того, чего он сам желает. Это функция «помощника», социального работника. Цель культурной работы – развитие самосознания народа, т.е. приобщение его к новым культурным и нравственным ценностям и потребностям. А это уже более «высокая» – учительская функция интеллигенции.

Отстаиваемая Абрамовым концепция «широкой культурной работы» отражала общую тенденцию в эволюции идеологии культурного народничества от теории «малых дел» круга Каблица-Оболенского к теории «органической культурной работы» Кривенко. (До мая 1898 г. Абрамов находился в его окружении и сотрудничал в редактируемых им изданиях «Новое слово» и «Сын отечества»).

Вклад Абрамова в развитие доктрины преобразований правого народничества заключается также в разработке и активной пропаганде концепции «трудовой» интеллигенции, ориентированной на создание социокультурных предпосылок для всестороннего обновления русской жизни, включая самые «захолустные» уголки России. Именно эта интеллигенция станет главной социальной базой второго «хождения в народ», наибольший размах которого пришелся на рубеж 1880–1890-х гг. – высшей точки развития не только «культурного», но и всего позднего русского народничества[1].

2.2. Я. В. Абрамов и начало второго «хождения» интеллигенции в народ

В мемуарной литературе под «хождением в народ» чаще всего подразумевалось движение 1874–1875 гг. Но исследователи потом установили, что данная тактика сближения с народом использовалась народниками с начала 1860-х гг., а в 1870-е гг. было два всплеска народнического движения, связанных с деятельно-

[1] В первой половине 1890-х гг. в легальном народничестве начнется идейный и организационный кризис, положивший начало упадку его влияния.

стью чайковцев и землевольцев. Так в контексте истории революционного народничества появились термины «первое» и «второе» хождение в народ, что получило отражение в справочно-энциклопедической литературе[1].

В 1880-е – начале 1890-х гг. тактику «хождения в народ» попытались возродить легальные народники. В это время усиливается поток так называемой безместной интеллигенции «в земство», а в начале 1890-х гг. страна увидела еще один поход интеллигенции в деревню – на помощь голодающим крестьянам. Легальные народники пытались эти движения возглавить и переформатировать по своим лекалам, но, очевидно, не очень преуспели в конкуренции с либералами и консерваторами. По крайней мере, в современной литературе понятия «хождение в земство» и «на голод» не связываются напрямую с деятельностью народников. В тоже время существует термин «эпоха малых дел», нередко используемый как раз для характеристики данного периода[2].

На наш взгляд, раз тактика «хождения в народ» использовалась народниками непрерывно, мы вправе выделить первое, второе и третье «хождения», связав их с тремя этапами истории народничества (революционно-народническим, легально-народническим и неонароднические).

Но чтобы «второе хождение в народ» действительно ассоциировалось с деятельностью народников-культурников («эпохой малых дел») надо: во-первых, выяснить особенности движения интеллигенции на данном этапе (чем второе хождение отличалось от первого); во-вторых, установить вклад народников-культурников в развитие этого движения и, в-третьих, определить насколько им удалось придать этому движению народническую окраску. И первый шаг – изучение деятельности в этом направлении Я. В. Абрамова.

---

[1] Итенберг Б. С. «Хождение в народ» // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 15. М., 1974. Стб. 610–611.

[2] Российская империя: занимательная история. М., 2009. С. 381–383; Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 511; Российская империя: занимательная история. М., 2009. С. 381–383.

В нашей исторической литературе уже давно утвердилось мнение, что идея нового «хождения» интеллигенции в деревню, на «культурную работу», принадлежала Я. В. Абрамову[1]. Однако этот тезис нуждается в уточнении.

Во-первых, термин «культурная работа» вошел в обычный лексикон Абрамова не ранее 1894 г.[2]. Это вовсе не означает, что он был ему неизвестен[3]. Просто летом 1885 г. он призывал интеллигенцию идти в народ, чтобы делать «дело», т.е. любую полезную для народа работу. Вот характерное название одной из его статей в «Неделе»: «Правда ли что нет дела?». Во-вторых, о необходимости возрождения тактики «хождения в народ» еще до Абрамова писали многие тогдашние народники-культурники: И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский, С. А. Приклонский, В. П. Воронцов. (Последнего сам Абрамов называет своим ближайшим предшественником[4]).

На наш взгляд, с именем Абрамова прежде всего связано начало агитационной кампании по переселению городской интеллигенции в деревню.

Для специалистов по истории правого народничества этот вопрос не нов. Достаточно сослаться на труды В. И. Харламова[5] и В. В. Зверева[6]. Но изучался он сквозь призму теории «малых дел». Считается, что теоретики правого народничества призывали идти в народ с «малыми делами» и больше всех преуспел в этом именно Абрамов, т.к. отстаиваемая им программа отвечала насущным потребностям не только народа, но и интересам так называемой «трудовой интеллигенции» (которой и была адресована), страдающей от безработицы и уже давно стремящейся найти себе место в провинции.

---

[1] См., напр.: Зверев В. В. Абрамов Я. В. // Большая российская энциклопедия. Т. I. М., 2005. С. 32.
[2] Абрамов Я. Геройство и безделье // Неделя. 1894. № 37. Стб. 1179.
[3] [Абрамов Я. В.] Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве // Отечественные записки. 1881. № 4. С. 267. Это одно из первых упоминаний термина «культурная работа» легальными народниками.
[4] [Абрамов Я. В.] Правда ли, что нет дела? // Неделя. 1885. № 32. Стб. 1122.
[5] Харламов В. И. Из истории развития либерально-народнической мысли в пореформенной России // «Будущего нет и не может быть без наук…». (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 682 и др.
[6] Зверев В. В. «Теория малых дел» Я. В. Абрамова // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под ред. В. М. Головко. Ставрополь, 2013.

В то же время существует мнение о том, что все достоинства программы «малых дел» Абрамова перечеркивались сложностью ее реализации на практике, в силу чего идеи публициста не получили широкого распространения[1]. Однако оценивать вклад Абрамова в разработку программы «хождения в народ» следует не потому, что у него не получилось, а исходя из того, что он сделал нового по сравнению со своими предшественниками.

О необходимости возвращения интеллигенции в народ для практической работы еще на рубеже 1870/80-х гг. говорили первые теоретики «малых дел» И. И. Каблиц и Л. Е. Оболенский. Но их культурническая программа была очень узкой, т.к. на задачи русской жизни они смотрели «глазами мужика». Программа Абрамова возвращала интеллигенции роль учителя и наставника народа, т.к. предусматривала задачу изменения его самосознания путем постепенного расширения круга потребностей. Кроме того, Абрамов отказался в своих статьях от излишнего теоретизирования (чем грешил бывший ведущий публицист «Недели» Каблиц) в пользу практических примеров из жизни: чем может и должна заниматься интеллигенция в деревне[2]. Для провинциальных читателей эти «светлые явления» стали лучшим доказательством правоты народнического публициста.

Как известно, широкая агитационная кампании в поддержку идеи нового хождения в народ стартовала на страницах «Недели» только летом 1885 г., после прихода сюда Абрамова. А почему не раньше? Ведь подобные призывы раздавались и раньше. Достаточно вспомнить о знаменитых «Письмах из деревни» А. Н. Энгельгардта или о статьях С. А. Приклонского в той же «Недели», в которых они писали тоже, что и Абрамов: о «массе дела» в деревне и о необходимости привлечения туда интеллигентных специалистов для «культурной работы»[3].

---

[1] Зверев В. В. Абрамов Я. В. С. 8.

[2] [Абрамов Я. В.] Маленькие деятели [о народных учителях, фельдшерах и акушерках] // Неделя. 1886. № 6; Его же. Светлые явления // Неделя. 1888. № 39; Его же. Черта времени [об усилении внимания интеллигенции к народному образованию] // Неделя. 1889. № 21.

[3] См.: Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872–1887. М., 1999. С. 367; Интеллигенция на земской службе // Приклонский С. А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С. 142, 153.

Очевидно, что дело здесь не только в Абрамове, который серией своих передовиц 1885–1886 гг. сумел привлечь к обсуждению вопроса о переселении интеллигенции в деревню другие органы печати, т.е. сделать его актуальным и интересным для читателей. Для этого нужны были сложиться определенные предпосылки. Рассмотрим их по прядку.

На первое место следует поставить поступательную трансформацию настроений интеллигенции после цареубийства. Разгром революционного народничества, с которым связывались большие надежды на либерализацию существующего политического строя, вновь актуализировало старый интеллигентский вопрос: «что делать дальше?» Напомним, что кризис самосознания коснулся и самого Абрамова, когда он в 1885 г. с левого фланга легального народничества окончательно перешел на правый.

Следующая причина – возрастание роли в жизни интеллигенции общественного самоуправления. В 1870-е гг. деятельность земских учреждений считалась «мизерной и бесплодной», т.к., действуя методами самопомощи, она не могла разрешить коренные проблемы деревни. Однако в 1880-е гг. даже умственные вожди интеллигенции были вынуждены признать, что попытка быстрого и радикального решения народного вопроса (просто изменив иерархию власти и установление «самодержавного правления» народа) – это утопия. Вот почему интеллигенция должна была забыть свои отвлеченные теории и перейти к вопросу об оказании реальной помощи тысячам крестьян в их каждодневной борьбе за существование. В 1880–1890-е гг. число земских служащих (учителей, врачей, статистиков) действительно увеличилось в разы и составило несколько десятков тысяч человек[1].

И еще одна причина для активизации культурно-просветительской деятельности передовой интеллигенции в деревне – это успехи русского капитализма. Учитывая важность данного вопроса для понимания эволюции идеологии позднего народничества, остановимся на нем более подробно.

[1] Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе. М., 1986. С. 63.

Еще в середине 1870-х гг. большинство русских народников было убеждено в невозможности укрепления на российской почве «антигуманных законов капитализма», который, по их мнению, противоречил самой сути развития (прогресса). И все это благодаря сохранению общины, которая не допускала обезземеливания крестьянства и, следовательно, возникновения сельского пролетариата. Как писал один из народнических публицистов П. П. Червинский, русская община – это «палладиум, на котором написано: “сим победише”»[1].

Однако к середине 1880-х гг. вместе с завершением промышленного переворота становится очевидным, что и в России сложились предпосылки для ее перехода на капиталистический путь развития. В стране стремительно развивались товарно-денежные отношения – главная основа капитализма. Принципиально по-новому строилась система хозяйствования, нацеленная на получение прибыли. Рентабельность производства теперь была в приоритете. Конечно, прежде всего, данная тенденция прослеживалась в крупной промышленности, железнодорожном и водном транспорте.

Видели ли эти успехи капитализма русские народники 1880-х гг.? Безусловно. Но, будучи связанными рамками антибуржуазной идеологии, даже самые видные народнические экономисты (В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон) продолжали говорить о «мертворожденности» русского капитализма, т.е. о невозможности его полноценного развития (как в Европе) по причине отсутствия надлежащих условий[2].

Что касается Я. В. Абрамова, то он, как справедливо заметил историк В. В. Зверев, «сильно сомневался в безапелляционности утверждений об отсутствии условий для развития товарного производства и обращения»[3]. Наш народник мог

---

[1] [Червинский П. П.] П. Ч. Отчего безжизненна наша литература? // Неделя. 1875. № 44. Стб. 1427.

[2] Подробнее см.: Рязанов В. Т. Хозяйственная модель русских народников и российский путь в экономике // Христианское чтение. 2015. № 1. С. 168–169.

[3] Зверев В. В. Эволюция народничества: «теория малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 87.

разделять убеждения своих товарищей в искусственности отечественного капитализма, т.е. в том, что он развивается благодаря усиленной поддержке со стороны царского правительства, заинтересованного в укреплении военного потенциала страны. Но Абрамов был по - сути первым народником, кто поставил вопрос о борьбе с последствиями проникновения в деревню товарно-денежных отношений, как первоочередной задачи отечественной демократической интеллигенции.

Вот что писал публицист на страницах «Недели». «Еще не так давно, многие были убеждены, что в России невозможно капиталистическое производство, что некоторые незначительные проявления капиталистических порядков имеют место лишь благодаря чисто внешней поддержке, что с устранением этой поддержки падет и капиталистическое производство. В подтверждение этих положений ссылались обыкновенно на то, что, несмотря на внешнюю поддержку, наш капитализм развивается слишком малоуспешно и представляет собой столь слабое создание, что не может выдержать самомалейшей заграничной конкуренции»[1].

Да, Абрамов признавал слабость молодого российского капитализма: «Правда и то, что наш капитализм еще настолько не оперился, что не может с успехом выдерживать свободной конкуренции с более сильной капиталистической промышленностью Запада». Однако «недостаток накопленных капиталов пополняется и пополняется капиталами, нахлынувшими из-за границы, где в них оказывается избыток» дискуссии о невозможности существования в России капитализма казались ему уже бессмысленными. Проявлением «нешуточности» российского капитализма Абрамов считает также быстрый рост рабочих рук в крупной промышленности, ручного производства в сельском хозяйстве[2]. Иными словами, пока народники вели споры, русский капитализм продолжал набирать силы и укореняться, поставив в зависимость от себя значительную часть населения страны.

Все это объясняет тот неутешительный вывод, к которому приходит публицист в одной из самых известных своих статей «Наш капитализм»: «Пора перестать бесплодно рассуждать о невозможности укрепления капиталистических порядков

[1] [Абрамов Я. В.] Наш капитализм // Неделя. 1886. № 47. Стб. 1545.
[2] [Абрамов Я. В.] Наш капитализм. Стб. 1545–1546.

в нашем Отечестве и обратить все внимание на то, чтобы возможно более оградить население от печальных сторон этих порядков»[1].

Далее Абрамов разъясняет, как это сделать при существующих общественных условиях. В частности, он указывает на необходимость законодательного урегулирования отношений между рабочими и владельцами предприятий. Например, народник пишет о том, что в крупной промышленности фабричному капиталу дана пока абсолютная свобода в использовании рабочей силы. Положение железнодорожных рабочих и служащих, составляющих в то время «настоящую армию», также было «решительно ничем не регулировано»[2]. Безусловно, нельзя было забывать и об ужасных условиях жизни русской деревни, ее нужде и бесправии. Об этом публицист пишет в других своих статьях. По убеждению Абрамова, облегчить материальную нужду народа можно было только с помощью повышения производительности крестьянского труда, что в свою очередь требовало расширения круга его потребностей путем духовного просветления[3]. Все это, заключает публицист, – «широкое поле для работы исследователей наших экономических отношений, и они, без сомнения, принесут на этом поприще несравненно более пользе, нежели занимаясь прорицаниями о предстоящей, будто бы гибели нашего капитализма»[4].

Некоторые современные исследователи уличают умеренно правых народников в отказе не только от революционных методов борьбы с капитализмом, но и от социалистического идеала как такового. Однако на самом деле новая программа деятельности интеллигенции в деревне не примиряла их с буржуазией. Это скорее свидетельство признания Абрамовым и его единомышленниками безуспешности попыток остановить «пришествие» капитализма, действуя «для народа, но без народа», т.е. откладывая заботу о его благосостоянии до лучших времен.

Итак, капитализм стал реальностью. И закрывать на это глаза не могли даже самые убежденные защитники общины и особого (некапиталистического) пути

---

[1] Там же. Стб. 1547.
[2] Там же. Стб. 1548.
[3] Абрамов Я.В. Малые и великие дела. С. 226.
[4] [Абрамов Я.В.] Наш капитализм. Стб. 1548.

развития России. Переход к более справедливому общественному устройство гарантировал (пока, правда, только в теории) освобождение населения от бедности и угнетения. Но когда это произойдет? никто не знал. А русский «мужик» нуждался в неотложной помощи здесь и сейчас.

По той же причине наиболее востребованным общественным деятелем в России Абрамов считал не героя-революционера, а простого работника – представителя «трудовой» интеллигенции, который хорошо знает свое дело. Абрамов пишет по этому поводу: «Наша интеллигенция считает себя или слишком героическою, способною голыми руками двигать горы, или ни на что не способною. У нас все или герои, или тряпки. Не пора ли народиться среднему типу – человеку, способному на простое, честное дело. Нужда в таком человеке великая, и будущее принадлежит ему»[1]. Именно в нем, публицист видит надежду, которая может возродить общество, и опору, на которую может положиться простой русский «мужик».

Первое обращения Абрамова к представителям трудовой интеллигенции («Правда ли, что нет дела?») прозвучало на страницах газеты «Неделя» в августе 1885 г. и переросло в целую серию статей. Общий их смысл: «безместная», т.е. безработная интеллигенция должна была оставить города и переселиться в деревню, чтобы делать для народа практически полезное для него «дело»[2].

Понятно, что реакция на это обращение со стороны других органов печати была неоднозначной. Многие критики Абрамова утверждали, что в деревне совершенно нет условий для работы интеллигенции, а это может помешать ее продуктивной деятельности на благо простого народа и свести на нет все ее старания[3]. Поэтому публицисту пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать саму возможность такой работы.

---

[1] [Абрамов Я. В.] Стоит ли работать в деревне? // Неделя. 1885. № 41. Стб. 1412.

[2] [Абрамов Я. В.] Правда ли, что нет дела? // Неделя. 1885. № 32. Стб. 1121; Его же. Еще об интеллигентной безработице // Неделя. 1885. № 50. Стб. 1753; Его же. О «лишних людях» // Неделя. 1886. № 38. Стб. 1241–1242; Его же. Безместная интеллигенция // Неделя. 1888. № 45. Стб. 1419.

[3] Отголоски печати // Волжский вестник. 1885. 18 авг. С. 2.

Абрамов, конечно, не отрицает, что условия в деревне далеки от идеальных и могут в какой-то мере мешать работе просвещенных слоев общества, но они «никак не могут сделать ее совершенно нереальной». Даже если общеполезная деятельность имеет скромное значение, пренебрегать ей не нужно, потому что «ничто» никогда не может быть лучше «чего-нибудь»[1].

По убеждению Абрамова, главная причина нежелания части интеллигенции идти работать в деревню заключалась не во внешних условиях, а в ней самой. Среда, в которой интеллигенции жила и воспитывалась, отличалась излишней «тепличностью». В результате представители просвещенного меньшинства становятся неподготовленными для жизни в суровых условиях провинции, боятся что-то менять, привыкают жить «по инструкциям и правилам», существовать по отлаженному алгоритму действий, страшатся выйти за пределы городской среды. Да и образование у интеллигенции, по словам публициста, «слишком теоретическое» и потому непригодное к практическим требованиям народной среды[2].

Основные положения отстаиваемой Абрамовым программы общественных преобразований довольно подробно изложены в исторической литературе. Одним из первых это сделал В. В. Зверев в 1997 г.[3] Как уже отмечалось, уважаемый исследователь интерпретирует ее как практическое воплощение теории «малых дел», суть которой – приспособление деревни к жизни при капитализме. Но так ли это было на самом деле?[4] И так ли уж были малы эти пресловутые «малые дела»?

Программа Абрамова охватывала все основные сферы культурнической деятельности сельской интеллигенции. Ее краеугольный камень, это, конечно, народное просвещение.

---

[1] [Абрамов Я. В.] «Внешние условия» и частный почин // Неделя. 1886. № 18. Стб. 602.
[2] Там же.
[3] Зверев В. В. Эволюция народничества: «теория малых дел». С. 86–94.
[4] Выше мы пытались доказать, что признание Я. В. Абрамовым факта проникновения капитализма в Россию не означало отказа от противостояния с ним ради идеала более справедливого общественного устройства.

По мнению нашего народника-культурника, простой народ уже имеет непреодолимую тягу к знанию. И интеллигенция должна лишь ему в этом помочь. Решение данного вопроса Абрамов связывал, прежде всего, с расширением сети просветительских учреждений. Он пишет о том, что школ мало, и они «везде битком набиты учениками», и всегда и везде значительное число желающих учиться остаются непринятыми[1]. Но просвещенное меньшинство может попытаться на практике помочь изменить реальную ситуацию через пожертвование учебным заведениям. Можно было пойти еще дальше, создавать общества, которые бы поднимали народное образование, быть организатором общественных сил в данном направлении, т.е. «частный почин». Абрамов активно пропагандировал деятельность таких обществ, хотя и признавал пока незначительность их начинаний, потому, что их слишком мало в сравнении с потребностью в них и сравнительно с численностью лиц, которые могли бы взять на себя совершаемое ими дело[2].

Еще один важный шаг для развития народного просвещения – совершенствование организации учебного процесса в школах. «Те знания, которые давались в начальных классах», – замечает публицист, – очень малы. Чаще всего дальше письма, чтения и счета учителя не шли. Не потому что не хотели, а не могли, так как профессиональная подготовка учителей тоже оставляла желать лучшего. Среди них были в лучшем случае отставные солдаты, в худшем – низшие слои городского населения. «Все это народ невежественный и настолько малограмотный, что он даже «прав не имеет» учить...»[3].

Таким образом, школа давала только минимальные знания, некомпетентными преподавателями, а сам учебный процесс был построен крайне архаично. И только массовое участие интеллигенции смогло бы исправить ситуацию в народном образовании.

---

[1] [Абрамов Я. В.] Еще ответ на возражение // Неделя. 1885. № 48. Стб. 1677.
[2] [Абрамов Я. В.] «Внешние условия» и частный почин. Стб. 603–604.
[3] [Абрамов Я. В.] Еще ответ на возражение. Стб. 1677.

Но в просвещении нуждались не только дети, но и их родители. По мнению Абрамова, интеллигенции стоило заниматься со старшим поколением, проводя всевозможные беседы, привлекая для них «людей специальных знаний», которые смогли бы поделиться опытом и знаниями в разных областях, с простым народом[1]. Такие беседы были очень популярны в крестьянской среде. Публицист подмечает, что «на них постоянно присутствовали толпы домохозяев, задававших массу вопросов и затем немедленно применявших полученные знания»[2].

Второй практической задачей интеллигенции в деревне, после культурно-просветительской работы, было социальное обеспечение жизнедеятельности населения, а именно становление местного здравоохранение.

По Абрамову, деревенская медицина должна быть построена на двух принципах: доступность и дешевизна. Публицист постоянно обращает внимание своих читателей на дефицит медицинских кадров в деревне. Он пишет, что в России «медицинская помощь доступна разве $^{1}/_{10}$ части населения; девять же десятых лишены всякой возможности получать такую помощь…» Поэтому работы было «страшно много», и даже не хватило бы всех имеющихся врачебных сил, если бы они принялись за нее[3].

Работая в провинции, квалифицированные специалисты не только поднимали авторитет доктора, вылечивая болезни, но и исправляли ошибки полуграмотных деревенских врачевателей. Они благотворно влияли на крестьян, меняя в корне их отношение к квалифицированной помощи специалистов, повышая общий уровень культуры гигиены на селе, что привело к снижению детской смертности в деревне.

Организация здравоохранения в провинции, по убеждению нашего народника, могла стать еще одним рычагом влияния на сознания простого народа, еще одним шагом к сближению образованного меньшинства и крестьянства.

---

[1] [Абрамов Я. В.] Интеллигенция в деревне // Неделя. 1891. № 24. Стб. 740.
[2] Там же.
[3] [Абрамов Я. В.] Правда ли, что нет дела? Стб. 1123.

Следующая важная сфера деятельности в деревне – народное хозяйство. Абрамов в своих статьях второй половины 1880-х гг. постоянно говорил о том, что повышение уровня образования, развитие медицины, и в целом улучшение жизнедеятельности простого народа невозможно без укрепления материального положения крестьянского хозяйства. Надо было помочь мужику выбраться из постоянной нужды. Поэтому облегчение проблемы малоземелье, снижение налогового бремени, обеспечение крестьянских хозяйств современной сельскохозяйственной техникой, развитие агрономических знаний – все это тоже должно было стать немаловажной практической задачей интеллигенции в деревне. До тех пор, пока русский народ не выберется из бедноты, не поднимется с колен, писал публицист в статье «Тяготение к земле», все начинания интеллигенции будут разбиваться о нищету, и даже в самых лучших вариантах результаты не будут соответствовать затраченным усилиям[1].

Таким образом, во второй половине 1880-х гг. ведущий публицист газеты «Неделя» Я. В. Абрамов становится одним из главных разработчиков и популяризаторов программы культурнической деятельности интеллигенции в деревне (критики не зря назовут ее «абрамовщиной»). В своих статьях публицист ставит перед трудовой интеллигенцией ряд конкретных задач, связанных с заботой о народном просвещении, социальном и экономическом благополучии деревни. Именно такая деятельность должна была помочь сближению интеллигенции и простого народа как необходимого условия для дальнейшего развития страны.

В современной исторической литературе процесс по перемещению так называемой «трудовой» русской интеллигенции 1880-х – начала 1890-х гг. из столиц в провинцию получил название «второго хождения в народ», поскольку по задачам, формам и участникам оно значительно отличалось от движения народников 1870-х гг.[2]

---

[1] Абрамов Я. Тяготение к земле // Неделя. 1891. № 16. Стб. 501.

[2] Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России: сб. ст. М., 1990. С. 177, 180; Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 65, 211, 286.

Революционные народники – в большинстве своем молодые люди, еще толком не определившиеся в жизни, – руководствуясь призывами М. А. Бакунина и П. Л. Лаврова, хотели поднять крестьян на революцию. Я. В. Абрамов, как идеолог культурного народничества, призывал интеллигенцию в деревню для дел, связанных с подъемом уровня жизни народа и развития его самосознания. А потому и обращался не к «идейной», а к «трудовой» интеллигенции – носителям профессиональных знаний, которые могут быть востребованы в деревне[1].

Конечно, в идейном отношении «второе хождение» в народ не было таким сплоченным, как «хождение» образца 1874–1875 гг. Но зато культурническая деятельность в народе была более разнообразна, чем революционная агитация и пропаганда, и открывала для интеллигенции много новых возможностей для самореализации. Она включала: организацию школ, библиотек, народных чтений, общественных книжных складов, выписку газет; развитие сети медучреждений, санитарную деятельность, акушерство; улучшение материального положения народа, подъем земледельческой культуры, развитие кооперации; юридическую помощь населению и т.д. Эту деятельность, учитывая ее масштабы, безусловно, уже нельзя считать «малыми делами». Тот же Абрамов в статье «Геройство и безделье» говорит о десятках тысяч участников данного движения, подчеркивая тем самым ее масштабы[2].

Большинство историков, говоря о «культурной работе» народников понимают под ней обычную культурно-просветительскую деятельность (труд учителя, врача, агронома и т.п.), в духе так называемой «теории малых дел». Не случайно словосочетания «культурная работа» и «малые дела» употребляются в исторической литературе как синонимы. Современники народников-культурников, видимо, думали точно также. Но до конца 1880-х гг. это не было для них проблемой, ибо как эти дела не назови (хоть «муравьиной» работой), главное, чтобы они делались как можно большим количеством людей. В конечном итоге все «большие дела»

---

[1] [Абрамов Я. В.] Еще о наших специалистах // Неделя. 1885. № 38; Его же. Интеллигенция в деревне // Неделя. 1891. № 24.

[2] Абрамов Я. Геройство и безделье. Стб. 1180.

состоят из «малых» – повседневной, практической, «черной» работы. И лишь после того как противники народников-культурников (начиная с Н. В. Шелгунова и его единомышленников) стали придавать «малым делам» уничижительный смысл, противопоставляя их деятельности, направленной на изменение условий общественной жизни, тот же Абрамов впервые публично заговорил о «великой» культурной работе, как средстве совершенствования общественных отношений[1].

На наш взгляд, с точки зрения практической пользы для населения страны, да и самой интеллигенции, «второе хождение в народ» – это более высокий этап в развитии народничества (по сравнению с «хождением» 1874–1875 гг.). Со второй половины 1880-х гг. русская интеллигенция впервые заставила говорить о себе не как об «отщепенцах», а как о созидательной общественной силе. В тоже время само народническое движение с расширением его социальной базы становится более размытым и аморфным, т.к. далеко не все представители трудовой интеллигенции идентифицировали себя с народниками.

Итак, по существу рассмотренных выше вопросов мы можем сделать следующие выводы:

1) новое «хождение в народ» – это культурно-просветительское движение середины 1880-х – начала 1890-х гг., охватившее прежде всего «трудовую» (профессиональную) интеллигенцию, изъявившую желание работать в народе. Оно не имело ярко выраженной народнической окраски. Но развитие самосознания и самодеятельности народных масс, по мнению народников-культурников, должно было приблизить Россию к осуществлению социалистических идеалов;

2) статьи Я. В. Абрамова в газете «Неделе» середины 1880-х гг., направленные на популяризацию практической деятельности интеллигенции в деревне по сути дали толчок началу широкой агитационной кампании по перемещению интеллигенции из культурных центров в провинцию;

3) культурническая программа Я. В. Абрамова – это существенный шаг вперед в развитии идеологии и практики умеренно правого народничества. Именно

[1] Абрамов Я. Малые и великие дела. С. 227.

Абрамов сумел перевести идеи своих предшественников о необходимости просвещения простого народа и подъема его хозяйственной культуры на язык практических формул и заинтересовать ими широкие слои либерально-демократической интеллигенции.

2.3. Я. В. Абрамов о земстве и его роли в развитии страны

В своих первых статьях о задачах деятельности интеллигенции в деревне Я. В. Абрамов не касался вопроса о формах ее организации, явно делая ставку на «культурных одиночек», которые должны были идти в народ на свой страх и риск, как революционные народники в середине 1870-х гг. Противники народников тут же воспользовались этой его оплошностью, заявив, что лишившись своего привычного (культурного) окружения, интеллигентный работник если не умрет с голоду, то легко может «задичать» и «опроститься», без всякой пользы для народа.

Поначалу Абрамов игнорировал эти «нападки», но, в конце концов, отвечая на замечание одной петербургской газеты о том, что «для децентрализации интеллигентных сил страны необходима правильная организация местного управления», был вынужден с ним согласиться. Да, действительно, земства могли бы облегчить передвижение интеллигентных сил из культурных центров в «глухую» провинцию и, оказывая «людям специального знания» моральную и материальную поддержку, сделать их деятельность там более плодотворной[1]. Однако почему-то до сих пор ничего подобного земства не делали. Для Абрамова ответ очевиден. В первые годы своего существования земства привлекали к себе «горячие симпатии» «лучшей» части общества. Но в настоящее время эти «лучшие элементы» совершенно индифферентны к делам самоуправления, отдав его в руки представителей «своекорыстия и личных интересов»[2].

---

[1] [Абрамов Я. В.] Самоуправление и интеллигенция // Неделя. 1885. № 40. Стб. 1379.
[2] Там же. Стб. 1380, 1381.

Судя по оговоркам Абрамова, в начале октября 1885 г. он еще был далек от того, чтобы призывать молодежь идти на «культурную работу» непременно в земство. Хотя бы потому, что земские органы действовали не во всех губерниях. Например, на Ставрополье их не было. Но статья «Самоуправление и интеллигенция» – это, безусловно, начальная точка отсчета на этом пути.

В исторической литературе отношение Абрамова к деятельности органов земского самоуправления изучается давно[1]. Правда, в основном по его книге «Что сделало земство и что оно делает» (СПб., 1889) и без подробного экскурса в историю вопроса. Поэтому причины превращения Абрамова в самого ярого защитника земства не вполне понятны.

Чтобы разобраться в них нам предстоит ответить на три более конкретных вопроса:

1) отношение к земству и его деятельности для народа у предшественников Абрамова;

2) причины обращения публициста к изучению *практической* деятельности органов земского самоуправления (что он стремился доказать своим читателям и насколько ему это удалось);

3) общая оценка Абрамовым места и роли земской интеллигенции в развитии страны и отношение к ней современников и историков.

Земские учреждения были созданы правительством в 1864 г. для привлечения общества, включая крестьян, к решению таких проблем, как обеспечение населения медицинской помощью, развитие образования, организация продовольственных запасов, строительство дорог и др. Идея вполне здравая, т.к. местные жители знали свои нужды лучше, чем чиновники, и как никто другой были заинтересованы в их

[1] Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. С. 203–204; Чернышева Е. В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии. Челябинск, 2010. С. 13, 35, 48, 49; Касторнов С. Н. Я. В. Абрамов о роли земства в подъеме благосостояния народа // Народники в истории России : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Воронеж, 2019.

удовлетворении. Однако, взявшись за это дело, земские деятели, по признанию одного из тогдашних знатоков этого вопроса – В. Ю. Скалона, в скором времени смогли убедиться, что их «бескорыстное» служение народу, например, распространение школьного образования, сводится к отпуску на него денежных средств, без права вмешательства в учебный процесс и надзора за его организацией[1]. Иными словами, «самостоятельность» земств была ограничена решением хозяйственных вопросов, и то под контролем местной администрации, что со временем привело к охлаждению интеллигенции к данному виду общественной деятельности.

В 1884–1885 гг. серию очерков о земском самоуправлении опубликовал известный народнический публицист С. А. Приклонский. Описывая борьбу земских «партий» за место в собраниях гласных, он приходит к неутешительному выводу о захвате их кучкой «проходимцев», которые используют земскую власть в интересах, стоящих за ними общественных классов (дворян, купцов, мещан, но никак не «безгласных» крестьян). И до тех пор, пока земские деятели не пробудятся от «позорного прозябания», от них нечего ждать, кроме «дрязг и пустяков»[2].

В первой половине 1880-х гг. тема «замирания» земской жизни и «бегства» идейной интеллигенции из деревни стала общим местом для народнической печати. Об этом очень много писал С. Н. Кривенко. В своих обозрениях «По поводу внутренних вопросов» для «Отечественных записок», рассуждая о том, почему так получилось, он сделал акцент на бесправном положении демократической интеллигенции, которую после 1 марта 1881 г. хотят окончательно истребить, как волков в Англии[3]. На неустроенное общественное положение сельских учителей, страдающих от притеснений и обид со стороны волостных старшин, местных помещиков, кулаков и кабатчиков и даже священников (если эти учителя начинают пользоваться особым доверием и уважением крестьян), обращает внимание и С. А. Приклонский[4]. Что, впрочем, не помешало ему (как и Абрамову в статье «Учреждения

[1] Скалон В. Ю. Земские вопросы. Очерки и обозрения. М., 1882. С. 10, 11.
[2] Приклонский С. А. Указ. соч. С. 62, 63.
[3] Кривенко С. Н. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. СПб., 1911. С. 114, 200, 313.
[4] Приклонский С. А. Указ. соч. С. 133–141.

и люди»[1]), утверждать, что «интеллигентный человек может с пользой служить народу *даже при существующих условиях* (курсив мой. – *Е. Г.*)»[2]. Конечно, может, если есть мотивация! А именно ее и не хватало тогдашней интеллигенции. По крайней мере, до второй половины 1880-х гг., когда она по идейным, а еще чаще материальным соображениям, все-таки отправиться в деревню, на свой страх и риск...

Весной 1886 г. с критикой публицистов «Недели» за их убеждения в том, что интеллигенция может работать в деревне, не состоя при «местах», т.е. в качестве «вольнопрактикующих лиц, живущих своим трудом», выступил сотрудник «Русского богатства» В. В. Бирюкович. Его главный аргумент: «вряд ли… дезорганизованному партизанскому труду интеллигенции можно отдать предпочтение перед организованным». Если, конечно, иметь в виду масштабы стоящих перед интеллигенцией (в деревне) задач[3]. Земский служащий и вправду имел перед интеллигентом-одиночкой несомненные преимущества. Он занимался своим делом на законных основаниях, имел четкий фронт работ и все необходимое для выполнения своих обязанностей. Был окружен командой единомышленников, оказывавшей ему моральную поддержку, и получал за свой труд стабильное жалование.

Мы не знаем, как отреагировал на это «поучение» Абрамов, но можем определено утверждать, что Бирюкович ломился в открытую дверь. Ведь идея сделать земства центром сосредоточения действенных сил интеллигенции была высказана Абрамовым еще в 1885 г.[4] Однако для решения этой задачи нужно было проделать массу подготовительной работы. Во-первых, убедить интеллигенцию в необходимости «хождения в земство» (в качестве земских гласных или служащих – «третьего элемента»), а во-вторых, сами земства должны были приложить немало усилий для открытия новых школ, больниц и ветеринарных пунктов, чтобы увеличить число рабочих «мест», которых уже не хватало. Очевидно, что одно завесило от другого, образуя замкнутый круг. И разорвать его можно было, только действуя в обоих направлениях.

---

[1] [Абрамов Я. В.] Учреждения и люди // Неделя. 1888. № 51. Стб. 1623.
[2] Приклонский С. А. Указ. соч. С. 103.
[3] [Бирюкович В. В.] В. Б-чь. Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1886. № 3. С. 215–219.
[4] [Абрамов Я. В.] Самоуправление и интеллигенция. Стб. 1381.

В 1886–1888 гг. наш публицист опубликует в «Неделе» около 1,5 десятка статей в защиту земского (и отчасти городского) самоуправления.

«Ни одно общественное учреждение не подвергалось и не подвергается у нас такой суровой критики, как земство», – пишет Абрамов в статье «До и после [земской] реформы». В чем только не обвиняли земцев: и в бездеятельности, и в злоупотреблениях своим положением, и в том, что ежегодные траты десятков миллионов народных денег не приносят никакой пользы и т.д. «Это дурно, – заключает публицист, – потому что это неправда». Потому что «эта ложь распускается преднамеренно, с очень определенными целями и в расчете на малое знакомство общества с действительным положением вещей»[1].

Земские учреждения действительно критиковались и слева, и справа. Революционеры были недовольны тем, что занятия «малыми делами» отвлекали интеллигенцию от решения более важных общественно-политических задач, с высоты которых все эти земские «библиотечки» и «аптечки» выглядели как паллиативы. А консерваторы опасались превращения земств, с их выборным началом, в новую оппозиционную самодержавию силу (как и получилось в начале XX в.). Но Абрамов, по понятным причинам, не касается политики[2]. Он пишет только о стремлении критиков «подорвать кредит» самой идеи самоуправления, положенной в основу земских учреждений[3].

Лучшим ответом на огульные обвинения земцев в «мизерной» и «бесплодной» работе, по мнению Абрамова, было бы сравнение дореформенной русской жизни в «земских губерниях» с ее состоянием в настоящее время. Но такого труда, сетует публицист, еще нет. Хотя уже многие земства начинают сознавать необходимость исторического обозрения своей деятельности[4].

---

[1] [Абрамов Я. В.] До и после реформы // Неделя. 1886. № 5. Стб. 166.
[2] В одной из своих статей конца 1880-х гг. Я. В, Абрамов открыто задается вопросом: «нельзя ли достигнуть улучшения наших общественных порядков, не прибегая к коренной ломки существующего, а ограничиваясь отдельными поправками замеченных недостатков?». См.: [Абрамов Я. В.] Учреждения и люди. Стб. 1626.
[3] [Абрамов Я. В.] До и после реформы. Стб. 166.
[4] Там же. Стб. 167.

В той же статье Абрамов ставит вопрос о критериях для оценки, проделанной земствами работы. С точки зрения публициста, было бы неправильно оценивать ее только исходя потребностей народа (освобождение его от нищеты, невежества и болезней), без учета реальных возможностей земства, т.е. условий, в которых оно находится[1]. Тезис о ненормальности положения земского самоуправления (отсутствие доступа в него «лучшим людям», недостаток финансирования, зависимость от администрации и т.д.) – красной нитью проходит через всю публицистику Абрамова второй половины 1880-х гг.[2] Но такой подход – это не оправдание снисходительного отношения к земским учреждениям со стороны народников (мол, они и так делают все что могут), а условие постановки перед земской интеллигенцией реально достижимых практических задач!

Таким образом, идея будущей книги Абрамова «Что сделало земство и что оно делает» была изложена в печати еще в феврале 1886 г. Тогда же начинает формироваться ее структура (описание достижений земства в области народного образования, здравоохранения и поднятия экономического благосостояния населения). А в статье с говорящим названием «Земский прогресс» будущий автор сформулировал свою сверхзадачу: доказать, что последние годы, когда нападки на земства приняли наиболее ожесточенный характер, «в действительности были годами крупного прогресса земского дела». И «если земство неуклонно пойдет по этому новому пути, – оно сыграет важную роль в русской жизни»[3].

С середины 1880-х гг. в каждой статье Абрамова о земстве содержится какой-то позитивный момент. Например, в ноябре 1886 г. он публикует отрывок из частного письма одного своего знакомого земца: «Странный поворот… замечается у нас в земстве; угадайте, какой? – Оживление! Я сам удивился, но верно: в стан

---

[1] Там же. «Борьба с причинами болезненности нашего народа по необходимости должна стоять вне задач земской медицины, так как причины эти лежат вне района доступной ей деятельности», – напишет Я. В. Абрамов в другой своей статье. См.: Абрамов Я. Очерки современного земства // Русская мысль. 1888. № 4. С. 22.

[2] [Абрамов Я. В.] Противники самоуправления // Неделя. 1886. № 12. Стб. 411; Его же. Смерть или возрождение? // Неделя. 1886. № 46. Стб. 1507; Его же. Земский прогресс // Неделя. 1887. № 35. Стб. 1107; Его же. Мало ли сделано? // Неделя. 1888. № 16. Стб. 500.

[3] [Абрамов Я. В.] Земский прогресс. Стб. 1109.

гласных вступило много лиц с университетским образованием, которые до сих пор сторонились земства; в публике начинают интересоваться земскими отчетами и протоколами собраний, – словом, происходит что-то совсем новое». Факт, комментирует это наблюдение Абрамов, хоть и единичный, но знаменательный, т.к. он позволяет надеяться на начало возрождения земского движения[1].

В 1889 г. Абрамов выпускает книгу «Что сделало земство и что оно делает» – первый в России подробный обзор практической деятельности земских учреждений, формально приуроченный к их 25-летию.

В основу данного издания были положены статьи публициста в журнале «Русская мысль» (№ 4, 6, 10, 11 и 12 за 1888 г. и № 2 и 3 за 1889 г.). Они составили первые три главы книги, соответственно: «Земство и народное здравие», «Земство и народное образование» и «Земство и экономическое положение народа»[2]. На основе анализа отчетов о своей деятельности земских собраний и управ автор дает читателю общее понятие о том, что сделано и делается земством в трех важнейших областях его деятельности, в надежде привлечь внимание к земской работе «молодых сил»[3].

Главные выводы автора: 1) земства не получили от дореформенных порядков ни организации дела, ни опыта, и должны были все создавать сами, потратив на эту организационную работу более десяти лет; соответственно количественный и качественный прогресс в работе земских учреждений наметился лишь на рубеже 1870–1880-х гг. и продолжается до сих пор; 2) к 1889 г. наибольшие успехи достигнуты земствами в области народного здравоохранения и образования (две главные статьи их расходов)[4], а сознание необходимости работы для подъема экономического

---

[1] [Абрамов Я. В.] Смерть или возрождение? Стб. 1507–1508.

[2] Четвертая глава книги Я. В. Абрамова («Наше законодательство и земская инициатива»), самая маленькая по объему, содержала ценные материалы о законопроектах по крестьянскому и рабочему вопросах, явившихся результатом систематических земских ходатайств. В ее основу легли статьи, ранее опубликованные в журнале «Наблюдатель».

[3] Абрамов Я. В. Что сделало земство и что оно делает (Обзор деятельности русского земства). СПб., 1889. С. V.

[4] В 1897 г. Я. В. Абрамов прямо напишет: «Земство создало народное образование и организовало врачебную помощь населению, тогда как до земства ни того, ни другого у нас не было». См.: Абрамов Я. Наше земство // Сын отечества. 1897. № 209.

положения населения получает распространение лишь в последние годы; 3) всесословное земское самоуправление – это лучшее, что было создано на местах в процессе реформ 1860–1870-е гг. (среди его заслуг: понижение выкупных платежей, отмена подушной подати, создание земельного кредита для крестьян, организация крестьянских переселений и мн. др.)[1].

Мнение Абрамова об особой роли земств в деле цивилизации русского народа и демократизации России, разделяют многие современные исследователи данного вопроса[2]. В тоже время в историографии земского движения книга Абрамова занимает весьма скромное место. Ведь она писалась на злобу дня, с явными преувеличениями. Например, в известном 4-х томном исследовании истории земства Б. Б. Веселовского она лишь однажды упоминается в отделе библиографии[3].

Как заметила по этому поводу Е. В. Чернышева, идеализируя заслуги земской интеллигенции и нередко перенося положительные результаты, достигнутые в отдельных уездах, на всю земскую Россию, Абрамов лишь стремился указать возможные пути приложения ее сил[4]. Впрочем, в литературе высказывалась и противоположная точка зрения. Например, у В. В. Зверева читаем: «нельзя сказать, что… идеализировал», т.к. именно Абрамов предложил интеллигенции земство, как «наиболее универсальную» и уже существующую форму ее самоорганизации[5].

Впоследствии сам Абрамов признает, что оправдались далеко не все его земские надежды. Негативное влияние на деятельность местного самоуправления оказала земская контрреформа 1890 г. и общая радикализация общественного движения в России в царствование Николая II, в результате чего земство недосчиталось в своих

---

[1] Абрамов Я. В. Что сделало земство и что оно делает. С. 66, 170, 251 и др.
[2] Пирумова Н. М. Указ. соч. С. 232; Зверев В. В. «Малых дел» теория // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. С. 269–270; Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007. С. 237.
[3] Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет: в 4 т. Т. 1. СПб., 1909. С. 600 [Систематический указатель литературы по земским вопросам: 3. История земства и публицистика].
[4] Чернышева Е. В. Указ. соч. С. 48.
[5] Зверев В. В. Русское народничество: уч. пособие. М., 2009. С. 238, 247.

рядах многих талантливых и энергичных общественных деятелей. Отсюда пристальное внимание Абрамова к развитию частной инициативе интеллигенции[1].

И все же в одном Абрамов, несомненно, прав. Земские учреждения способствовали пробуждению инициативы и развитию самодеятельности пореформенного русского общества, что стало одним из главных источников экономических и культурных успехов, достигнутых Россией в конце XIX – начале XX в.[2]

В так называемую эпоху «малых дел», которая пришлась на царствование Александра III, всесословные земские учреждения стали очень популярны. Ведь именно в земстве, на вполне легальной почве смогли объединиться представители общества и народа. Однако период увлечения интеллигенцией культурнической деятельностью неизбежно должен был завершиться очередным разочарованием. Причина была в том, что самодержавная власть сознательно препятствовала «нормальному» развитию органов самоуправления (это же были его конкуренты), о чем наглядно свидетельствуют земская и городская «контрреформы» на рубеже 1880/90-х гг. А без поддержки государства глобальных проблем, которые стояли перед русской деревней, не решишь. Кстати, в этом интеллигенция могла еще раз удостовериться, столкнувшись с голодом 1891–1892 гг.

Все эти события создали благоприятные условия для усиления влияния сторонников политической борьбы с самодержавием и его институтами. Народники-политики (Н. К. Михайловский, Н. В. Шелгунов и иже с ними) вновь попытаются убедить интеллигенцию в том, что борьба за расширение политических прав и свобод важнее культурной работы в народе, которая при существующем общественном строе «бесплодна как песок в пустыне».

В этой связи усиливаются нападки и на главного публициста «Недели» Я. В. Абрамова, которые на рубеже 80/90-х гг. XIX в. перерастают в целую кампанию по

---

[1] Абрамов Я. Очерки частной инициативы в деле народного образования // Русская школа. 1890. № 1, 2, 7–9; Его же. Образчик частной деятельности в области народного просвещения // Новое слово. 1896. № 2; Его же. Общественное дело и частная инициатива // Приазовский край. 1901. № 26. 28 января.

[2] Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. С. 246.

дискредитации программы общественных преобразований, отстаиваемой идеологами умеренно правого народничества.

2.4. Полемика вокруг культурнической программы Я. В. Абрамова в публицистике второй половины 1880-х – начала 1890-х гг.

В 1880-е гг. столичная «Неделя» – это одна из самых популярных русских газет, издаваемых специально для провинциальной интеллигенции. Еще в 1878 г. у нее было всего 2,5 тыс. подписчиков. Но уже к середине 1880-х гг. благодаря новой редакционной политике П. А. Гайдебурова, чутко уловившего запросы потенциальных читателей «Недели», число ее подписчиков увеличилась до 8 тыс. А еще через десять лет достигло 15 тыс. чел.[1]

Ко времени появления в «Неделе» Я. В. Абрамова, это издание уже успело прославиться как главная цитадель умеренно правого народничества (здесь сотрудничали такие его «столпы» как П. П. Червинский, И. И. Каблиц и К. В. Лаврский). «Что касается… “Недели”, – писал Петр Гайдебуров в октябре 1884 г., – то она никогда не стремилась играть активной политической роли, ставя на первый план разработку тех основных, культурных задач русской жизни, которые не зависят ни от каких политических режимов, а напротив, сами, в конце концов, управляют ими» [2]. Очевидно, что для идеологов «Недели» истинный общественный прогресс был возможен только благодаря развитию провинции, т.к. именно там, а не в больших городах, находился «истинный» центр русской жизни.

Став одним из главных публицистов «Недели», Абрамов, в отличие от своего предшественника И. И. Каблица (Юзова), уже не обращался к своим читателям со сложными теоретическими вопросами. Например, что такое народничество? или в чем заключается историческая миссия русской интеллигенции? Основное внимание было сосредоточено на разработке практических мер помощи народу. И, судя

[1] Зверев В. В. «Неделя» // Общественная мысль России XVIII – начала XX века. С. 334.
[2] [Гайдебуров П. А.] От редакции газеты // Неделя. 1884. № 43. Стб. 1419.

по неуклонному росту подписчиков, такая редакционная политика газеты имела успех.

На призыв «Недели» летом 1885 г. заняться в деревне культурнической деятельностью спустя некоторое время появились оживленные отклики читателей, которые редакция газеты регулярно публиковала на своих страницах. Вот одно такое письмо от бывшего студента московской консерватории С. А. Кирьякова. «В вашей газете я прочел воззвания к труду в провинции, в деревне. Вполне соглашаюсь, что столицы и губернские города переполнены предлагающими свои услуги всякого рода, так что многие остаются без дела, не имея возможности быть победителями в борьбе за кусок хлеба…». Затем он говорит о желании переехать в деревню, чтобы получить должность учителя рисования и игры на фортепьяно, и надеется найти для себя хорошее место через редакцию, искренне веря, что станет «драгоценностью для родителей и воспитателей, желающих дать (своим детям. – *Е. Г.*) серьезное, законченное художественное образование…»[1].

Конкурирующие с «Неделей» провинциальные периодические издания отреагировали на статьи Абрамова с изрядной долей скепсиса. Например, в «Волжском вестнике» мнение о том, что в появлении в России так называемого «интеллигентного пролетариата» (безработные учителя, врачи, юристы, технологи и т.п.) виновата сама интеллигенция было поставлено под сомнение. Дескать, не все зависит от личной инициативы и уверенности в своих силах. И «голодные» специалисты не идут в деревню, а ищут доходные места в городах совсем по другим причинам[2]. Впрочем, в необходимости помощи деревне со стороны интеллигенции тоже мало кто сомневался.

В одном из номеров «Недели» Абрамов сделал подборку основных возражений на его статьи[3]. Это отсутствие в провинции необходимых условий для успешной культурно-просветительской деятельности, из-за чего она может легко превра-

---

[1] Кирьяков С. А. Письмо к редактору // Неделя. 1886. № 7. Стб. 270–271.
[2] Отголоски печати // Волжский вестник. 1885. 18 авг. С. 2. См. также: Голубев П. Наша трудящиеся интеллигенция // Волжский вестник. 1886. № 183, 187, 189.
[3] См. обзор отзывов: [Абрамов Я. В.] Еще о наших специалистах // Неделя. 1885. № 38.

титься в «добровольную каторгу». А еще, оказавшись в деревне, образованные специалисты рисковали не найти себе подходящей работы и достойного жалования, и, погрузившись в каждодневную борьбу за выживание, попросту «опроститься».

В деревне интеллигенцию поджидали и другие опасности. Это недоверие со стороны местных властей и населения. Например, Н. М. Астырев – народник-культурник, несколько лет добровольно прослуживший в деревне на должности волостного писаря и, безусловно, сочувствовавший призывам «Недели», заметил однажды, что пока установление прямого контакта интеллигенции с народом, к сожалению, «несбыточная вещь»[1]. Интеллигентный человек, даже вышедший из крестьянской среды, тут же становился для нее «отрезанным ломтем».

Отдельные критические замечания в адрес газеты «Неделя», по поводу ее недостаточного внимания к тяжелому положению сельской интеллигенции, Абрамов получал и из своего ближайшего окружения. «В “Неделе”, – сообщает Гл. Успенский в письме к нему от 6 января 1886 г., – в последнее время очень часто пишут о необходимости работать в народе. Это так. Но надо же и заступаться за этих работников, надо же чтобы жизнь и работа в народе не была тиранством и мученичеством. Об учителях в Неделе писано много сочувственного – и это хорошо. Но горькие условия жизни этих работников надо же выставлять в литературе»[2]. Далее он предлагает Абрамову поместить в «Неделе» или «Северном вестнике» (где он тоже сотрудничал) рукопись на эту тему одного неизвестного нам автора, снабдив ее небольшим предисловием.

Выступая от имени «Недели», Абрамов никогда не подписывал своих статей. В литературных кругах Петербурга о нем, конечно, знали. А вот широкой читательской аудитории имя автора «недельных» передовиц стало известно только в 1888 г. Его раскрыл Н. В. Шелгунов (на тот момент сотрудник либеральной «Русской мысли»), когда вступил в открытую полемику с «Неделей» о задачах русской демократической интеллигенции.

---

[1] [Астырев Н. А.] А-ревъ В волостных писарях // Вестник Европы. 1885. № 8. С. 522.
[2] Успенский Г. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М., 1957. С. 400.

Спор между «шестидесятником» Шелгуновым и «восьмидесятником» Абрамовым, ввиду его важности для понимания особенностей эволюции народнической мысли на рубеже 1880/90-х гг., имеет свою историю изучения[1]. Ведь именно тогда зародился известный народнический дискурс о «малых» и «больших» делах, т.е. о том, должна ли демократическая интеллигенция идти в деревню или ее главное предназначение – борьба за изменение существующего строя.

По словам литературоведа П. С. Когана, Шелгунов «пригвоздил» Абрамова к «позорному столбу»[2]. Это такая аллегория идейного разгрома «восьмидесятничества». Но, на наш взгляд, она совершенно не соответствует действительности.

Интересующая нас полемика имеет свою предыстории. Она началась в 1887 г. со статьи Шелгунова с критикой одного из сотрудников «Недели» – К. В. Лаврского. Поселившись в деревне и заведя собственное хозяйство, он решил поделиться с читателями «Недели» своими соображениями о том, как должны строиться отношения сельской интеллигенции с народом[3]. Чтобы не уподобиться «чудаку-барину», которого крестьяне могут легко одурачить, эти отношения должны быть исключительно «деловыми», т.е. приносить «вольнопрактикующему интеллигенту» определенный доход. Поэтому ему следует, «по примеру деревенского кулака, выработать себе значительный запас бессердечия». А иначе он в деревне не уживется[4].

Реакция Шелгунова (и ни его одного) на подобные советы Лаврского была крайне негативной. Интеллигент, думающий о том, как нажиться на счет мужика, перестает быть интеллигентом в истинном значении этого слова[5].

Дело в том, что в своих статьях К. Лаврский как раз и старался развенчать тот идеальный образ интеллигенции, который много лет отстаивал Шелгунов. «Мы, так называемая “интеллигенция”, – пишет “Деревенский житель”, – не должны о себе

---

[1] Есин Б. И. Н. В. Шелгунов. М., 1977. С. 55–57; Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. М., 1997. С. 299; Мокшин Г. Н. Я. В. Абрамов и Н. В. Шелгунов в спорах о задачах русской интеллигенции 1880-х гг. // НаукаПарк. 2016. № 8.
[2] Коган П. С. Очерки по истории новейшей русской литературы. М.; Л., 1929. Т. 4. С. 12.
[3] См.: [Лаврский К. В.] Д. Ж. К чему способна интеллигенция? // Неделя. 1887. № 7, 9, 17.
[4] [Лаврский К. В.] Д. Ж. Ответ Деревенского жителя // Неделя. 1888. № 47. Стб. 1504.
[5] [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1887. № 4. С. 117, 119.

думать, что мы “соль земли”, так как совершенно напротив, – мы в существе дела *паразиты на народном теле* (курсив мой. – *Е. Г.*); мы ничем не можем оправдать своего существования; мы очень дорого стоим и нечего взамен не даем; мы и бессильны, и сами собой недовольны все по этой же причине. Отсюда следует, что мы прежде всего сами себя должны радикально изменить и должны поставить себя в другие условия жизни, а потому прежде всего и давайте рассуждать об этих других условиях и о собственном изменении»[1].

Еще одним объектом критики Шелгунова стал автор манифеста «нового литературного поколения» Р. А. Дистерло. Он, как и Лаврский, тоже предлагал интеллигенции отказаться от идеальных устремлений, свойственных движению 1860–1870-х гг., т.к. это уже история[2]. Данное выступление Шелгунов оценил как призыв к примирению с действительностью под предлогом необходимости удовлетворения практических нуждах народа[3].

Как попал в эту компанию бывший сотрудник «Отечественных записок» Я. В. Абрамов, публиковавший свои статьи о земстве в том же журнале, что и Н. В. Шелгунов? По заслугам или недоразумению?

В июле 1888 г. Абрамов опубликовал в «Неделе» одну из самых важных своих статей – «Мрачные и светлые явления»[4]. Вот она то и послужила поводом для гневного отклика Шелгунова.

По мнению Абрамова, на страницах столичной печати русская жизнь описывалась в слишком мрачных тонах. Особенно преуспел в этом Шелгунов. Ежемесячные обозрения, которые он составлял для «Русской мысли» во второй половине 1880-х гг., были наполнены таким количеством ужасов в виде разных злоупотреблений и безобразий, что Абрамов назвал Шелгунова «гробокопателем»[5], фактически вызвав у почтенного писателя негативную реакцию. Хотя, в общем, статья

---

[1] [Лаврский К. В.] Д. Ж. Ответ Деревенского жителя. Стб. 1503–1504.
[2] [Дистерло Р. А.] Р. Д. Новое литературное поколение // Неделя. 1888. № 15. Стб. 483–484.
[3] [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1888. № 9. С. 167, 170.
[4] [Абрамов Я. В.] Мрачные и светлые явления // Неделя. 1888. № 29. Данная статья стало откликом на «Очерки русской жизни» Н. В. Шелгунова, опубликованные в № 5 «Русской мысли» за 1888 г.
[5] [Абрамов Я. В.] Мрачные и светлые явления. Стб. 906.

Абрамова должна была вызвать сопереживание у аудитории: кроме критики жизни, нужно показывать и практические примеры изменения или хотя бы незначительного улучшения «мрачной действительности».

Николай Шелгунов ответил на «выходку» Абрамова только через четыре месяца. Скорее всего, не сразу о ней узнал. Ведь он не являлся постоянным читателем «Недели». Начнем с того, что публицист посвятил разбору «Мрачных и светлых явлений» все свое ноябрьское обозрение 1888 г. (20 стр. текста). Это раз в пять больше, чем статья Абрамова. В центре внимания Шелгунова оказался вопрос: возможно ли демонстрацией примеров «энергии, доблести, благородства и служения» побудить русском общество на решительную борьбу со злом при данных условиях?[1] Ответ самого Шелгунова – нет и еще раз нет! Энергия общественного поведения рождается только «идейной динамикой мысли», а не «возбуждением единоличного желания»[2]. «Наш разброд, – развивает эту мысль публицист, – происходит не от того, чтобы у нас недоставало личной доброжелательности или личной энергии…», а потому, что центр тяжести социального прогресса лежит не в нравственно развитых личностях, а в передовых общественных учреждениях. Получалось, что Абрамов вместо «общественной постановки вопроса… сделал постановку личную», т.е. сузил задачи русской интеллигенции[3].

Как отреагировал на статью Шелгунова Абрамов? Да никак. Ведь его имя в ней не упоминалось. Шелгунов в начале своей статьи правильно заметил, что аноним «Недели» выражал мнение всей редакции газеты.

Некоторые исследователи считают выступление Шелгунова против теорий «светлых явлений» и «бодрящих впечатлений» Абрамова чуть ли не главным событием тогдашней общественно-литературной жизни[4]. Но в 1888 г. оно не при-

---

[1] [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1888. № 11. С. 166, 173.
[2] Там же. С. 177.
[3] Там же. С. 178, 180.
[4] Есин Б. И. История русской журналистики XIX в.: учеб. для студ. вузов. М., 1989. С. 191.

влекло широкого внимания. Например, Н. К. Михайловский назвал это противостояние о значении «светлых явлениях» любопытным, хотя и незавершенным[1]. И действительно через год оно вспыхнет с новой силой.

На этот раз яблоком раздора стала статья Абрамова «Жалобы на “наше время”». В ней публицист развивает туже идею, что и в статье о светлых явлениях. Несмотря на неблагоприятные внешние условия, надо продолжать делать важное и нужное для народа дело. Общество никогда не бывает довольно настоящим. Вот и 1880-е годы представляются ему «попятным движением», хотя «каждая новая эпоха… есть несомненный шаг вперед…», доказательством чего служат несомненные успехи в различных областях русской жизни[2].

Для Шелгунова статья «Жалобы на “наше время”» стала хорошим поводом, чтобы раз и навсегда разобраться с опасным оппонентом. Ведь неслучайно он посвятил Абрамову целых три своих «Очерка русской жизни»[3]. По свидетельству С. Н. Кривенко (друга и соратника Н. В. Шелгунова), тот действительно опасался, что на агитацию «Недели» за новое «хождение в народ» могут откликнуться «сто тысяч» интеллигентов, что окончательно уничтожит «политическую партию» народников[4].

Разбираясь во взглядах Абрамова, Шелгунов в выражениях не стеснялся. Для характеристики теории «маленьких дел», которая, по его мнению, являлась краеугольным камнем идеологии «восьмидесятников», он использует такие выражения, как «умственный дальтонизм», «обскурантизм», «оппортюнизм»[5]. Откуда такое сильное неприятие?

Прежде всего, эта теория реконструировала эпоху 1880-х гг. и ее нового героя так называемого «среднего человека» который, по словам Шелгунова, видит не

---

[1] Михайловский Н. К. Поиски светлых явлений // Полн. собр. соч. Т. 6. СПб., 1897. Стб. 632.
[2] [Абрамов Я. В.] Жалобы на «наше время» // Неделя. 1889. № 38. Стб. 2017, 2019.
[3] См.: Русское богатство. 1889. № 11; 1890. № 1; 1891. № 4.
[4] Кривенко С. Н. На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки). СПб., 1895. С. 6–7.
[5] Мокшин Г. Н. Я. В. Абрамов и Н. В. Шелгунов в спорах о задачах русской интеллигенции 1880-х гг. С. 49. На той же странице исследователь называет критику Н. В. Шелгунова «зубодробительной».

дальше своего носа, погряз в «муравьиных вопросах», но считает себя новой движущей силой прогресса[1]. По убеждению самого публициста, определять направление общественного развития – это миссия передовой русской интеллигенции, которую он называет не иначе как «лоцманом» русской жизни[2].

Мы уже не раз задавались вопросом, почему для обстоятельной критики Н. В. Шелгуновым идеологии «восьмидесятничества» был выбран Я. В. Абрамов. Ответ на него мы находим в № 11 «Русской мысли» за 1889 г. Здесь Шелгунов приводит цитату из статьи об Абрамове в словаре С. А. Венгерова, которая, при желании, может быть преподнесена как квинтэссенция теории «малых дел». В ней, в частности, говорится о том, что этот писатель примыкает к новейшей фракции русской интеллигенции, которая «отодвигая на второй план вопросы общественно-политические, считает основною задачею современной государственной жизни России – энергичную работу на помощь народу в его трудной борьбе с доморощенным кулачеством и быстро нарождающейся… буржуазией»[3].

Поскольку Абрамов знал о содержании этой словарной статьи и нигде ее не опровергал, мы тоже можем согласиться с данной характеристикой. Только из нее не следует, что «практицизм» и «идейность» – это несовместимые понятия, а отказ от политической борьбы непременно превращает интеллигенцию в «себялюбивое мещанство», как утверждал Шелгунов.

Почему же Яков Абрамов никак не отреагировал на критические замечания Шелгунова? Во-первых, потому что в своих передовицах он выражал общую позицию «Недели». А во-вторых, потому что считал эти обвинения необоснованными. Ведь, как известно, Абрамов относил себя к «радикальному» лагерю русской интеллигенции и принимал участие почти во всех его публичных выступлениях.

---

[1] [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1889. № 11. С. 156.
[2] Там же. С. 165.
[3] Венгеров С. А. Абрамов Я. В. // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. 1. С. 23.

Например, в 1887 г. он поставил свою подпись под коллективным протестом русских литераторов против травли писателя С. Я. Надсона (на тот момент уже покойного) консервативной газетой «Новое время»[1].

Возможно, что у Абрамова были и какие-то другие (личные?) причины не отвечать на выпады Шелгунова, о которых мы не знаем[2]. Свет на это дело могла бы пролить личная переписка Абрамова данного периода. Но она еще не введена в научный оборот, если вообще сохранилась в каком-нибудь личном архиве.

Так или иначе, в мае 1890 г. Абрамов вместе с семьей уезжает из Петербурга на свою малую родину в Ставрополь-Кавказский. От сотрудничества в «Неделе» он не отказался. Но Шелгунов все равно мог праздновать победу над одним из главных «восьмидесятников»[3]. Отныне и современники, и историки будут воспринимать культурническую деятельность демократической интеллигенции 1880-х годов только в контексте теории «малых дел», точнее в ее интерпретации Шелгуновым.

В том же 1890 г. поход Шелгунова против «Недели» вновь привлек внимание Михайловского. Он тоже занял по отношению к газете непримиримую позицию. По убеждению публициста, «новое литературное поколение», открещиваясь от идеалов отцов и дедов, «не блистают ни талантами, ни знаниями, ни оригинальностью, ни даже численностью». Это тусклое туманное пятно, расплывающееся на фоне «апатии» и «бессодержательности» современной общественной жизни. Но, по уверению Михайловского, это трудное время пройдет, «волна реакции отхлынет» и тогда эти «раки» (публицисты «Недели» во главе с Я. В. Абрамовым) «останутся на мели»[4].

Конечно, Абрамов, как народник-культурник, отстаивал не только свои личные убеждения. За ним действительно стояло целое течение народнической мысли.

---

[1] РГАЛИ. Ф. 308. Оп. 1. Д. 23. Л. 4. Там стоят подписи М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. К. Михайловского, Г. И. Успенского, С. А. Венгерова, Н. Н. Златовратского, В. М. Гаршина, А. М. Скабичевского, В. А. Гольцева и мн. др. известных писателей и публицистов.
[2] В следующей главе мы еще вернемся к этому вопросу.
[3] Шелгунов Н. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1891. № 4. С. 189.
[4] Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 6. Стб. 773.

Только вот защитников, способных «перечить» Шелгунову и Михайловскому, у него оказалось не много.

Одним из первых в спор о том, какой общественный деятель был нужен России (сторонник «малых» или «больших» дел) вмешался Л. Е. Оболенский, в то время издававший журнал «Русское богатство» (разумеется, на стороне Абрамова). Свою вторую заметку за 1889 г. он озаглавил так: «Недоразумения среди идейных писателей», потому что сотрудники «Русской мысли» и «Недели» не могли никак разобраться в очевидных вещах: что является главным двигателем прогресса: личность или учреждения. Для самого Оболенского ответ очевиден. Конечно личности, т.к. «учреждения даются, берутся, создаются только личностями»[1]. Но затем он ставит перед читателями другой вопрос: что движет самими личностями: знания или чувства? В 1878 г. об этом уже спорили И. И. Каблиц и Н. К. Михайловский[2]. Поэтому ответ Оболенского вполне предсказуем: изменения общественного сознания, а вслед за ним и общественных учреждений зависят не от руководящих идей, а от степени «нравственной гальванизации» общества. Вот только согласился ли с этим Абрамов, так много писавший о пользе просвещения и умственного развития основного населения страны? Думается, что в данном вопросе он бы стал на сторону Михайловского, а не Каблица и Оболенского.

В начале 1890-х гг. у «маленьких дел» неожиданно обнаружился еще один защитник – С. Н. Кривенко, известный общественный деятель, лучший друг Н. К. Михайловского, ведущий публицист «Северного вестника», где в 1885–1889 гг. сотрудничал и Я. В. Абрамов. «Мы, – признается Кривенко, – вовсе не предъявляем строгих требований к нашему земству, т.к. отлично понимаем, что в настоящее время и то, маленькое дело, которое делается для охранения земских учреждений от неблагоприятных влияний, есть уже большая заслуга со стороны людей, задавшихся такой задачею...»[3]. Для Кривенко, как и для Абрамова, «малое дело» – это

---

[1] [Оболенский Л. Е.] Созерцатель. Обо всем. Недоразумения среди идейных писателей // Русское богатство. 1889. № 2. С. 254–256.
[2] См.: [Каблиц И. И.] Ум и чувство, как факторы прогресса // Неделя. 1878. № 6, 7.
[3] [Кривенко С. Н.] Из провинциальной печати // Северный вестник. 1891. № 1. С. 41.

только первый шаг на пути к «большому делу», а не что-то совершенно от него независимое и самодовлеющее.

О Кривенко мы вспомнили не случайно. В 1890-е гг. он станет главным теоретиком культурного народничества, продолжив развивать все то позитивное, что было в концепции общественных преобразований Я. В. Абрамова.

Многие современные историки считают, что споры вокруг культурнической программы Я. В. Абрамова разрешила сама история. Эпоха «малых дел» закончилась с воцарением императора Николая II. И с этого времени народники-культурники оказались на обочине общественного движения, т.к. тон в нем вновь стали задавать сторонники политической борьбы с самодержавием. Однако в свете того, что случилось с Россией после 1917 г. «победа» поклонников идей Н. В. Шелгунова и Н. К. Михайловского выглядит не очень убедительно.

ГЛАВА III. ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ КУЛЬТУРНОЙ РАБОТЫ: Я. В. АБРАМОВ В 1890-е – НАЧАЛЕ 1900-х гг.

3.1. Культурно-просветительская деятельность Я. В. Абрамова в начале и середине 1890-х гг.

Народник-культурник Я. В. Абрамов вошел в историю общественного движения как «человек восьмидесятых годов», ведущий сотрудник газеты «Неделя», вдохновивший демократическую интеллигенцию, растерявшуюся в условиях политической реакции Александра III, на новое хождение «в народ» – на «культурную работу». Однако в мае 1890 г., находясь на вершине популярности, публицист покидает столицу и возвращается на свою малую родину – в Ставрополь-Кавказский.

О культурно-просветительской деятельности Абрамова в 90-е гг. XIX в., которые, на наш взгляд, стали для него еще более плодотворными, чем 1880-е, к сожалению, известно только в самых общих чертах. Точнее фактов, характеризующих Абрамова как народника-культурника 1890-х гг., накопилось предостаточно, но еще никто из исследователей не пытался собрать их воедино.

Первый вопрос, который необходимо рассмотреть: почему Абрамов неожиданно для многих решил уехать из Петербурга, прихватив с собой свою семью? Объяснение самого публициста – «ради культурной работы» в глухой провинции, куда его всегда тянуло[1] – очевидно, только часть правды, т.к. в конце 1896 г. он почему-то опять вернется в столицу, прожив здесь еще два с половиной года.

Главная причина – это, видимо, откровенная травля Абрамова со стороны его идейных противников во главе с Н. В. Шелгуновым и Н. К. Михайловским, создавших ему репутацию теоретика «малых дел» и выразителя интересов и чаяний ме-

[1] Абрамов Я. Геройство и безделье // Неделя. 1894. № 37. Стб. 1179; Его же. На провинциальном положении // Неделя. 1890. № 33. Стб. 1048.

щанства. Сам же Абрамов, как уже отмечалось выше, относил себя к представителям передовой (радикальной) интеллигенции, о чем свидетельствуют его непрекращающиеся связи с представителями революционного подполья.

Еще одна причина, на которую биографы Абрамова обращают особое внимание – это утрата понимания и поддержки со стороны его ближайшего литературно-общественного окружения[1]. В 1889 г. не стало М. Е. Салтыкова-Щедрина и В. М. Гаршина, общение с которыми помогало Абрамову в трудных жизненных ситуациях. У Глеба Успенского с осени 1889 г. начинается психическое расстройство. А С. Н. Кривенко, которого Абрамов тоже очень уважал и даже рекомендовал вместо себя издателю «Недели» П. А. Гайдебурову, на тот момент был ближе к Н. К. Михайловскому и Н. В. Шелгунову, чем к своему преемнику на посту внутреннего обозревателя «Отечественных записок».

Так или иначе, весной 1890 г. Абрамов напишет Иванчину-Писареву: «С нетерпением жду времени отъезда из Питера. Надоело все и все здесь… Жду не дождусь, когда, наконец, кончу работу по календарю и справочной книжке для переселенцев и получу право двинуться в наши благодатные палестины»[2]

Направляясь в «глухую провинцию», Абрамов, по его собственным словам, собирался приобрести там клочок земли, «сесть» на него, разводить овощи и цветы, заниматься садоводством и виноградарством, а на досуге спокойно предаваться своему обычному труду – литературному (т.е. продолжать сотрудничество в газете «Неделя» и журнале «Русская школа», где он с начала 1890 г. вел «Хронику народного образования», издавать популярные брошюры и т.д.)[3]. Клочок земли Абрамов действительно купил и сад на нем развел. Но с мечтами о «спокойном» писательском труде очень скоро пришлось расстаться и броситься в водоворот местной жизни.

---

[1] Головко В. М. Далекие и близкие: литературно-критические очерки. Ставрополь, 2014. С. 31.

[2] Цит. по: Я. В. Абрамов и издательство «Посредник»: письмо А. И. Иванчину-Писареву 1890 г. (Публикация, предисловие и комментарии В. М. Головко) // Я. В. Абрамов и его современники: коллективная монография. Ставрополь, 2023. С. 209.

[3] Абрамов Я. Юридическая беспомощность // Неделя. 1893. № 12. Стб. 381. В очередном письме к А. И. Иванчину-Писареву Абрамов напишет, что «набрал себе года на два работы, …чтобы потом не жалеть о сделанном шаге…». См.: Я. В. Абрамов и издательство «Посредник». С. 209.

Как только Абрамов поселился в Ставрополе, к нему тут же потянулись местные жители (вдовы, отставные солдаты, горнорабочие и т.п.) со своими «маленькими», «грошовыми» делами, не имея возможности прибегать к помощи частных юристов. А Абрамов, действуя «по зову сердца», не считал себя в правые отказать им в совете или в «слезной» просьбе написать прошение в ту или иную инстанцию[1]. Такая культурно-просветительская работа среди населения прекрасно вписывалась в представления народнического публициста о задачах провинциальной интеллигенции.

Со временем «дела» становились все разнообразнее и сложнее и требовали от Абрамова наведения юридических справок и более подробного изучения практического законодательства. Так постепенно он пришел к мысли о необходимости издания для народа популярных юридических брошюр[2].

Конечно, о той громадной роли, которую могут сыграть в жизни народа специальные знания, Абрамов задумался еще в молодые годы. А первые практические шаги по изданию практически полезных для народа книг и брошюр были предприняты им еще в Петербурге в конце 1880-х гг.

Так, в 1888 г. в издательстве Ф. Ф. Павленкова увидел свет первый выпуск «Сельского календаря»[3]. Там будут такие разделы, как «Месяцеслов», «Сведения о законах», «Сведения по сельскому хозяйству», «Сведения по скотоводству», «Лечебные советы», «Советы переселенцам»[4] и др. По словам исследователя Б. В. Банка – это было нечто вроде энциклопедии «малых дел», которые должен был осуществлять в своем хозяйстве и быту читатель-крестьянин для «обновления»

---

[1] Абрамов Я. Юридическая беспомощность. Стб. 381–382. По понятным причинам юридическая практика не приносила Я. В. Абрамову серьезного дохода, да и на литературную деятельность оставалось не так много времени. Поэтому с начала 1890-х гг. публицист был вынужден подрабатывать торговым агентом на местных промышленных предприятиях, в банках и обществах.

[2] Абрамов Я. В. Духовные завещания. Как их составлять, изменять, отменять, представлять к утверждению и оспаривать. СПб., 1895.

[3] Абрамов Я. Сельский календарь на 1888 год. Вып. 1. СПб., 1888. Эта книга объемом в 142 стр. (с иллюстрациями) стоила всего 20 коп.

[4] За публикацию статьи «Советы переселенцам» большая часть тиража «Сельского календаря на 1888 год» будет уничтожена.

своей жизни[1]. В 1889–1892 гг. выйдут еще четыре выпуска «Сельского календаря». Отзывы в печати – самые благожелательные[2]. О большом распространении этих книг среди сельского населения в 1889 г. напишет газета «Неделя»[3].

Потом последуют практические руководства для преподавания арифметики и грамоты[4]. Все они, судя по предисловиям и месту издания, предназначались «племенам», для которых «отечественный язык» считался еще чуждым языком. Суждение прямо-таки в духе национальной политики Александра III. Неслучайно, один из текстов «Русского начального слова» – это «Народный гимн» («Боже, Царя храни!»)[5]. Только дан он почему-то в самом конце руководства (Урок 83).

В 1890 году Абрамов издаст сборник своих статей из газеты «Неделя» и журнала «Наблюдатель» о пользе новейших завоеваний человеческого ума[6]. Эти популярные очерки предназначались для широкого круга читателей, в том числе и для представителей интеллигенции. Например, одна из статей посвящалась критике предубеждений против народной медицины и ветеринарии. А один из разделов содержал рекомендации по улучшению народного хозяйства (законодательная охрана лесов, признание оросительного дела государственной функцией, создание научных учреждений для изменения полевой культуры и др.).

И еще одна брошюра «Крестьянское хозяйство и книга» (М., 1891) была адресованная молодым крестьянам с доходчивым объяснением, почему русский народ живет бедно, а заграничный крестьянин и одет чище нашего, и почти каждый день ест мясо и белый хлеб, и все «хозяйственное обзаведение» у него прочнее и

---

[1] Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969. С. 150.

[2] См.: Новые народные издания // Русское богатство. 1888. № 10. С. 226–229; Библиография: Сельский календарь на 1890 г., сост. Я. Абрамов, изд. Ф. Павленков // Живописное обозрение. 1889. № 35. С. 143; Справочные книги: Сельский календарь на 1891 год. Сост. Яков Абрамов. Изд. Ф. Павленкова // Русская мысль. 1890. № 10. С. 492.

[3] Нам пишут: Из Кобелякского уезда (Полтавской губ.) // Неделя. 1889. № 4. Стб. 142–143.

[4] Абрамов Я. Руководство для первоначального преподавания арифметики. Вып. 1. Рига; Дерпт, 1889; Его же. Русское начальное слово для преподавания грамоты и речи по звуковой и наглядной методе. С 96 рис. Вып. 1. Рига; Дерпт, [1889]; Его же. Стенной букварь, (XII таблиц), приспособленный к «Русскому начальному слову для низших классов народных училищ». Рига; Дерпт, 1889.

[5] Абрамов Я. Русское начальное слово… С. 44.

[6] Абрамов Я. В. Новейшие успехи знания. Популярные очерки. СПб., 1890.

лучше. Причин много, но самая главная – это «неумение нашего крестьянина вести хозяйство, как следует», бездумное следование дедовским порядкам и отсутствие заботы о том, чтобы внести в них «что-нибудь хорошее новое». (Иначе говоря, это крестьянская косность и консерватизм). И таких крестьянских хозяйств, где отсутствуют какие-либо улучшения, по подсчету Абрамова, в России 19 млн. из 20[1].

В данной брошюре нет практических рекомендаций, как поднять доходность крестьянского хозяйства. Абрамов лишь призывает крестьян сделать к этому первый шаг – начать читать книги с указаниями и советами по улучшению своего хозяйства и повседневной жизни. Об успехе данной брошюры у читателей говорит ее переиздание 1894 и 1895 гг.

Современным литературоведам хорошо известна книжная серия «Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова». С 1890 по 1924 гг. в ней вышло 198 книг, рассчитанных на массового читателя. Однако мало кто знает, что идею публикации таких научно-популярных биографий выдающихся ученых, писателей и общественных деятелей Яков Абрамов высказал еще в 1881 г. в рассказе «Мещанский мыслитель», а в 1889 г., согласно гипотезе В. М. Головко, через общего знакомого – Глеба Успенского сумел донести ее до знаменитого издателя[2].

Для серии «Жизнь замечательных людей» Абрамов написал восемь биографий (Г. Стэнли, Хр. Колумба, В. Франклина, В. Каразина, М. Фарадея, И. Песталоцци, Дж. Стефенсона и Р. Фултона), опубликованных в 1891–1893 годах[3].

---

[1] [Абрамов Я. В.] Я. А. Крестьянское хозяйство и книга. М., 1891. С. 5, 6. 9, 21.

[2] Головко В. М. Книжная серия «Жизнь замечательных людей» в творческой биографии российского просветителя Я. В. Абрамова // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 67.

[3] Абрамов Я. В. Г. М. Стэнли: Его жизнь, путешествия и географические открытия. СПб., 1891 (ЖЗЛ. Вып. 3); Его же. Хр. Колумб: Его жизнь и путешествия. СПб., 1891 (ЖЗЛ. Вып. 4); Абрамов Я. В. В. Франклин: Его жизнь, общественная и научная деятельность. СПб., 1891 (ЖЗЛ. Вып. 5); Его же. В. Н. Каразин (Основатель Харьковского Университета): Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891 (ЖЗЛ. Вып. 6); Его же. М. Фарадей: Его жизнь и научная деятельность. СПб., 1892 (ЖЗЛ. Вып. 61); Его же. Песталоцци: Его жизнь и педагогическая деятельность. СПб., 1893 (ЖЗЛ. Вып. 96); Его же. Стефенсон и Фультон (Изобретатели паровоза и парохода): Их жизнь и научно-практическая деятельность. СПб., 1893 (ЖЗЛ. Вып. 97).

Каждая из семи книг вышла тиражом по 8100 экз. Эти издания до сих пор привлекают внимание исследователей.

Желая оставаться корреспондентом «Недели», Абрамов поневоле должен был сосредоточить свое внимание на проблемах местной жизни. Перед отъездом из Петербурга в той же «Неделе» публицист опубликовал передовицу об «умственном» росте провинции, как бы оправдывая свое решение расстаться со столицей[1]. Но действительность оказалась намного сложнее. По крайней мере, у себя на Ставрополье он обнаружил богатый край и очень бедную в культурном отношении жизнь. Экономическое обеспечение местного населения землей, орудиями труда и скотом было едва ли не лучшим в России. А вот по состоянию дорог, народного образования и сельской медицины, разнообразию хозяйственной жизни этот край, по словам публициста, находился на самой низшей ступени культурного развития[2].

Основную причину неустроенности местной жизни Абрамов, как народник-культурник, увидел в отсутствии у населения хоть какой-то тяги к приобретению новых знаний и навыков, даже чисто технических. А простое сравнение общественной жизни на Ставрополье и в остальной России позволило ему сделать вывод о том, что корень всех бед – это отсутствие земских учреждений, которые как раз и должны были заботиться о хозяйственном развитии и культурном процветании края[3].

Еще одна тема абрамовских писем в «Неделю» – жизнь и быт его родного Ставрополя. Поначалу Абрамов был буквально ошеломлен изменениями в его жизни, которая за девять лет «изумительно ушла вперед»[4]. Потом, правда, обнаружилось, что Ставрополь – это все еще «город-деревня» и у его жителей, особенно у мещан, полно проблем, а местное городское самоуправление не очень-то стремится их решать[5].

---

[1] [Абрамов Я. В.] Рост провинции // Неделя. 1890. № 16.
[2] Абрамов Я. Забытый край. (Письмо с Кавказа) // Неделя. 1890. № 25. Стб. 797–799.
[3] Там же. Стб. 800.
[4] Абрамов Я. Рост провинции // Русь. 1897. № 90. 21 апр.
[5] Абрамов Я. Город-деревня. (Письмо из Ставрополя-Кавказского) // Неделя. 1890. № 28.

Из вопросов общегосударственного масштаба, о которых писал Абрамов, следует выделить голод 1891–1892 г. Этой теме посвящены его газетные публикации и статьи в благотворительных сборниках, средства от продажи которых шли на нужды крестьян-переселенцев[1]. Кроме того, в 1892 г. по поручению редакции «Недели» Абрамов осуществил закупку на Кавказе 750 пуд хлеба для голодающих Поволжья и доставку его в Саратов в распоряжение местного отделения Красного Креста[2].

Активная общественная позиция Абрамова, его статьи в защиту интересов жителей г. Ставрополя не остались незамеченными. Весной 1894 г. Абрамова в первый раз избирают гласным городской думы на 1894–1897 гг.[3] С ее трибуны публицист будет выступать за развитие городского хозяйства, народного образования и здравоохранения, социального обеспечения, а также критиковать местную администрацию, когда она нарушала права городского самоуправления и горожан (как, например, в апреле 1896 г., когда местный губернатор отрешит от должности городского головы С. И. Ртищева за отказ от передачи железнодорожному ведомству одного из источников питьевой воды[4]).

Интересно, что о некоторых конфликтах с участием несговорчивого гласного станет известно на всю страну, благодаря их освещению в центральной печати. Так, в мае 1894 г. Яков Абрамов, будучи гласным «без году неделю», откажется от участия в выборах в ярмарочную комиссию, потому что не знает предложенных в нее кандидатов. А местное присутствие по городским делам, посчитает, что гласные не имеют такого права. По словам корреспондента «Недели», этот пустяковый повод

---

[1] Абрамов Я. Бегущие от голода. (Письмо с Северного Кавказа) // Неделя. 1891. № 44; Его же. Великий человек нашего времени [Жан Масэ] // Вологодский сборник в пользу пострадавших от неурожая. СПб., 1892; Его же. Переселения и частная инициатива. (Письмо с Северного Кавказа) // Путь-дорога. Научно-литературный сборник в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб., 1893.

[2] В пользу голодающих // Неделя. 1892. № 14. Стб. 469.

[3] В справочной и исследовательской литературе об Я. В. Абрамове чаще всего фигурирует другая дата его избрания в городскую думу – 1895 г.

[4] Судавцов Н. Д. Я. В. Абрамов – гласный Ставропольской городской думы // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России. Ставрополь, 2013. С. 165.

служит основанием для постановки вопроса о творящихся в городских думах беззакониях[1].

В ноябре 1894 г. Абрамов внесет предложение об открытии в Ставрополе бесплатной народной библиотеки… как достойный способ ознаменования предстоящего бракосочетания Николая II. По этому вопросу городская дума образовала особую комиссию, которая в итоге приняла предложение Абрамовым, согласившись с его мнением о том, что заботы о народном образовании должны составлять важнейший предмет попечения городского управления[2].

За заботу о просвещении местного населения в ноябре 1896 г. Абрамова изберут в состав «Общества для содействия распространению народного образования в городе Ставрополе» (создано в 1878 г.)[3].

Проживая постоянно в Ставрополе, Абрамов продолжал поддерживать свои прежние литературные связи и знакомства. Особенно тесные отношения у него сложились с членами московского издательства «Посредник» (И. И. Горбунов-Посадов, П. И. Бирюков, В. Г. Чертков и др.)[4]. В свое время эти люди содействовали распространению «Сельских календарей» Абрамова[5]. Народнический публицист не принадлежал, как они, к «толстовцам»[6], но разделял их стремление выпускать для народа книги высокого нравственного и художественного содержания.

Незадолго до своего отъезда из Петербурга Абрамов обратился в «Посредник» с предложением об издании двух новых серий книг. Первая из них – это технические книги для народа, содержащие сведения в основном по переработке сельскохозяйственных продуктов. Вторая серия – книги, знакомящие селян с тем, как живут в разных местностях России. В «Посреднике» эту идею поддержали, при

---

[1] Из Ставрополя-Кавказского // Неделя. 1894. № 22. Стб. 709.
[2] Из Ставрополя-Кавказского // Неделя. 1894. № 37. Стб. 1187.
[3] Городская хроника // Северный Кавказ. 1896. № 89. 7 ноября. С. 3.
[4] С 1884 по 1892 г. издательство «Посредник» находилось в Петербурге.
[5] РГАЛИ. Ф. 122. Оп 2. Д. 49 (Письма И. И. Горбунова-Посадова к Я. В. Абрамову от 7 и 29 марта и от 13 мая 1891 г.).
[6] О «несочувственном» отношении Я. В. Абрамова к идеям Л. Н. Толстого см.: Бартенев В. В. Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х годов // От народничества к марксизму: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883–1894 гг.). Л., 1987. С. 211.

условии, что авторов книг подберет сам Абрамов. Но, насколько нам известно, он успел заручиться поддержкой только А. И. Иванчина-Писарева[1]. А после переезда в Ставрополь от этой идеи пришлось отказаться.

В 1895 г. в связи с усилившимися гонениями на духоборов Владимир Чертков решил издать в «Посреднике» сборник статей в защиту преследуемых сектантов. К участию в этом сборнике он пригласил и Абрамова, который должен был подготовить статью, описывающую преследование упомянутых сектантов до их переселения на Кавказ. Абрамов начал эту работу, но неизвестно, смог ли ее завершить. В письмах Черткову он все время просит об отсрочке[2]. Но скорее всего статья была отправлена адресату, потому что Л. Н. Толстой написал к ней послесловие[3]. Однако планируемый сборник не вышел из-за противодействия цензуры, и статья Абрамова канула в Лету.

В 1890-е гг. легально-реформаторское народничество, к которому принадлежал Абрамов, находилось в состоянии затяжного идейно-организационного кризиса. В 1895 г., из-за разногласий по тактике общественных преобразований, оно окончательно раскалывается на два крыла: политиков и культурников. Первые из них во главе с Н. К. Михайловским остались в журнале «Русское богатство». Вторые, вместе с бывшим лучшим другом Михайловского – С. Н. Кривенко перешли в журнал «Новое слово», специально купленный для них летом 1895 г. О. Н. Поповой.

Яков Абрамов, как сторонник развития самодеятельности народных масс путем их приобщения к достижениям современней культуры и цивилизации, принадлежал к идейному окружению Кривенко. Как и все культурники, наш публицист отстаивал принцип постепенного совершенствования общественной жизни, связывая этот процесс с общим культурным подъемом народа и изменением основ его

---

[1] Я. В. Абрамов и издательство «Посредник». С. 209–210.
[2] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 104. Л. 3, 6 (Письма Я. В. Абрамова к В. Г. Черткову 1895 г., без точных дат).
[3] Толстой Л. Послесловие к статье Я. Абрамова о гонениях на духоборов, 1895 г. // Литературное наследство. М., 1961. Т. 69. Кн. 1. С. 476.

миросозерцания. Дело в том, что к неотложным политическим преобразованиям, на чем настаивали сторонники Михайловского, по-прежнему «царелюбивый и богобоязненный» русский народ был просто не готов.

Осенью 1895 г. Абрамов по приглашению Кривенко входит в состав постоянных сотрудников «Нового слова» (В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, Л. Е. Оболенский, П. В. Засодимский, А. М. Скабичевский и др.). В отделе «Обзор внутренней жизни» Абрамов будет публиковать «Письма из провинции» (1895. № 1, 2; 1896. № 4, 10). Кстати, первое свое письмо, по иронии судьбы, он напишет еще в С.-Петербурге, посвятив его жалобам представителей провинциального общества на отсутствие у них «достойных» занятий, в то время как жизнь в провинции сама «требует вашего внимания, вашего труда и сама говорит вам, что нужно делать»[1].

С ноября того же года Абрамов ведет в «Новом слове» еще один подотдел – «Земство и города» (1895. № 2, 3; 1896. № 4, 5, 7 и 8), посвятив его проблемам развития самоуправления после «контрреформ» Александра III. В частности, автор пытается разобраться с вопросом о том, почему в России, в отличие от остального цивилизованного мира, в деле просвещения народа и заботы о подъеме его благосостояния города идут позади сельских местностей[2].

С осени 1895 г. начинается сотрудничество Абрамова в еще одном правонародническом журнале – «Книжках “Недели”» – литературном приложении к газете «Неделя» В. П. Гайдебурова, которую он возглавил после смерти отца. Здесь в течение 1896 г. Абрамов опубликует ряд важных теоретических статей, которые, по сути, стали его ответом на нападки идейных противников культурнической программы народников[3]. Затронутые в них вопросы будут рассмотрены в отдельном параграфе.

1896 год оказался для Абрамова очень сложным и напряженным, прежде всего в морально-нравственном отношении. В письмах к Черткову он пишет о том,

---

[1] Абрамов Я. Письма из провинции // Новое слово. 1895. № 1 (Октябрь). С. 133, 137.
[2] Абрамов Я. Земства и города // Новое слово. 1895. № 2. С. 176; № 3. С. 150.
[3] См.: Абрамов Я. Личность в истории // Книжки «Недели». 1896. № 4, 5; Его же. Малые и великие дела // Книжки «Недели». 1896. № 7; Его же. Как делается история // Книжки «Недели». 1896. № 10.

что его постигло «большое личное несчастье, и горе меня скрутило так, что я этого и представить никогда не мог»[1]. «…Я не могу жить без того, чтобы не чувствовать к кому-нибудь привязанности, которая охватывала бы все мое существо, Мне не раз приходилось слышать упреки в том, что я – человек сухой и грубый. Не знаю, сколько правды в этом. Знаю только, что я способен привязываться к людям до полного забвения всех своих личных интересов, до того, что так хорошо передается институтским термином “обожание”. Всегда у меня была потребность любить кого-либо совсем особым чувством – любить ради любви»[2]. Но теперь «я одинок, страшно одинок. И право ничего не может быть ужаснее, как чувствовать себя на необитаемом острове среди людей»[3].

«Сердце мое, – исповедуется народник в другом своем послании к Черткову, – было всегда переполнено любовью к людям, и каждое дело давало мне возможность быть полезным людям в том или ином отношениях. Теперь чтобы я не делал для людей, мне не доставляет это ни малейшего удовольствия. Уже ничто не побуждает мою мысль работать над вопросом о человеческом страдании и средствах его облегчения…»[4].

Очевидно, что в преддверии своего 38-летия Абрамов оказался в состоянии тяжелого душевного кризиса[5], выходом из которого могла стать продолжительная смена обстановки. В конце 1896 г. публицист отправляется в Петербург, где задержится до середины 1899 г.

Итак, оказавшись в мае 1890 г. в провинциальном Ставрополе, Я. В. Абрамов явил собой образец общественного деятеля, который неукоснительно следует своим идейно-нравственным принципам и благодаря инициативе и кипучей энер-

---

[1] РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 104. Л. 9.
[2] Там же. Л. 13, 14.
[3] Там же. Л. 13.
[4] Там же. Л. 11.
[5] А. А. Астафьев, опубликовавший фрагменты из переписки Я. В. Абрамова с В. Г. Чертковым, хранящейся в ОР РГБ, предположил, что речь идет о банальном «кризисе среднего возраста», который, однако, мог довести публициста до суицида. См.: Астафьев А. А. Материалы Я. В. Абрамова в Рукописном фонде Российской государственной библиотеки // Я. В. Абрамов и его современники: коллективная монография. Ставрополь, 2023. С. 219.

гии добивается успеха практически во всех своих начинаниях (в роли издателя популярных книг и брошюр, «подпольного адвоката», гласного городской думы), невзирая на внешние условия деятельности. Но, по каком-то причинам, о которых мы можем только догадываться, к концу 1896 г. Абрамов начинает тяготиться своими прежними занятиями и ближайшим окружением и решает опять попытать счастье в С.-Петербурге.

3.2. Я. В. Абрамов в культурническом движении на рубеже XIX–XX вв.

В конце 1896 г. Я. В. Абрамов переселяется из Ставрополя в Петербург, где он продолжит сотрудничество в газете «Неделя» и ее «Книжках», а также в журналах «Русская школа» и «Новое слово».

Широта культурнической программы Абрамова, направленной на подъем материального и культурного уровня жизни народа, позволяла ему находить общий язык с представителями самых разных общественных направлений: от консервативных до радикальных. Это и есть характерная особенность так называемого «консервативного народничества», которое объединило казалось бы несовместимые вещи: консервативную, по - сути, тактику постепенных (пошаговых) преобразований, основанную на удовлетворении насущных потребностей основного населения страны[1] и радикальные конечные идеалы (построение социально однородного общества), от которых такие «ортодоксальные» народники как Абрамов никогда не отказывались.

Так, с января 1897 г. начинается постоянное, можно даже сказать каждодневное сотрудничество Абрамова в газете В. А. Гайдебурова «Русь», где он будет вести отдел «Русская жизнь». Помимо нашего публициста ближайшими участниками

[1] В данном случае имеется в виду один из основных принципов русских консерваторов, начиная еще с Н. М. Карамзина: проводить преобразования только по мере их необходимости. Русские либералы и радикалы, определяя задачи русской жизни, часто отрывались от реальности, т.к. исходили из собственных (во многом чисто теоретических) представлений о «желательном» общественном устройстве России.

газеты, которую еще не так давно издавал и редактировал князь В. П. Мещерский, были М. О. Меньшиков и известный русский религиозный философ Владимир Соловьев, что, подтверждает мнение исследователей о резком поправении поздней «Недели» и связанных с ней изданий[1].

В 1897–1898 гг. Абрамов опубликует в «Руси» около 250 статей и заметок, поднимая в них различные «злободневные» вопросы повседневной русской жизни, критикуя недостатки в работе местной администрации и органов общественного самоуправления и указывая на примеры «правильного» и «добросовестного» исполнения чиновниками и общественными деятелями своих обязанностей перед народом[2]. За одну из таких статей в августе 1898 г. газета «Русь» получит 2-е предостережение от цензуры[3]. А в декабре того же года ее выход будет приостановлен на шесть месяцев, что фактически означало закрытие газеты.

Направляясь в Петербург, Абрамов, несомненно, рассчитывал на продолжение сотрудничества в журнале «Новое слово», народническая программа которого лучше всего соответствовала взглядам публициста. Но из-за конфликта с издательницей О. Н. Поповой, в середине февраля 1897 г. народники были вынуждены его покинуть. Поэтому в «Новом слове» Абрамов успел опубликовать здесь только две статьи. Первая из них была посвящена Обществу распространения начального образования в Нижегородской губернии[4], вторая – периодической печати на Кавказе[5].

---

[1] Зверев Н. В. Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова (1885–1900 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2013. С. 13.

[2] Абрамов Я. Наши плантаторы и рабы // Русь. 1897. № 26. 29 января; Его же. Земство и народное образование! // Русь. 1897. № 43. 2 марта; Его же. Боязнь гласности // Русь. 1897. № 52. 11 марта; Его же. Бесплодные жалобы // Русь. 1898. № 60. 26 августа; Его же. Маленький человек с великим сердцем [С. В. Глинка] // Русь. 1898. № 119. 24 октября; Его же. Губернаторские речи // Русь. 1898. № 172. 16 декабря.

[3] Абрамов Я. Помощь или обуза? [о помощи пострадавшим от неурожая 1898 г.] // Русь. 1898. № 53. 19 августа.

[4] Абрамов Я. Образчик частной деятельности в области народного просвещения // Новое слово. 1896. № 2 (Ноябрь).

[5] [Абрамов Я. В.] Периодическая печать на Кавказе // Новое слово. 1897. № 6.

Причем последняя увидела свет уже при новой редакции, без его фамилии и с припиской о том, что «Мы печатаем эту интересную по фактическом содержанию статью, не разделяя взглядов автора на задачи провинциальной печати. (Ред.)»[1].

В конце апреля Абрамов и Скабичевский обращаются с жалобой на Попову в Суд чести «Союза русских писателей», обвинив ее в передаче «Нового слова» идейным противникам народников – марксистам. Суд признал издательницу «нравственно неправою», т.к. она не использовала всех возможностей для продажи журнала своим бывшим сотрудникам[2].

С апреля 1897 г. Абрамов заведует внутренним отделом в газете «Сын отечества», куда перешли сотрудники «Нового слова» во главе с Кривенко. В письме к Кривенко Абрамов напишет, что считает отдел внутренней жизни самым важным в газете и вести такой отдел – это его «давнишняя мечта»[3]. Только поставить это новое детище народнического публициста «на должную высоту» Абрамову не дадут. Но об этом чуть ниже.

В «Сыне отечества» Абрамову принадлежит более 140 публикаций, которые уже получили освещение в литературе[4]. Их тематика совпадает с публикациями Абрамова в «Руси», а некоторые статьи даже имеют одинаковые названия или близкие по смыслу.

Стоит также напомнить, что все эти годы Абрамов продолжает активное сотрудничество в газете «Неделя». В первой половине 1898 г. он ведет здесь рубрику «Свет и тени», где знакомит читателя с последствиями очередного голода. Главная идея публикаций: «некультурность – основа всех наших бед»[5].

---

[1] [Абрамов Я. В.] Периодическая печать на Кавказе. С. 116.

[2] Гофштеттер И. Рубль и мысль (На темы дня) // Жизнь. 1897. Т. VII. № 19. С. 111. См. также: Льдов К. Н. Вопиющее дело об оклеветании бывшей издательницы журнала «Новое слово» О. Н. Поповой в суде чести «Союза русских писателей», по жалобе гг. Я. Абрамова и А. Скабичевского. М., 1897. (По мнению автора, народники, в лице С. Н. Кривенко, сами отказались от приобретения журнала).

[3] РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

[4] Мельник Л. Р. Яков Абрамов – публицист газеты «Сын отечества» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: http://www.science-education.ru/121-18233 (дата обращения: 02.04.2017).

[5] Абрамов Я. Свет и тени // Неделя. 1898. № 18. Стб. 584.

В 1897–1898 гг. общее количество публикаций Абрамова по сравнению со всеми предшествующими годами увеличилось более чем в два раза. Правда, в основном за счет небольших газетных статей и заметок. (с декабря 1897 г. публицист начнет сотрудничество в еще одной газете – «Бессарабец», которая только стала издаваться в Кишиневе). Критики Абрамова даже стали упрекать публициста в том, что он пишет о разных областях русской жизни («по всем ведомствам»), не являясь в них специалистом, просто черпая информацию из периодической печати при помощи ножниц и клейстера[1]. Действительно, Абрамов не экономист, не социолог и не юрист. А была ли у него вообще хоть какая-то литературная специализация?

Яков Абрамов – это, прежде всего, обозреватель (хроникер) внутренней жизни России. Современные исследователи называют эту разновидность литературно-публицистической деятельности социальной (общественной) публицистикой[2]. В ее основе лежит анализ Абрамовым актуальных проблем текущей жизни с точки зрения развития русской общественности, точнее «самодеятельности общества». Темы, которые больше всего привлекали внимание народнического публициста:

1) дальнейшее развитие системы образования путем расширения сети народных школ и библиотек. По Абрамову, просвещение народных масс – это главный вопрос современности, «без разрешения которого невозможно движение вперед ни в какой области нашей жизни»[3]. Интересно, что наиболее значительные публикаций на эту тему Абрамов посвятил воскресным школам, как одной из самых перспективных форм начального обучения детей и взрослых[4];

---

[1] Литературный обзор: Книжки «Недели» [Я. Абрамов, как критик Н. К. Михайловского] // Научное обозрение. 1898. № 8. С. 1449.

[2] Петренко Д. И., Бондарева Н. С. Остросоциальная публицистика Я. В. Абрамова (1858–1906) : актуальные проблемы общественной жизни Российской империи на рубеже веков // Научный диалог. 2017. № 7. С. 58–69.

[3] Абрамов Я. Народный кредит // Сын отечества. 1898. № 21. 23 января; Его же. Народное образование и частная инициатива // Сын отечества. 1898. № 46. 18 февраля.

[4] Абрамов Я. Наши воскресные школы и их нужды // Русская школа. 1896. № 4; Его же. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще. 4-е изд. СПб., 1897; Его же. Первые воскресные школы в России // Русская школа. 1898. № 9–12.

2) защита прав социальных групп от злоупотреблений местной администрации и частных лиц. Правовое просвещение населения на примере конкретных судебных дел, по мнению Абрамова, лучше всего способствует пробуждению в людях чувства человеческого достоинства, которое в свою очередь есть основа для развития личности и более активного участия населения в общественной жизни страны[1];

3) забота об улучшении экономического положения сельского и городского населения. Для Абрамова проблема народной бедности – это одна из ключевых тем. Отстаиваемая народническим публицистом программа включала широкий комплекс мер от расширения крестьянского землевладения до повышения производительности народного труда[2];

4) освещение деятельности органов земского самоуправления на ниве культурного подъема провинции. В 1890-е гг. публицист открыл для себя новый способ пропаганды их передового опыта, просто сравнивая состояния народного образования, здравоохранения и местного хозяйства земских и неземских губерний[3];

5) задачи провинциальной печати. Этот вопрос рассматривался Абрамовым в контексте развития общественной самодеятельности. По убеждению публициста, печать (а точнее гласность) – это не только одно из главных орудий в борьбе с беззаконием, но и лучшее средство распространения передового опыта либерально-демократической интеллигенции в разрешении проблем местной жизни[4].

На этом поприще и сам Абрамов добивается впечатляющих успехов, создав себе имя[5]. Абрамов не случайно стремился охватить всю общественную жизнь России, во всех ее основных проявлениях. Умственный подъем массы – это ключевая

---

[1] Абрамов Я. Юридическая помощь народу // Сын отечества. 1897. № 227. 22 августа; Его же. Культурная работа // Сын отечества. 1898. № 60. 4 марта.

[2] Абрамов Я. Тяготение к земле // Неделя. 1891. № 16. Стб. 501; Его же. Итоги земской деятельности по улучшению сельского хозяйства // Новое слово. 1896. № 10. С. 151–152.

[3] Абрамов Я. Край без земства. (Письмо из Ставропольской губ.) // Неделя. 1895. № 44; Его же. Земство и деревня // Сын отечества. 1898. № 27. 29 января.

[4] [Абрамов Я. В.] Периодическая печать на Кавказе. С. 118, 123; Его же. Общественная деятельность и печатное слово // Русь. 1898. № 133. 7 ноября.

[5] Осенью 1897 г. редакция газеты «Бессарабец» представила читателям своего нового сотрудника Я. В. Абрамова как известного русского публициста, «талантливые статьи которого появлялись

задача программы общественных преобразований всего умеренного правого народничества 1890-х гг.[1] Развитие самосознания народа, превращение его в новую общественную силу – важнейшие предпосылки для изменений в обществе. И Яков Абрамов, как теоретик культурного народничества, внес в решение этой задачи свой посильный вклад, инициировав в 1885 г. движение по переселению интеллигенции в провинцию.

В начале 1890-х гг., обращаясь к данной теме в ряде своих статей, публицист констатировал первые успехи этого нового (деполитизированного) варианта «хождения в народ». А именно: переход вопроса об «обращении интеллигентных сил на непосредственное служение интересам народной массы» из области теории на почву практического разрешения[2]. Соответственно и в публицистике самого Абрамова появляется все больше статей, где он делится собственным опытом культурно-просветительской деятельности в провинции[3]. А заодно и своим далеко нелестным мнением о состоянии местного образованного общества, которое еще очень далеко от понимания своих «культурных обязанностей» по отношению к народу[4].

Возвращение в конце 1896 г. в Петербург укрепило связи Абрамова с Ф. Ф. Павленковым и послужило толчком для развития их «библиотечного» дела. Так, в «Популярно-юридической библиотеке», издаваемой с 1896 г., первые шесть номеров – это брошюры Абрамова[5]. С 1898 г. выходит «Популярная библиотека», где

в “Отечеств[енных] Записках”, а теперь печатаются в “Неделе”, “Сыне Отечества” и других столичных изданиях…». См.: Бессарабец. 1897. № 165. 2 сентября.

[1] [Воронцов В. П.] В. В. Наши направления. СПб., 1893. С. 7.

[2] [Абрамов Я. В.] Интеллигенция в деревне // Неделя. 1891. № 24. Стб. 740.

[3] Абрамов Я. На провинциальном положении // Неделя. 1890. № 33; Его же. Юридическая беспомощность // Неделя. 1893. № 12; Его же. Рост провинции // Русь. 1897. № 90. 21 апреля.

[4] Абрамов Я. Вольные врачи в деревне // Неделя. 1892. № 42; Его же. Образцовая интеллигенция. (Письмо из Ставрополя Кавказского) // Неделя. 1897. № 25.

[5] Абрамов Я. В. Наследство и раздел. СПб., 1896; Его же. Приобретение и отчуждение имущества. СПб., 1897; Его же. Аренда и наем имуществ. СПб., 1897; Его же. Заем, заклад и залог. СПб., 1898; Его же. Личный наем и служба. СПб., 1899.

Абрамову принадлежали брошюры под номерами 1, 3, 9 и 27[1]. В это же время Павленков привлекает Абрамова к написанию статей для своего «Энциклопедического словаря», который с 1899 по 1913 гг. выдержит пять изданий. К слову, в краткой справочной статье, посвященной самому Я. В. Абрамову, из его сочинений названы: «Что сделало земство и что оно делает» и… «Популярно-юридическая библиотека»[2].

Постоянное пребывание Абрамова в Петербурге способствовало восстановлению его связей с радикальными кругами российского общества. Но возможно, что они и не прерывались. Основные источники наших сведений – дело № 937 «О ставропольском мещанине Якове Васильевиче Абрамове», заведенное на него Департаментом полиции в июне 1897 г. (после поступления доносов от агентов) и еще дело № 322 – «О литераторе Якове Васильеве Абрамове», начатое в 1899 г., видимо, уже после его возвращения в Ставрополь.

Так, по сведениям Петербургского Охранного Отделения в июле 1897 г. у редактора газеты «Неделя» В. П. Гайдебурова собралось «общество», в том числе и сотрудники редакции Я. В. Абрамов, М. Б. Городецкий, М. О. Меньшиков и др. Во время разговоров о противоправительственных выступлениях массы молодежи, которые, будто бы, должны были проявиться в «грозной для правительства форме», присутствовавшие упомянули о закрытии в С.-Петербурге народовольческой типографии, причем кто-то заметил, что по слухам, в Казани готова уже новая типография. Эти неосторожные слова были встречены всеобщим молчанием, а Абрамов и Меньшиков «многозначительно переглянулись друг с другом»[3].

По тем же сведениям, Абрамов посылал свои корреспонденции в Лондон в «Фонд вольной русской прессы». А одна из его заметок («Летучий листок» № 39 за 1897 г.) начиналась так: «В “Руси”, издаваемой Гайдебуровым, вторым редактором

---

[1] Абрамов Я. В. Ибсен и Бьернсон. СПб., 1898; Его же. Два великих француза: Луи Пастер и Жан Масэ. СПб., 1898; Его же. Памяти Белинского. СПб., 1899; Его же. Певец тоски. (Гюи-де-Мопассан). СПб., 1899.

[2] Абрамов Як[ов]. Вас[ильевич] // Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. 2-е изд. СПб., 1907. Стб. 8.

[3] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 227. Д. 322. Л. 17 об. –18.

состоит [В. С.] Драгомирецкий. Он не только редактор, но и цензор газеты, его посадил туда [М. П.] Соловьев, этот полупомешанный Малюта Скуратов, которого сделали Начальником Главного Управления по делам печати. Драгомирецкий получает от Министерства Внутренних Дел 3 тысячи рублей в год. О направлении этого господина говорить нечего. В сознание российского обывателя вводятся идеалы, любезные сердцу царским холопам»[1].

В октябре 1897 г. Петербургское охранное отделение сообщило, что при наблюдении за пропагандой в среде рабочих установлено, что «приятель» Якова Абрамова – издатель и журналист Михаил Городецкий[2] написал в Вильно Хаиму Роговину, что они вместе с Абрамовым будут содействовать советами и вообще чем возможно Виленской рабочей организации. «Абрамов ведет переписку с Семеном Ратнером и дает ему указания, в каком духе следует действовать для усиленной пропаганды социализма среди рабочих, наиболее темных и безграмотных»[3].

Известно также, что в ноябре 1898 г. Абрамов в редакции газеты «Неделя» рассказывал, что на конференции в Риме по поводу анархистов решено учредить центральное международное бюро в Цюрихе. И при этом прибавил: «если правительство думает сделать секрет из конференции, то оно ошибается, все сведения будут получены повсюду, а Россия узнает одна из первых…»[4].

Приведенные нами сведения еще раз доказывают, что народник-культурник Абрамов и в 1890-е гг. принадлежал к антиправительственному лагерю и сочувствовал революционному подполью. Конечно, его оппозиционная деятельность носила «мирный» характер (хотя и была далека от современных представлений о легальной оппозиции), т.к. ограничивалась распространением некоторых радикальных идей.

---

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 227. Д. 322. Л. 18.
[2] Я. В. Абрамов и М. Б. Городецкий сотрудничали в редакции «Сына отечества».
[3] Там же; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 95. Д. 937. Л. 9.
[4] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 227. Д. 322. Л. 18 об.; Оп. 95. Д. 937. Л. 10.

Подводя итоги третьему «петербургскому» периоду жизни и деятельности Абрамова, если считать от времени его учебы в МХА, можно однозначно утверждать, что он был для публициста самым продуктивным[1], но, увы, сравнительно коротким – всего 2,5 года[2].

В конце апреля 1898 г. из-за конфликта с одним из редакторов «Сына отечества» – писателем К. М. Станюковичем, позволившим себе публичную критику народничества, Абрамов покинет эту газету. Кстати, обвинив во всем Кривенко. Якобы это он систематически «выживал» Абрамова из редакции, чуть ли не ежедневно портя его работу[3]. 4 мая 1898 г. Абрамов опубликовал в «Сыне отечества» письмо «к редактору», в котором сообщил своим читателям и корреспондентам о прекращении сотрудничества в газете (без объяснения причин).

После ухода Абрамова из «Сына отечества» и прекращения издания «Руси» у него отпала необходимость в постоянном пребывании в столице. Правда, в Ставрополь он вернется только в июне 1899 г.

На родине нашего публициста ожидало продолжение работы в городской думе, куда он был переизбран еще весной прошлого года на новое 4-х-летие (1898–1901 гг.). Но для начала ему пришлось переболеть жестокой кавказской лихорадкой, из-за которой он некоторое время не сможет писать[4].

Оправившись от болезни, Абрамов с присущей ему энергией включается в местную общественную жизнь. В письме к В. А. Крандиевскому от 9 августа 1899 г. он пишет: «В Ставрополе я опять вошел в состав Думы, записался во все общества и вообще опять, что называется, влез в жизнь. На днях добился постановления

---

[1] Только в 1897 г. Я. В. Абрамовым опубликовано 7 брошюр и около 250 журнальных и газетных статей и заметок.

[2] Интересно, что сам Я. В. Абрамов, уже после возвращения на родину, в письмах к знакомым выражал искреннее удивление, «как это меня угораздило» столько времени прожить в Петербурге. «Само собой разумеется, что я думаю уже навсегда остаться в Ставрополе, катаясь в Петербург только по делам». См.: РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 3. Д. 5. Л. 1. (Письмо к Я. Г. Гуревич от 12 августа 1899 г.).

[3] РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.

[4] Бессарабец. 1899. № 215. 25 августа. С. 2. (Разъяснение редакции по случаю «значительного перерыва» в появлении статей автора «Итоги века»).

Думы о постройке дома для школы имени Белинского. На днях же состоялась закладка здания для школы нового типа с тремя параллельными отделениями»[1]. А еще через три дня (12 августа) в письме к Я. Г. Гуревич поделится своими планами по продвижению «Популярно-юридической библиотеки» и изданию в Москве новой серии книг под названием «Географическая библиотека» [не путать с аналогичной библиотекой Ф. Ф. Павленкова. – *Е. Г.*]. «Я, – пишет Абрамов, – взял на себя редакцию всего издания» и «…сейчас работаю над первым выпуском» (из запланированных 75)[2]. И заодно расскажет о своей «усиленной» работе в интересах местного народного образования с целью устройства в Ставрополе всеобщего обучения[3]. На эту тему 30 сентября 1899 г. в ставропольском помещении кружка любителей изящных искусств им будет прочитана публичная лекция, сбор от которой поступит в пользу местной Библиотеки «в память литератора Белинского»[4].

В качестве гласного ставропольской городской думы Абрамов очень скоро зарекомендовал себя решительным противником местной губернской администрации. В письме к своей знакомой Е. Ф. Головниной от 16 февраля 1901 г. Абрамов так рассказывал о своих успехах: «Я сейчас поднял большую войну с разными мерзавцами, завладевшими нашим городом. Когда я приехал из Петербурга, я застал здесь городское управление в полном подчинении у администрации. Делалось все так, как хотелось губернатору. Грабили город без всякой пощады. Войдя в Думу, я вооружился против этого режима. Орудием для меня служили и думские заседания, где я убеждал гласных давать отпор посягательствам администрации, и печать, в которой я оглашал разные некрасивые факты. В результате получилось то, что я сделался господином положения в городском управлении, но вместе с тем вызвал против себя ненависть всех темных элементов местного общества…»[5].

---

[1] ГАРФ. Ф.102. Оп. 227. Д. 322. Л. 3.

[2] См.: Абрамов Я. В. Вселенная: попул.-астроном. очерк. СПб., 1900. Дальше издания этой книги дело не пошло.

[3] РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 3. Д. 5. Л. 1. 2–3, 4–5.

[4] Корецкий Н. По поводу лекции г. Абрамова [«Народное образование накануне XIX века»] // Северный Кавказ. 1899. № 118. 5 октября. С. 3.

[5] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 227. Д. 322. Л. 12.

Конечно, столь энергичная деятельность известного публициста не могла не вызывать беспокойства у местных властей. Местное жандармское отделение с 7 сентября 1899 г. установило за ним негласный надзор, под предлогом хранения Абрамовым книг «противоправительственного характера»[1].

В справке Департамента полиции за октябрь 1899 г. отмечалось: «Абрамов в конце июня сего года прибыл вместе с женой в г. Ставрополь и поселился в собственном доме, причем вошел в ближайшие сношения с присяжным поверенным Григорием Прозрителевым (бывший негласно-поднадзорный), редактором газеты “Северный Кавказ” [Дмитрием] Евсеевым, сотрудником той же газеты Александром Михайловым и с некоторыми учителями местных учебных заведений. Кроме того, Абрамов вошел в состав существующего в г. Ставрополе “Общества для распространения народного образования” и, в качестве домовладельца, сделался гласным Ставропольской Городской Думы». Здесь он, «по-видимому, подобрал себе партию из местных купцов, с помощью которой проводит разные вопросы городского хозяйства, причем, рассчитывая на популярность, становится в оппозицию с губернатором»[2].

Ввиду сего и губернатор Е. Н. Никифораки, которого ставропольцы до сих пор называют «блистательным»[3], и местное жандармское управление в лице ротмистра Фридрихова регулярно ходатайствуют об удалении Абрамова из города, как человека «крайне вредного» в политическом отношении. Но из-за его огромной популярности им это не удается. Например, в ноябре 1900 г. Абрамов подает заявление о сложении с себя обязанностей гласного городской думы (до окончания выборного срока). Можно сказать, идет в противостоянии с упомянутыми выше «темными элементами» ва-банк. Однако остальные гласные (ожидаемо?!) уговорят его остаться, приняв по этому поводу особое постановление. По уверению анонимного

---

[1] [«Выписка из списка лиц, сомнительных в политической благонадежности, проживающих в Ставропольской губернии». 17 декабря 1905 г.] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России. Ставрополь, 2013. С. 238.

[2] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 227. Д. 322. Л. 1 об. –2 об.

[3] Беликов Г. А. «Блистательный губернатор» [Егор Николаевич Никифораки] // Ставропольская правда. 2002. 8 февраля.

автора «Русских ведомостей», гласные поддержали Абрамова, потому что он за короткий срок сумел внести в работу городской думы «чрезвычайное оживление»[1]. И ставропольский губернатор так и не сможет доказать вышестоящим инстанциям незаконность их действий[2].

Весной 1902 г. местные жители переизбирают Абрамова в городскую думу на новый срок. И он вновь заставит говорить о себе как о самом деятельном и незаменимом работнике, инициаторе преобразований и улучшений по городскому земельному хозяйству, по народному образованию и здравоохранению. Ну а самой важной его инициативой в преддверии первой русской революции станет предложение о скорейшем введении в Ставропольской губернии земских учреждений, высказанное 15 октября 1904 г. на очередном заседании городской думы. Интересно, что новый губернатор – А. Н. Вельяминов уже не решится запретить городской думе обсуждение этого вопроса, хотя он явно выходил за пределы ее полномочий, а также привлекать к ответственности городского голову Иванова и гласного Абрамова[3].

Остается добавить, что в 1899 г. завершается издание газеты «Неделя», в которой Абрамов сотрудничал на протяжении 20 лет. В 1900 г. публицист покидает «Бессарабец», т.к. с января того же года становится постоянным сотрудником другой популярной провинциальной газеты – «Приазовский край» (Ростов-на-Дону), где за шесть с половиной лет опубликует более 700 статей, заметок и рецензий.

Итак, Я. В. Абрамов – пожалуй, самый плодовитый народнический публицист 1890-х гг. Но в историю общественной мысли он войдет как восьмидесятник, «отец» теории малых дел, хотя сам публицист если и считал себя теоретиком, то не малых дел, а великой культурной работы. Причин для этого много, но мы озвучим только самые главные.

---

[1] А. Ставрополь-Кавказский // Русские ведомости. 1901. № 23. 23 января.

[2] [«Журнал заседания Ставропольской городской думы по заявлению Я. В. Абрамова о сложении с себя обязанностей гласного думы». 22 февраля 1901 г.] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память. С. 231–234.

[3] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 1350. Л. 1, 4.

Во-первых, уехав в 1890 г. из Петербурга, Абрамов как бы выпал из обоймы ведущих народников-культурников. А попытка вернуться в нее в середине 1890-х гг. окончилась неудачей. Не случайно об Абрамове как идеологе правого народничества историки заговорили только в середине XX в. и прежде всего, как о теоретике «малых дел» 1880-х гг.

Во-вторых, на восприятие идейного наследия Абрамова, несомненно, повлияла сложившаяся еще на рубеже XIX–XX вв. традиция интерпретации его взглядов как порождения реакции 1880-х гг., а не результат поступательного развития культурно-народнической мысли, эволюция которой продолжилась и в 1890-е гг.

И, в-третьих, идеи Абрамова были наиболее востребованы во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг., а в дальнейшем, вместе с политизацией общественного движения, постепенно утрачивают свою популярность, как и идеология всего умеренно правого народничества.

В то же время, отстаивая и развивая идею преодоления социокультурного разрыва между центром и провинцией, городом и деревней, интеллигенцией и народом, Абрамов фактически готовил почву для предстоящих общественных преобразований. В 1905 г. он справедливо укажет на то, что активные выступления масс на стороне противников существующего политического строя были бы невозможны без многолетней культурно-просветительской деятельности в народе демократической интеллигенции.

3.3. «Геройство и безделье»: критика Я. В. Абрамовым «философии» противников «малых дел»

Последнее десятилетие XIX в. вошло в историю общественной мысли России как время обострения споров между «политиками» и «культурниками» о значении для развития страны так называемых «малых дел», т.е. культурно-просветительской деятельности интеллигенции. Одним из активных участников этой полемики был Я. В. Абрамов, который еще с середины 1880-х гг. призывал представителей

интеллигентных профессий (учителей, врачей, агрономов и т.д.) к переселению в деревню[1].

В исторической литературе развитие взглядов Якова Абрамова на задачи «культурной работы» в 90-е гг. XIX в., в том числе в ответ на критику «малых дел», еще не стало предметом специального исследования. В данной параграфе мы попытаемся восполнить этот пробел, опираясь на статьи Абрамова в газетах «Неделя» и «Русь» и в журнале «Книжки “Недели”», а также на труды других участников полемики середины 1890-х гг. о значении «малых» дел.

Я. В. Абрамов покинул С.-Петербург в мае 1890 г., как напишет впоследствии, «ради культурной работы» в «глухом углу» – на своей малой родине, в Ставрополе-Кавказском[2]. В первые годы его основным занятием на ниве общественного служения станет отстаивание прав местных жителей в качестве их «подпольного» адвоката, а лучшим признанием заслуг – избрание в 1894 г. гласным городской думы.

Новые обязанности не могли не отразиться на литературной деятельности Абрамова – самого любимого его занятия. Все 1890-е гг. публицист продолжал сотрудничество в столичной «Неделе», правда, уже на положении ее провинциального корреспондента. Количество статей по общероссийской тематике резко сократилось. Однако идея перемещения интеллигенции в провинцию не была забыта. Возвращаясь к данной теме в ряде своих статей, публицист констатировал первые успехи этого нового (деполитизированного) варианта «хождения в народ». А именно: переход вопроса об «обращении интеллигентных сил на непосредственное служение интересам народной массы» из области теории на почву практического разрешения[3].

В 1894 г. русское легальное народничества окончательно раскалывается на левое и правое крыло. Сторонников политической борьбы с самодержавием возглавил тогдашний «властитель дум» Н. К. Михайловский, а их оппонентов –

---

[1] Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4.
[2] Абрамов Я. Геройство и безделье // Неделя. 1894. № 37. Стб. 1179.
[3] [Абрамов Я. В.] Интеллигенция в деревне // Неделя. 1891. № 24. Стб. 740.

С. Н. Кривенко. Долгое время они были лучшими друзьями, а расстались из-за резко обострившихся идейных разногласий относительно задач русской интеллигенции на фоне быстрой политизации общественного движения после голода 1891–1892 гг. и воцарения «слабохарактерного» Николая II. Причем камнем преткновения стал вопрос о «малых делах». В одном из писем к старому товарищу Кривенко признается ему в том, что является убежденным сторонником активной деятельности, хотя бы и «маленькой», т.к. она гораздо лучше бездействия, порождающего в обществе апатию и равнодушие к положению народа[1]. По мнению же Михайловского, увлечение культурно-просветительской деятельностью отвлекало интеллигенцию от действительно важных «больших дел» – борьбы за расширение политических прав и свобод.

Оставив Михайловскому «Русское богатство», Кривенко осенью 1895 г. собрал своих сторонников в журнале «Новое слово». В их числе оказался и Абрамов, в это время находящийся в Петербурге. В новом детище Кривенко он будет вести отдел «Земства и города», посвятив его проблемам развития общественного самоуправления после «контрреформ» Александра III.

Можно подумать, что причины сближения Абрамова с фракцией Кривенко – это его благожелательное отношение к «малым делам». Но это не совсем так. Дело в том, что Абрамов никогда не считал себя проповедником «малых дел». Слава создателя теории, отражающей идеологию «мещанства», была нарочно приписана ему Н. В. Шелгуновым, чтобы ослабить влияние ведущего публициста «Недели» на «идейную» интеллигенцию. Да, Абрамов действительно сочувствовал «маленьким» и «незаметным» общественным деятелям, но искренне полагал, что их деятельность в деревне – это не пресловутые «малые дела» (по мнению публициста, этот уничижительный термин могли придумать только их противники), а «великая культурная работа»[2].

---

[1] Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 234.

[2] Абрамов Я. Малые и великие дела // Книжки «Недели». 1896. № 7. С. 214–215.

И Абрамов, и Кривенко принадлежали к правому (более консервативному) крылу легального народничества, сохранявшему верность принципу «все для народа и через народ». В начале XX в. его назовут «культурным народничеством» (в отличие от левого – «политического»), т.к. ключевая задача сторонников социальной концепции общественных преобразований – это «умственный подъем массы», т.е. развитие самосознания народа с целью превращение его в новую социокультурную силу, способную направить развитие страны по пути общественного прогресса[1].

Собственно, нападки на сторонников «малых дел» начались еще на рубеже 1880/90-х гг. в статьях Шелгунова. Против «почтенной» деятельности земских служащих и «культурных одиночек» он, конечно, ничего не имел. Это был протест против попыток Абрамова придать «малым» делам самодовлеющее значение, т.е. сделать их «делом всех»[2]. Но тогда Абрамов не стал разъяснять свою позицию, посчитав критику Шелгунова необоснованной. К вопросу о важности для народа и самой интеллигенции пусть «маленького», но практически полезного дела он еще вернется, но по другому поводу.

В 1895 г. либеральный публицист «Исторического вестника» Р. И. Сементковский в статье «Общественные мотивы современных беллетристик» выразит недоумение по поводу непонимания некоторыми писателями и общественными деятелями истинной роли малых дел, как одной из форм сближения интеллигенции с народом. «Маленькие дела» могут дать великие результаты, например, искоренить народное невежество, если только делать их «сознательно, честно и дружно»[3]. А вот широкие законодательные реформы, напишет он в другой своей статье – «Культура и подвижничество», напротив, сами по себе еще ни к чему не приведут, если не будут идти рука об руку с главным источником культурных успехов – сознательной деятельностью народа и общества в области своего благосостояния[4].

---

[1] [Воронцов В. П.] В. В. Наши направления. СПб., 1893. С. 7.
[2] [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1891. № 4. С. 186–187.
[3] Сементковский Р. И. Общественные мотивы современных беллетристик // Исторический вестник. 1895. № 3. С. 812.
[4] Сементковский Р. И. Культура и подвижничество // Исторический вестник. 1895. № 6. С. 790.

Статьи Сементковского, направленные против тех, кто «увлечение» «широкими задачами» ставил выше, хотя и скромного, но практически полезного дела (явный выпад в сторону Н. К. Михайловского), тут же вызвали ответную реакцию «Русского богатства». Один из публицистов журнала – П. Н. Обнинский резонно заметит, что «маленькие дела», несомненно, ведут к великим результатам, но лишь там, где созданы «великие условия» для их «полного, беспрепятственного и благодатного развития». В противном случае все эти по-человечески симпатичные и благородные начинания «незаметных героев» будут обречены на неудачу[1]. Однако призыв публициста сидеть у моря и ждать погоды, чтобы «не попасть на мель и совсем не потонуть», только подтверждал тезис его оппонентов, о том, что критика «малых дел» препятствует дальнейшему развитию русской общественности.

К середине 1890-х гг. споры вокруг «малых дел» стали настолько популярны, что нашли отражение в художественной литературе. В том же 1895 г. А. П. Чехов пишет рассказ «Дом с мезонином», герои которого – столичный художник и земская учительница Лидия Волчанинова спорят о том, что важнее: освобождение крестьян от непосильного труда или открытие для них новых медицинских пунктов, школ и библиотек. В 1896 г. рассказ был опубликован в Русской мысли», вызвав неоднозначные отклики в печати. Причем в центре внимания критиков оказался именно идейный конфликт учительницы и художника.

Данный рассказ заинтересовал и Я. В. Абрамова, который посвятил анализу философии «гонителя малых дел» отдельную статью – «Малые и великие дела». Здесь же изложено и его собственное понимание того, как эти дела соотносятся между собой.

Начнем с того, что, даже Абрамов признает, что эта философия представлена в рассказе в несколько окарикатуренном виде, т.к. основана на полном отрицании очевидных вещей: необходимости удовлетворения «реальнейших» нужд народа (в

[1] Обнинский П. Н. Из области современной этики. «Маленькие дела» // Русское богатство. 1895. № 10. С. 23, 25.

медицинской помощи, грамотности и т.п.)[1]. Ни Шелгунов, ни Обнинский, как известно, ничего подобного не писали.

А что же нужно делать? В данный момент ничего («пусть земля провалиться в тартарары»). В идеале нужно освободить народ от тяжелого физического труда (как первопричины народных страданий, невежества и болезней), т.е. изменить условия его существования. А все эти библиотечки и аптечки служат только порабощению народа, привязывая его к старому порядку. Есть у чеховского художника и ответ на вопрос как действительно изменить положение народа. Надо взять на себя часть его труда[2].

По Абрамову – все это чистейшая утопия, т.к. при $^{9}/_{10}$ занятых в России физическим трудом, уменьшение его на одну десятую «еще не Бог знает какое облегчение»[3]. На самом деле идея приобщения интеллигенции к земледельческому труду имела немало поклонников среди народников. Взять, к примеру, А. Н. Энгельгардта или С. Н. Кривенко. И даже в 1890-е гг. она не утратила свою популярность[4].

То же самое относится и к тезису о невозможности реального улучшения положения народа при существующих общественных условиях. Некоторые современные исследователи, как и чеховский художник, считают, что программа сторонников «малых дел» – это паллиативы, попытка приспособить население к условиям развивающегося в стране капитализма, т.е. по - сути примирение с действительностью, тогда как сторонники «больших дел» пытались ее изменить[5].

Для подвижницы Лиды доводы художника ничего не значат. Это все пустые отговорки, призванные обосновать его философию «полного ничегонеделания». Девушка убеждена в обратном: «нельзя сидеть сложа руки»[6].

---

[1] Абрамов Я. Малые и великие дела. С. 220.
[2] Чехов Антон. Дом с мезонином. (Рассказ художника) // Русская мысль. – 1896. № 4. С. 11.
[3] Абрамов Я. Малые и великие дела. С. 225.
[4] Гордеева И. А. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. М., 2003. С. 27, 37, 47.
[5] Зверев В. В. Русское народничество: учебное пособие. М., 2009. С. 276–277.
[6] Чехов Антон. Дом с мезонином. (Рассказ художника). С. 11.

«Философия» Лиды – это другая крайность. Образно говоря, это философия одиноко горящей свечи. На возражение художника, что ее деятельность не способна охватить все население уезда, как свеча ее дома осветить весь их сад, она отвечает: пусть так. Лучше зажечь одну свечу, чем сотни раз проклинать тьму. Для противников «малых дел» такая позиция – лучшее доказательство того, что перед нами типичный идеал «мещанского счастья». Человек должен сам зарабатывать свой хлеб, чтобы совесть его была спокойна.

Разумеется, Абрамов пытается доказать, что это не так и Лида – это тот самый тип культурного работника, который больше всего нужен России. Логика его рассуждений кажется парадоксальной: противники «малых дел» не знают, что то, о чем они только мечтают, такие люди как Лида уже давно пытаются воплотить в реальной жизни. «Во всех углах России идет тихая, малозаметная…. культурная работа», которая, по словам Абрамова, как раз и призвана облегчить труд народа «путем технического улучшения его приемов», что невозможно без устройства школ и библиотек и распространения книг[1].

Иными словами, у сторонников «больших» и «малых» дел были общие цели, а значит, нет оснований для противопоставления их друг другу. Абрамов справедливо указывает на то, что все так называемые «большие» дела состоят из «малых». Кроме того, отказаться от «малых дел» означало бы оставить народ без практической помощи в его повседневной борьбе за существование.

Какие еще аргументы приводит Абрамов в защиту «малых дел», а точнее «культурной работы»? Прежде всего, это возможность заниматься данной деятельностью при любом политическом режиме. Это несомненные преимущества мирного пути развития общества (для нашего публициста – это аксиома). И, конечно, это опыт других народов, уже продемонстрировавших особую роль самодеятельности населения в культурном развитии страны (царская власть не случайно отдала дело подъема провинции на откуп местному самоуправлению)[2].

---

[1] Абрамов Я. Малые и великие дела // Книжки «Недели». 1896. № 7. С. 226.
[2] Там же; Его же. Тяготение к земле. Стб. 501.

В 1890-е гг. учение Абрамова о «великой культурной работе» сложилось в своем окончательном виде. Ее декларируемая цель – преодоление социокультурного раскола между городом и деревней (центром и провинцией) путем приобщения народа к достижениям современной культуры и цивилизации. Отсутствие у основной массы народа стремления к коренным изменениям своей жизни и быта, косность и консерватизм его мышления – это главные, с точки зрения Абрамова, препятствия на пути развития страны. Ее движущие силы: совместные усилия власти, общества и самих народных масс. Ключ к успеху: систематичность и повсеместность культурно-просветительской деятельности, масштабы и значение которой прямо пропорциональны числу ее участников[1].

«Борьба за прогресс, – замечает Абрамов в одной из своих статей, – есть прежде всего борьба с инертной частью общества, которой нет интереса стремиться к этому прогрессу и которая мешает его ходу именно своей инертностью»[2]. Эти рассуждения, адресованные представителям той части русской интеллигенции, которая оправдывала свое бездействие отсутствием надлежащих внешних условий, сближают Абрамова с другим идеологом культурного народничества – Кривенко. Он тоже обращал внимание на то, что пассивные элементы вовсе не остаются в безразличной роли, а увеличивают движение в преобладающем направлении (как вперед, так и назад)[3]. Однако в отличие от теории «органической культурной работы» Кривенко, призванной объединить усилия сторонников «малых» и «больших» дел, Абрамов все 1890-е гг. твердо стоял на позициях аполитизма, как необходимого условия для примирения власти и так называемого передового общества в интересах основного населения страны.

Конечно, эта позиция Абрамова была небезупречна. Как правило, его обвиняли: 1) в прославлении «маленьких героев» и игнорировании тяжелых условий их

---

[1] Абрамов Я. Малые и великие дела; Его же. Великая работа // Русь. 1897. № 70. 30 марта.
[2] Абрамов Я. Личность в истории // Книжки «Недели». 1896. № 5. С. 174.
[3] Кривенко С. По поводу культурных одиночек // Русское богатство. 1893. № 12. С. 173, 174.

работы, 2) в идеализации культурно-просветительской деятельности интеллигенции, когда, например, успехи отдельных земств преподносились как общая тенденция в их развитии; 3) в забвении «идей высшего порядка» в угоду практицизму[1].

На некоторые выпады оппонентов Абрамову приходилось отвечать, хотя он прекрасно понимал, что оправдываются лишь те, кто чувствует за собой вину. Например, в 1897 г. в статье «Старые нападки» он напишет, что никогда не отрицал значение внешних условий общественной деятельности. Более того, добрая половина его статей как раз и была посвящена выяснению ненормальности тех условий, при которых работают люди, «отдающиеся делу подъема умственного, нравственного, общественного и материального уровня народа»[2]. Справедливость этих слов подтверждается статьей Абрамова «Помощь или обуза», за публикацию которой в том же 1897 г. газета «Русь» получила от Петербургского цензурного комитета 2-е предостережение.

К сожалению, на программу общественных преобразований Абрамова критика со стороны его идейных противников никак не повлияла. Только после начала революции 1905 г. публицист в первый раз за долгие годы признает, что главная задача текущего момента – это не практическая работа, а совершенствование общественных условий.

В мае 1898 г. по не совсем понятным причинам Абрамов выходит из «Сына отечества», а еще через год возвращается в Ставрополь. Большинство исследователей считает, что все дело в идейных разногласиях внутри культурного народничества. В отличие от Кривенко и его ближайшего окружения Абрамов – это «неделист», т.е. представитель крайне правого народничества. Все-таки в защиту «малых дел» он выступал на страницах «Книжек “Недели”». Однако ставить во главу угла аполитизм публициста не совсем корректно. Если следовать типологии культурного народничества Г. Н. Мокшина, Абрамов, хоть и сотрудничал в «Неделе»

[1] Н. К. Из Владимирской губ. (К характеристике современных земств) // Новое слово. 1896. № 10. С. 163–164; Абрамов Я. Старые нападки // Русь. 1897. № 121. 22 мая; [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1891. № 4. С. 186–187.
[2] Абрамов Я. Старые нападки // Русь. 1897. № 121. 22 мая.

(больше чем в других изданиях), был гораздо ближе к С. Н. Кривенко, чем к И. И. Каблицу[1]. Кроме того, анализ переписки Абрамова с Кривенко показывает, что на их разрыв гораздо больше повлияли обстоятельства личного характера. В частности, Абрамов был недоволен тем, как Кривенко ведет газету (не выполняет данных ему, как редактору внутреннего отдела, обещаний)[2]. Кстати, сам Кривенко был против ухода Абрамова из «Сына отечества».

Итак, все 1890-е гг. Я. В. Абрамов пытался доказать, что для подъема русской жизни нужны не «герои», мечтающие о ее коренных преобразованиях и откладывающих «на потом» заботу о действительных нуждах народа, а простые интеллигентные труженики – «люди дела» (народные учителя, врачи, агрономы и т.п.). Однако в конечном итоге одним из символов перерождения народнического движения оказался именно он, а не сторонники Н. В. Шелгунова и Н. К. Михайловского. Возможно все дело в переезде публициста из столицы в провинцию, где его голос звучал уже не так громко. Но скорее всего это общая участь всех идеологов культурного народничества, которые не смогли предложить радикальной интеллигенции адекватную ее взглядам программу общественных преобразований. Неслучайно если потом об Абрамове и будут вспоминать, то не о его учении о «великой культурной работе», а в связи с критикой «абрамовщины», которая на долгие годы станет вторым названием теории «малых дел».

3.4. Я. В. Абрамов как популяризатор внешкольного (частного) образования в России

Еще современники называли Я. В. Абрамова «летописцем» воскресных школ[3].

---

[1] Мокшин Г. Н. Типология течений культурного народничества // Вестник Омского ун-та. Сер. Исторические науки. 2020. Т. 7, № 4 (28).

[2] РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 5–6, 11.

[3] См.: Библиография: Я. В. Абрамов. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще. 2-е дополн. изд. Ставрополь, 1894 // Северный вестник. 1895. № 2. С. 53. Речь идет не о православных воскресных школах, а о воскресной школе как форме внешкольного образования.

Этой теме он посвятил более двух десятков публикаций, включая книгу «Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее» (СПб., 1900).

Воскресных общеобразовательных школ для детей и взрослых в России в то время было не менее трехсот. Но есть среди них одна, за успехами которой Абрамов следил на протяжении 15 лет. Это была Харьковская частная женская школа Х. Д. Алчевской.

Первую статью о харьковской школе Абрамов написал в 1888 г.[1]. Потом последовало личное знакомство публициста с Алчевской. В начале 1889 г. она приезжала в Петербург для издания второго тома библиографического указателя «Что читать народу?», составленного учителями ее школы. В том же году в Париже в рамках Всемирной выставки состоялся I Международный конгресс по призрению и благотворительности. Для презентации на нем педагогической деятельности харьковчан Абрамов подготовил брошюру на французском языке «Воскресная школа для женщин в Харькове и книга “Что читать народу?”[2]. Судя по воспоминаниям Алчевской, эта «живо и интересно» написанная брошюра произвела на участников выставки должное (а на кого-то даже восторженное) впечатление[3].

В 1890, 1894, 1896 и 1897 гг. Абрамов переиздает свою брошюру на русском языке, постепенно увеличив ее объем с 57 до 123 стр.[4] Например, со второго издания в ней появляется подробное описание личного посещения Абрамовым школы Алчевской в апреле 1893 г. На тот момент в школе обучалось 550 учениц разного возраста, занятия с которыми вели более 100 учительниц. А общим итогом стала отдельная глава в упомянутой выше книге «Наши воскресные школы»[5].

---

[1] Абрамов Я. Частная женская воскресная школа в Харькове // Северный вестник. 1888. № 8.

[2] Abramov Ja. L'école du dimanche pour les femmes à Kharkov et le livre «Que faut-il dormer à lire au peuple?». Kharkov, 1889.

[3] Алчевская Х. Д. Передуманное и пережитое: Дневники, письма, воспоминания. М., 1912. С. 305, 339, 340, 344, 382.

[4] Абрамов Я. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще. 3-е изд. М., 1896.

[5] Абрамов Я. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. СПб., 1900. С. 116–239. (Глава III. «Харьковская частная женская воскресная школа»).

Надо заметить, что Алчевская тоже участвовала в распространении своего педагогического опыта. В личной переписке с Абрамовым она регулярно знакомила его со всеми мало-мальски выдающимися явлениями в жизни своей школы, а также сообщала ему о других лицах, желающих открыть новые воскресные школы. По свидетельству публициста, эта переписка давала ему богатый материал для его статей в журнале «Русская школа»[1]. Как известно, с 1890 г. Абрамов вел в нем рубрики «Очерки частной инициативы в деле народного образования» и «Хронику народного образования».

Собранные Абрамовым материалы о Харьковской воскресной школах неоднократно привлекали внимания исследователей. Однако вопрос о вкладе Абрамова в изучение ее истории до сих пор остается открытым. Многие «узкие» специалисты по данной теме, такие как М. И. Мухин, считают публициста скорее ее популяризатором, чем глубоким исследователем, т.к. в его трудах отсутствуют «необходимые» обобщения и выводы[2]. Другие, вслед за историком правого народничества В. В. Зверевым, наоборот, ставят в заслугу Абрамову наличие в его статьях и брошюрах о воскресных школах развернутых характеристик и широких обобщений[3].

Прежде всего, нам следует разобраться с причинами устойчивого интереса Абрамова к деятельности именно Харьковской воскресной школы.

Абрамов, будучи идеологом культурного народничества, отстаивал идею просвещения народа, опираясь не только на государство и органы местного самоуправления, но и на частную инициативу либерально-демократической интеллигенции, точнее частных лиц и обществ грамотности. «Горе, по-видимому в том, – писал публицист в одной из своих брошюр, – что у нас ощущается недостаток людей инициативы, которые начали бы дело; а раз начатое дело собирает уже деятелей»[4]. Однако для успешного продвижения данной идеи нужны были примеры для

[1] Абрамов Я. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще. С. 5.
[2] Мухин М. И. Воскресная школа Х. Д. Алчевской и ее роль в становлении образования взрослых (1862–1919 гг.): автореф. дис. … канд. пед. наук. Киев, 1977. С. 5.
[3] Зверев В. В. Я. В. Абрамов и воскресные школы // НаукаПарк. 2016. № 8. С. 34–35.
[4] Абрамов Я. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще. С. 55.

подражания. Одним из них с конца 1880-х гг. стала частная женская воскресная школа Х. Д. Алчевской.

Известный педагог и просветитель Х. Д. Алчевская происходила из семьи учителя уездного училища Черниговской губернии, между прочим, убежденного противника женского образования. Осваивать гимназический курс ей пришлось самостоятельно, по учебникам своих братьев. В 1862 г. Христиана Даниловна вышла замуж за удачливого предпринимателя, разделявшего ее убеждения в необходимости обучения женщин грамоте, и в том же году основала в Харькове частную воскресную школу. До 1870 г. она действовала нелегально, на дому у Алчевской, т.к. та не имела права на преподавание. Но потом она получила официальное разрешение, привлекла к преподаванию своих детей, студентов и даже профессоров и дела школы быстро пошли в гору[1].

Таким образом, Яков Абрамов, как и большинство его читателей, узнал о школе Алчевской и ее уникальном педагогическом опыте, когда она уже отработала 18 лет (с 1870 г.) и выпустила не одну тысячу учениц, главным образом работниц и служанок от 10 до 15 лет.

Школа Алчевской давала женщинам бесплатное (!) начальное образование, потому что не имела расходов на помещение и вознаграждение преподавательского труда. Как пишет Абрамов, «лица, преподающие в харьковской школе, работают исключительно из любви к делу»[2]. А все текущие нужды школы удовлетворялись процентом с собственного капитала, состоящего из пожертвований частных лиц. О постоянных финансовых вливаниях в школу со стороны мужа Алчевской Абрамов или ничего не знал, или предусмотрительно умалчивал. Кстати, с 1896 г. это была единственная воскресная школа в России, которая имела свое собственное здание.

В чем же состоял секрет небывалого успеха воскресной женской школы Алчевской, делающий ее, по словам Абрамова, единственной в своем роде?

---

[1] Осьмакова Н. И. Алчевская Х. Д. // Русские писатели. 1800–1917. Т. 1. М., 1989. С. 52.
[2] Абрамов Я. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще. С. 24.

Во-первых, это умелая организация учебного процесса в купе с оригинальной методикой работы с взрослыми учениками. Во-вторых, это неразрывная связь просвещения с нравственным воспитанием учащихся, приучение учениц к ведению школьных дневников, способствующих развитию у них саморефлексии и т.п. В-третьих, наличие школьной библиотеки и специальных пособий, того же каталога «Что читать народу?», призванных дать ученикам не только основы грамоты, но и приучить их к самообразованию[1]. И, конечно же, это огромная любовь к ученикам, как к членам одной большой и дружной семьи, и сознание своего неоплатного долга перед народом (отсюда и отказ учителей от вознаграждения за свою работу). По понятным причинам, Абрамов делает основной акцент именно на этом пункте[2].

Зимой 1895/96 г. Абрамов принял участие в работе 2-го съезда деятелей по техническому и профессиональному образованию, который проходил в Москве. Здесь на заседании секции «Общих вопросов» он сделал доклад о нуждах воскресных школ, которые, по мнению публициста, препятствовали их более широкому распространению. Это были: недостаток помещений, стесненность программ курсом начальной школы и сравнительно небольшое количество книг в библиотеках воскресных школ[3]. По итогам выступления Абрамова, а так же Алчевской[4] и еще пяти участников съезда, секция ходатайствовала о содействии открытию воскресных школ с программами двухклассных сельских школ министерства народного просвещения, об обеспечении этих школ бесплатным помещением, и о допущении в их библиотеки всех книг, дозволенных для народных читален. Сверх того было высказано пожелание о том, чтобы воскресные школы, как частные учебные заведения, руководствовались в своей деятельности программами, составляемыми их

[1] Абрамов Я. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. С. 125–127.
[2] Абрамов Я. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. С. 130, 155.
[3] Наши воскресные школы и их нужды: доклад Я. Абрамова. М., [1896]. С. 10–13. См. также статью Я. В. Абрамова под тем же названием в журнале «Русская школа» (1896. № 4).
[4] Х. Д. Алчевская сделала доклад на тему: «О первой книге для классного чтения взрослых». См.: Абрамов Я. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. С. 313.

учредителями, а не каким-то шаблоном[1]. Как видно, в основе постановления съезда о воскресных школах лежал доклад Абрамова.

В 1898 г. Абрамов на страницах «Русской школы» занялся более подробной разработкой истории становления и современного состояния внешкольного образования[2].

Ранее публицист уже касался данного вопроса в очерке «Воскресные школы», но без деления на этапы и анализа их содержания[3].

Историю воскресных школ публицист начинает с 1859 г.[4] и выделяет в ней три этапа:

1) 1859–1862 гг. – их зарождение под влиянием идеи освобождения народа и необходимости его просвещения;

2) 1862–1888 гг. – возрождение воскресных школ (после повсеместного закрытия в 1862 г. по политическим мотивам) вместе с постепенным осознанием интеллигенцией потребности народа в данных учебных заведениях;

3) 1888–1899 гг. – новый подъем движения за устройство воскресных школ под влиянием сведений в печати об успехах Харьковской школы Алчевской.

Для современных историков подход Абрамова не вполне научный, т.к. в его основе лежит не анализ политики правительства в области народного просвещения, а изменение отношения интеллигенции к своим обязанностям перед народом. Но для Абрамова, как популяризатора внешкольного образования, внешние условия для культурно-просветительской деятельности интеллигенции не имели решающего значения.

---

[1] Абрамов Я. Народное образование на 2-м съезде деятелей по техническому образованию // Новое слово. 1896. № 5. С. 218.

[2] См.: Абрамов Я. Первые воскресные школы в России // Русская школа. 1898. № 9–12; Его же. Возрождение воскресных школ. (Воскресные школы в период 1862–1888 гг.) // Русская школа. 1899. № 1, 2; Его же. Новейший период истории воскресных школ (1888–1899 гг.) // Русская школа. 1899. № 10–12.

[3] Абрамов Я. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще. Глава II. С. 56–89.

[4] Первая светская воскресная школа была открыта в Киеве 11 октября 1859 г. «незабвенным» Н. И. Пироговым. См.: Абрамов Я. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. С. 12.

«…Частная инициатива, – по словам публициста, – взялась за дело воскресных школ не сразу, а лишь медленно, постепенно подходила к нему». Дело в том, что «в 70-е, а в значительной мере и в 80-е годы наше общество далеко не придавало народному просвещению такого первенствующего, всеобъемлющего значения, какое ему стало придаваться в 90-е годы». «Для многих, – продолжает рассуждать Абрамов, – работа в области народного просвещения казалась даже совсем пустым делом, своего рода самообманом, закрыванием глаз на “настоящее дело”. Люди мечтали о том, как сразу прыгнуть в золотой век, без медленной, кропотливой культурной работы, которая должна вестись всюду и везде, вплоть до последнего захолустного уголка»[1].

Заметим, что именно эта цитата больше всего задела идейных противников культурнической программы Абрамова, поспешивших упрекнуть публициста в том, что он слишком легко и просто разделывается с общественными теориями 1870-х гг., явно упрощая их содержание[2]. А между тем, собранный Абрамовым материал убедительно доказывает, что развитие воскресных школ зависело не от отдельных личностей, «но от общего подъема нашей общественной жизни», в том числе и под влиянием теорий левого народничества[3].

Наиболее спорный пункт в рассматриваемой периодизации истории воскресных школ – это содержание второго периода. Так, по Абрамову 1862–1888 гг. – это время «возрождения» данных школ, получивших законодательную базу. Хотя по факту – это их упадок, т.к. к 1888 г. их насчитывалось не более 16[4]. И, как утверждал М. Бернацкий, большинство из них было открыто городскими управлениями, а не по частной инициативе[5].

---

[1] Абрамов Я. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. С. 97–98.
[2] [Бернацкий М. В.] М. Б. Я. В. Абрамов. «Наши воскресные школы». Их прошлое и настоящее. СПб., 1890 г. // Мир Божий. 1900. № 10. С. 86.
[3] Богданов Ал. Я. В. Абрамов. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. Петербург, 1900 г. // Жизнь. 1900. № 6. С. 355.
[4] Абрамов Я. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. С. 16.
[5] [Бернацкий М. В.] М. Б. Я. В. Абрамов. «Наши воскресные школы». Их прошлое и настоящее. СПб., 1890 г. С. 84.

Дальнейшее развитие народного образования Яков Абрамов связывал с расширением числа именно воскресных школ. Интересно почему?

По убеждению народника-культурника, в деле образования взрослого населения России воскресные школы пользовались несомненными преимуществами. Прежде всего, это возможность учебы в свободное от работы время. Для представителей низших сословий данный пункт был самым важным. Далее по порядку шли: бесплатность занятий, «даровой труд» преподавателей и незначительность расходов на содержание помещений для занятий. Все это позволило Абрамову сделать смелое предположение о том, что «вскоре вся Россия будет покрыта воскресными школами, в которых русская интеллигенция бескорыстно будет работать над просвещением народной массы»[1]. Кстати, современные исследователи добавляют к этим преимуществам доступность воскресных школ для всех желающих без различия религии, сословия, национальности и возраста, который мог колебаться от 6 до 50 лет[2].

В своих оценках потенциала частного внешкольного образования Я. В. Абрамов был далеко не одинок. В 1895 г. другой известный народник-культурник А. С. Пругавин посвятил этому вопросу отдельный очерк «Частная инициатива в деле народного образования (к вопросу о расплате с народом)»[3]. Но нас в данном случае больше интересует возражение А. Н. Пыпина на 1-е издание книги Пругавина в 1890 г., в котором известный либеральный публицист заподозрил народников-культурников в том, что дело народного образования они пытаются возложить на плечи русской интеллигенции[4]. Отвечая на это обвинение, Пругавин по-своему справедливо заметит, что в России дело начального образования находится «в полном загоне и пренебрежении», т.к. государство больше заботится не о развитии этого дела, а о «контроле и надзоре» за ним, тратя на содержание школ и библиотек

---

[1] Абрамов Я. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее. С. 345.
[2] Поздняков А. Н. Воскресные школы в России XIX века как опыт общественно-педагогического движения // Образование в современном мире: сб. науч. ст. Саратов, 2004. С. 84.
[3] Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд. СПб., 1895.
[4] Пыпин А. Народная грамотность // Вестник Европы. 1891. № 1. С. 279.

лишь «жалкие крохи». Поэтому именно в России необходимость в широком развитии частной инициативы в области народного образования является «неотложной»[1].

Деятельность Абрамова по распространению передового опыта частных воскресных школ, как правило, получала положительные отклики со стороны его коллег[2].

Но были и критики. Мы имеем в виду уже упомянутую выше рецензию М. В. Бернацкого на книгу Абрамова «Наши воскресные школы». По мнению рецензента, в ней много «неуместных» экскурсий в область публицистики. Это, прежде всего, попытки объяснить снижение числа воскресных школ в 1880-е гг. недооценкой роли в истории «нравственно развитой личности» (т.е. частной инициативы) со стороны противников медленной и кропотливой «культурной работы». Кроме того, возобновление движения по открытию воскресных школ в 1888 г. Абрамов объясняет распространением в обществе сведений о Харьковской воскресной школе, после появления своей статьи в «Северном вестнике», явно недооценивая роль двух других воскресных школ в Петербурге по Шлиссельбургскому тракту и в Тифлисе (по мнению рецензента, только потому, что Абрамов о них ничего не писал)[3].

Итак, каков же вклад Абрамова в изучение и популяризацию внешкольного образования?

В своих брошюрах, посвященных Харьковской воскресной школы, Абрамов дал первое и наиболее подробное описание истории ее становления и развития в 60–90-е гг. XIX в. А акцент на пропаганде передового опыта харьковчан действительно способствовало привлечению внимания к нему со стороны интеллигенции

---

[1] Пругавин А. С. Указ. соч. С. XV.

[2] См.: Рубакин Н. А. Заметки по литературе о народе [Я. Абрамов. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще. Харьков, 1890] // Русское богатство. 1890. № 10; Библиография: Я. В. Абрамов. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще. 2-е дополн. изд. Ставрополь, 1894 // Северный вестник. 1895. № 2. С. 53–54; Богданов Ал. Указ. соч. С. 355.

[3] [Бернацкий М. В.] М. Б. Я. В. Абрамов. «Наши воскресные школы». Их прошлое и настоящее. СПб., 1890 г. С. 83–86.

и со временем частная школа Алчевской стала настоящим учебно-методическим центром, где разрабатывались самые передовые подходы и методики обучения и духовно-нравственного воспитания взрослого населения. Однако отсчитывать новейший период в истории воскресных школ с публикации в 1888 г. статьи Абрамова о Харьковской воскресной школе – это явное преувеличение. По крайней мере, никто из современных исследователей этого не делает.

Как популяризатор внешкольного (частного) образования в России – Абрамов выше всех похвал. В тоже время надежды Абрамова на то, что в деле народного просвещения будущее будет за бесплатными общеобразовательными воскресными школами, увы, не оправдались, ибо для всеобщего искоренения неграмотности одной филантропии (частной инициативы интеллигенции) оказалось явно недостаточно. Для этого нужна была целенаправленная поддержка со стороны государства (как в 1920–1930-е гг.). Кроме того, почти все светские воскресные школы прекратили свое существование к концу первого десятилетия XX в. из-за своей политической неблагонадежности[1].

3.5. Я. В. Абрамов в годы первой русской революции

Об общественной деятельности Абрамова в 1905 г., когда он стал чуть ли не главным трибуном местного общества, критиковавшим «все и всех», довольно подробно написано в исследованиях ставропольских историков С. Я. Новака, Э. В. Кемпинского и Н. Д. Судавцова. В основном они опирались на его речи и заявления в Ставропольской думе[2]. А вот об отношении народнического публициста к революции 1905 г. (ее причинам, особенностям и последствиям для страны) известно

[1] Лодкина Т. В., Марченко Л. А. История развития воскресных школ в России (до 1917 г.) // Мир образования – образование в мире. 2013. № 4. С. 30.

[2] Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4; Новак С. Я., Кемпинский Э. В. Общественно-политическая деятельность Я. В. Абрамова в конце XIX – начале XX вв. // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под ред. В. М. Головко. Ставрополь, 2013; Судавцов Н. Д. Я. В. Абрамов – гласный Ставропольской городской думы // Там же; Его же. Влияние Я. В. Абрамова на общественно-политическую жизнь Ставрополья // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества: коллективная монография. Ставрополь, 2020.

только в самых общих чертах, т.к. большинство его публикаций на эту тему до сих пор не введено в научный оборот. А между тем анализ Абрамовым событий 1905 – начала 1906 гг. и трансляция своего понимания на широкую аудиторию – это основное содержание его тогдашней литературно-общественной деятельности.

Главные вопросы, который нас интересуют: почему описывая подъем российского освободительного движения в 1905 г., Абрамов называет эти события не революцией, а новой русской «смутой» и какие предлагает пути ее преодоления?

Почему это важно? Очевидно, что за этими словами стоит разное понимание сути происходящих событий, в смысле их влияния на дальнейшее развитие страны. «Смута» – это синоним бунта и анархии, в которых преобладает стихийное начало. После прекращения смуты существующий строй не только сохраняется, но и становится более прочным. Революция – это движение, направленное на утверждение кардинально нового, более совершенного общественного порядка[1].

Абрамов был очень плодовитым журналистом. У него более двух тыс. публикаций, в основном «на злобу дня»[2]. Читая его статьи, не сразу поймешь, что их автор убежденный народник. В них нет засоренности народническими «идеологизмами». Все-таки Абрамов писал для массового провинциального читателя. Но привычка автора оценивать все значимые для развития страны вопросы с точки зрения интересов простого народа выдает в нем публициста народнического направления. Тот же подход использован Абрамовым и при освещении событий 1905 г.

Революции 1905 г. Абрамов посвятил более трех десятков статей. Почти все они опубликованы в газетах: «Приазовский край» (Ростов на Дону)[3] и «Северный Кавказ» (Ставрополь). Основное внимание публициста занимали охватившие страну массовые беспорядки (от политических демонстраций до погромов) и реакция на них правительства и местных властей.

---

[1] Фурсов А. Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего // Обозреватель-Observer. 2012. № 3.

[2] См.: Абрамов Яков Васильевич: биобиблиографический указатель (1880–2017 гг.). Воронеж, 2017.

[3] Мельник Л. Р. Публицистика Якова Абрамова в газете «Приазовский край» (1900–1905 гг.) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. URL: http://www.science-education.ru/129-22959 (дата обращения: 24.12.2017).

Начнем с общих причин возникновения революции 1905 года. Специально этим вопросом Абрамов не задавался. Но если сложить отдельные его высказывания на этот счет, то получается следующая картина. События 1905 г. анализируются Абрамовым в контексте истории русского освободительного движения. В то время, на волне разговоров о необходимости освобождения русского общества от связывающих его бюрократических пут, понятие «освободительное движение» становится очень популярным. Интересно, что историю данного движения в России Абрамов отсчитывал не с декабристов, а с первых лет правления императора Александра I[1]. Это он внес в русское общество идею свободы и «сознание необходимости серьезных преобразований нашего общественного строя», включая отмену крепостного права[2].

По Абрамову главные вехи освободительного движения в России символизировали два царских манифеста: 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права и 17 октября 1905 г., когда всему населению страны были впервые предоставлены свободы слова, печати и собраний[3]. Означает ли это, что основной движущей силой политических изменений в стране публицист считал добрую волю монарха, действующего ради общего блага? Конечно, нет. Даже такие «либералы» как Александр I и Александр II, так и не решились на добровольное ограничение своей власти. А манифест 17 октября 1905 г. был подписан Николаем II чуть ли не под дулом пистолета. Неслучайно когда гласные Ставропольской думы захотели поблагодарить царя за дарование гражданских свобод, Абрамов и его единомышленники заявили, что это заслуга не властей, а тех смелых борцов, которые организовали движение пролетариата и первыми «в борьбе за свободу подставляли грудь свою под пули правительства»[4].

До начала XX в. общество и народ вели борьбу за свои права независимо друг от друга. Народники, пишет Абрамов, несмотря на «хождение в народ», были, в сущности, мало знакомы с тем, что происходило в «глубинах народной жизни».

---

[1] [Абрамов Я. В.] А. Новая эра // Приазовский край. 1905. № 256. 28 октября. С. 2.
[2] Абрамов Я. Личность в истории // Книжки «Недели». 1896. № 5. С. 173.
[3] [Абрамов Я. В.] А. Новая эра. С. 2.
[4] Судавцов Н. Д. Я. В. Абрамов – гласный Ставропольской городской думы. С. 174.

Сближение двух рукавов освободительного движения началось только в 1905 г., когда народные массы, в лице своих лучших представителей, начинают осознавать значение политической борьбы с самодержавием. В тоже время почва для таких радикальных перемен (стараниями того же Абрамова) стала формироваться еще 15 лет назад благодаря успешной культурно-просветительской деятельности интеллигенции в деревне[1].

Толчок для трансформации протестных настроений в общенациональное движение дала неудачная русско-японская война 1904–1905 гг. На это публицист обращает особое внимание. Именно поражение в войне указало всем недовольным на связь между требующими неотложного решения вопросами (о положении рабочих и крестьян, необходимости уничтожения полицейского режима, развитии местного самоуправления и др.) с общими условиями русской жизни. «Мы, – замечает по этому поводу Абрамов, – имели неосторожность столкнуться с маленькой, но свободной Японией и потерпели неудачу. Оказалось, что сила этой небольшой страны, ее высокая культура заключалась в свободе народа…»[2].

Размышляя над событиями зимы и весны 1905 г., Абрамов уже тогда фиксирует смещение «центра тяжести переживаемого момента» с вопросов, связанных с конкретными нуждами населения, на то, каким путем возможно их удовлетворение. По мнению самого Абрамова, в условиях охватившего Россию внутриполитического кризиса создаваемые правительством бюрократические комиссии оказались малоэффективны, и пришло время для привлечения народа к «законодательным разрешениям вопросов». Теперь, пишет публицист, – это «кардинальный вопрос народной жизни» и главное условие прекращения беспорядков и выхода из смуты[3].

---

[1] [Абрамов Я. В.] А. Пробужденное сознание // Приазовский край. 1905. № 179. 28 июля. С. 3.

[2] Абрамов Я. В одну точку // Приазовский край. 1905. № 91. 13 апреля. С. 2; Его же. Новая эра. С. 2. Подробнее об отношении публициста к войне с Японией см.: Мельник Л. Р. Русско-японская война в публицистике Якова Абрамова // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой победы: сб. мат-лов всерос. науч.-практич. конф. Ставрополь, 2015.

[3] Абрамов Я. От слов к делу // Приазовский край. 1905. № 94. 16 апреля; Его же. Равнодушие ли? // Приазовский край. 1905. № 86. 7 апреля. С. 2.

Таким образом, главной причиной нового подъема освободительного движения Абрамов считал нарастание недовольства в народе его бесправным положением, под влиянием неудачной войны с Японией. Причем движение оказалось настолько мощным, что царь вынужден был пойти на уступки и признать необходимость законодательного ограничения своей власти. В 1905 г. Россия, наконец, вступила на путь «проторенный всем человечеством», с пафосом восклицает публицист в одной из своих статей[1].

Общий ход интересующих нас событий Абрамов изложил в статье «Наша внутренняя жизнь в 1905 году». С виду это очень напоминает соответствующий параграф в учебнике истории: Кровавое воскресение 9 января, повсеместные стачки протеста и рост крестьянских волнений (в том числе в Польше), образование первых рабочих советов и Всероссийского крестьянского союза, отдельные восстания в армии и на флоте и, наконец, всеобщая октябрьская политическая стачка и манифест 17 октября как кульминация описываемых событий[2]. Но есть некоторые важные нюансы, связанные с пониманием внутренней логики развития данного движения как единого целого.

Прежде всего, речь идет об оценках Абрамовым действий верховной власти, как стороны конфликта, заинтересованной в его скорейшем разрешении. Указами от 4 декабря 1904 г., 18 февраля и 6 августа 1905 г., царь как бы приглашает общество к диалогу. Даже соглашается на учреждение законосовещательной (Булыгинской) думы. Однако все анонсируемые реформы намеренно затягиваются бюрократическими проволочками, подпитывая общее недовольство[3].

В этом плане очень показательно отношение публициста к манифесту 17 октября 1905 г. Изначально Абрамов возлагает на этот документ большие надежды, называет его не иначе как «великим историческим актом, хартией свободы русского народа». «Высочайший Манифест 17-го октября, – пишет публицист, – со-

---

[1] Абрамов Я. Правопорядок и «смута» // Приазовский край. 1905. № 157. 1 июля. С. 1.

[2] [Абрамов Я. В.] Я. А. Наша внутренняя жизнь в 1905 году // Приазовский край. 1906. № 4. 5 января. С. 2.

[3] Там же.

здал новую эру в жизни русского народа и золотыми буквами запишется на скрижали русской истории», т.к. дарованные свободы настоятельно нужны для развития «духовной и материальной мощи» русского народа[1].

Но ликования по случаю начала коренных преобразований очень быстро сменились глубоким разочарованием. «Смута» расцвела еще более пышным цветом, т.к. на арену, говоря словами нашего публициста, вышли «черные силы». Начинаются погромы, направленные против мирного населения[2], репрессии против земских и городских деятелей, предпринимаются попытки ограничения свободы печати... И даже неугомонный оптимист Абрамов начинает терять надежду на возможность мирного осуществления дарованных свобод[3].

Интересно, что по сведениям местной полиции в 1905 г. Абрамов, состоя гласным Ставропольской думы, «вел знакомства исключительно с поднадзорными и политически неблагонадежными», отличался «крайней резкостью антиправительственных суждений», помещал в «Северном Кавказе» и «Приазовском крае» статьи «прямо антиправительственного содержания» и участвовал «во всяких антиправительственных проявлениях». Будучи в ноябре 1905 г. в Москве на съезде земских и городских деятелей, «принадлежал к крайней левой партии» (конституционных демократов[4]), «высказывая самые крайние революционные взгляды»[5].

На наш взгляд, это явное преувеличение. Все-таки Абрамов – это представитель легальной интеллигентской оппозиции, а не революционер. Кстати, вернувшись в Ставрополь, 23 ноября он сделал в зале общественного собрания доклад о

---

[1] [Абрамов Я. В.] Я. А. Наша внутренняя жизнь в 1905 году. С. 2.

[2] Один из черносотенных погромов произошел на станции Кавказской, недалеко от Ставрополя, после чего Я. В. Абрамов предложил городской думе создать комиссию по организации самообороны в городе. См.: Судавцов Н. Д. Я. В. Абрамов – гласный Ставропольской городской думы. С. 175–176.

[3] Там же.

[4] Впоследствии выяснилось, что Я. В. Абрамов был записан в члены конституционно-демократической партии вопреки его воле. См.: Судавцов Н. Д. Я. В. Абрамов – гласный Ставропольской городской думы. С. 179.

[5] [«Выписка из списка лиц, сомнительных в политической благонадежности, проживающих в Ставропольской губернии». 17 декабря 1905 г.]. С. 238. Аналогичная характеристика Я. В. Абрамова содержится и в других материалах Терского областного жандармского управления за 1905 год: «О Владикавказском городовом враче Магомете Магометовиче Далгате». – ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 2351. Л. 1 об. (Дело начато 4 октября 1905 г.).

работе съезда, начав его со слов о «великой культурной работе», которая выпала главным образом на земское самоуправление, а затем переключился на критику Положения о земском самоуправлении 1890 г., которое сильно сузило роль и значение земства[1].

Итак, по мнению Абрамова, манифест 17 октября 1905 г. не смягчил, а наоборот обострил противостояние между властью и обществом, за которым могли последовать либо усиление реакции, либо дальнейшее сползание страны в затяжную «кровавую» смуту.

О «сеятелях смуты на земле русской», пытающихся натравить на интеллигенцию «темный» народ, народнический публицист заговорит еще весной 1905 г.[2] С точки зрения правительства и поддерживающих его консервативных сил, «смута» – это прямая противоположность «правопорядка», т.е. «анархия», порождаемая народными волнениями[3]. У Абрамова бесчинства, погромы и беспорядки провоцируют «враги» народа (всякого рода «хулиганы» и «озверелые отбросы» сельской и городской буржуазии) при полном попустительстве центральных и местных властей.

Очевидно, что новая русская «смута» имела разные источники, что помешало Абрамову увидеть в ней зарождение и развитие первой народной революции. Но были и другие причины.

Главный признак революции – коренные изменения существующего политического строя. Многие историки считают, что в 1905 г. Россия стала конституционной монархией, а ее население получило политические права, закрепленные в «конституции» 1906 г. («Основных законах Российской империи»). По Абрамову так называемая «конституционная реформа» носила формальный характер, поскольку декларированные гражданские свободы не соответствовали реальной политике царского правительства. «Когда же мы будет гражданами?», – вопрошал публицист в марте 1906 г., сетуя на сохранения в стране сословных ограничений[4].

---

[1] Судавцов Н. Д. Я. В. Абрамов – гласный Ставропольской городской думы. С. 179.
[2] Абрамов Я. Интеллигенция и народ // Приазовский край. 1905. № 78. 30 марта. С. 2.
[3] Абрамов Я. Правопорядок и «смута» // Приазовский край. 1905. № 157. 1 июля. С. 1.
[4] Абрамов Я. Когда же мы будем гражданами? // Приазовский край. 1906. № 65. 10 марта. С. 2.

Еще одна важная составляющая революционного процесса – изменения в политическом мышлении масс. В этом вопросе Абрамов был менее категоричен. Влияния событий 1905 г. на политическое воспитание народа он не отрицал. «Чувство собственного достоинства, а отсюда и чувство равенства поразительно выросло за последние время в массах. Никаких привилегий – с одной стороны, и уничтожение бесправия – с другой, таковы лозунги… популярные в массах… Время, когда население не понимало значения политических реформ, проходит безвозвратно»[1]. Публицист даже готов был признать неизбежное превращение русского народа в новую самостоятельную социально-политическую силу[2].

Вместе с тем далеко не все население страны оказалось готово к кардинальным изменениям своей жизни и стремилось воспользоваться дарованными ему свободами. Неслучайно народные протесты по-прежнему носили стихийный и по - сути деструктивный характер (с убийствами, поджогами и разграблением чужого имущества). Все это, по признанию Абрамова, осложнило выход России из «смуты», которая продолжалась даже после того, когда власти пошли на серьезные уступки[3].

Так или иначе, после манифеста 17 октября важнейшей задачей русской жизни Абрамов считал прекращение любых беспорядков и возвращение страны к нормальной жизни. «Свободная Россия должна перейти к мирной созидательной работе»[4]. Дальнейшая эскалация протестных настроений, к чему призывали представители революционных партий, была бессмысленной. Рабочее и крестьянское движение, по убеждению публициста, все равно будет подавлено военной силой, «залито кровью... у правительства достаточно еще для этого сил»[5].

11 декабря 1905 г. был утвержден новый закон о выборах в Государственную думу, который значительно расширил круг избирателей. По признанию Абрамова, «если что в данное время могло бы вывести нас из современного невыносимого для

---

[1] Абрамов Я. Когда же мы будем гражданами?
[2] [Абрамов Я. В.] А. Пробужденное сознание. С. 3.
[3] [Абрамов Я. В.] Я. А. Наша внутренняя жизнь в 1905 году. С. 2.
[4] [Абрамов Я. В.] А. Новая эра. С. 2.
[5] Северный Кавказ. 1905. 29 ноября. С. 2.

всех положения, то только созыв народных представителей, избранных, конечно, свободною подачею голосов»[1].

Самый важный вопрос, который предстояло решать Думе – аграрный, т.к. он касался основного населения страны. Аграрная программа, отвечающая народным чаяниям, по мнению Абрамова, включала два главных пункта: наделение крестьян землей за счет частновладельческих земель и минимизация выплат за нее со стороны крестьянских обществ[2]. Было и еще одно важное условие для решения аграрного вопроса – превращение крестьян в полноправных граждан (для законодательного обеспечения их имущественных интересы). В этой связи Абрамов выражал надежду, что избранные в Думу крестьяне будут заниматься не только экономическими вопросами[3].

В современной литературе об Абрамове утвердилось мнение о том, что на рубеже 1905/06 гг. его взгляды резко поправели и вчерашний глава «оппозиционной партии» Ставрополя вновь вернулся к пропаганде мирного пути построения социализма (через развитие производственной и потребительской кооперации, создание касс взаимопомощи и т.д.)[4].

На наш взгляд, близость Абрамова в 1905 г. к революционному подполью сильно преувеличена. Он действительно сочувствовал деятельности эсеров и социал-демократов, поскольку у них были общие идеалы. Однако, будучи народником-реформатором, Абрамов не считал, что революционное насилие может стать в России главной движущей силой общественного прогресса. Программа преобразований, направленная на демократизацию существующего политического и экономического строя, должна поддерживаться большинством населения страны. Поэтому убедившись в неготовности народных масс взять на себя ответственность за будущее страны и опасаясь повторения «пугачевщины», в конце ноября 1905 г. публицист выступил за скорейшее прекращение бунтов.

---

[1] [Абрамов Я. В.] Я. А. Наша внутренняя жизнь в 1905 году. С. 2.
[2] Абрамов Я. Аграрный вопрос // Приазовский край. 1906. № 40. 12 февраля. С. 2.
[3] Абрамов Я. Когда же мы будем гражданами? С. 2.
[4] Новак С. Я., Кемпинский Э. В. Указ. соч. С. 159; Северный Кавказ. 1905. 21 декабря. С. 2.

Отказ Абрамова от продолжения политической борьбы с самодержавием вызвал резкую критику со стороны местных эсеров и социал-демократов. В итоге в феврале 1906 г. он заявил, что будет участвовать в выборах в Государственную думу как независимый кандидат[1]. Правда, выборщики от крестьян Абрамова не знали и поддержали своего кандидата. Поэтому Государственную думу он так и не попал.

Это поражение сильно повлияло на эмоциональное и физическое состояние Абрамова. 23 марта 1906 г. он сложил с себя полномочия гласного городской думы[2]. А в 20-х числах апреля прекратилось его сотрудничество в «Приазовском крае».

Многие исследователи отмечают, что последней мечтой Абрамова было издание собственной газеты. Он уже придумал для нее название – «Наш край» и приступил к подбору сотрудников. Но проблемы со здоровьем заставили отказаться и от этих планов[3].

Итак, Я. В. Абрамов рассматривал события 1905 г. как кульминацию очередного этапа русского освободительного движения, начавшегося еще в 1861 г. Его основное содержание: борьба за изменение условий общественной жизни (расширение свобод). Интересно, что сам Абрамов о необходимости преобразования общественных форм как главной задаче момента заговорил только накануне революции 1905 г. Но это и понятно. Раньше народ был в политическом отношении пассивен, а без его поддержки все попытки добиться изменений в общественном строе были обречены на провал.

Описывая события 1905 г., Абрамов называет их не революцией, а «смутой», подчеркивая тем самым стихийный и крайне противоречивый характер происходящих в стране процессов. В рабочем и крестьянском движении публицист отмечает

---

[1] Речь. 1906. 9 февраля.

[2] [«Журнал заседания Ставропольской городской думы по заявлению Я. В. Абрамова о сложении с себя обязанной гласного городской думы. 23 марта 1906 г.] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память. С. 243.

[3] Судавцов Н. Д. Место и роль Я. В. Абрамова в общественной жизни Ставрополья // Я. В. Абрамов и его современники: коллективная монография. Ставрополь, 2023. С. 205.

лишь первые проблески политического сознания (в лице Совета рабочих депутатов Петербурга и Всероссийского крестьянского союза). Широкие народные массы все еще не могли отличить «друзей» от «врагов». В этой неготовности народа довести свою борьбу за свободу до полной и окончательной победы публицист увидел главную особенность данного этапа противостояние с властью. Тем не менее, единственным средством преодоления «смуты» Абрамов считал установление народного представительства (по крайней мере, до 17 октября 1905 г.).

Итоговые оценки Абрамовым уступок, сделанных Николаем II осенью 1905 г., были крайне осторожны. Еще до поражения первой народной революции, он отмечал, что конституционная реформа носила формальный характер. Делиться своей властью с представителями передовой общественности царь не собирался. Населению были дарованы свобода слова, печати и собраний, но гражданами простые люди так и не стали. Правда, на рубеже 1905/06 гг. у Абрамова еще оставалась надежда на открытие Государственной думы, наделенной законодательной инициативой. Но и она будет распущена царем в июле 1906 г., проработав всего 72 дня.

А 18 сентября (1 октября) того же года после продолжительной болезни[1] уйдет из жизни и сам Абрамов, так и не дожив до финала событий, которые некоторые его бывшие соратники по народническом лагерю потом все-таки назовут «Великой русской революцией».

Похороны известного в Ставрополе публициста и общественного деятеля были организованы за городской счет и превратились в настоящую манифестацию. Сотни горожан пришли проводить его в последний путь. А члены городской думы почтили память бывшего товарища вставанием[2].

---

[1] В метрической книге Софийской церкви г. Ставрополя-Кавказского в части третьей (об умерших), сказано, что мещанин Яков Васильевич Абрамов умер «от цирроза печени и слизистого поноса». Погребение совершил священник Иоанн Гаевский (ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1465. Л. 147 об.).

[2] [«Журнал заседания Ставропольской городской думы об устройстве похорон бывшего гласного Я. В. Абрамова за счет города и выделении единовременного пособия семье покойного. 22 сентября 1906 г.] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память. С. 244–245; Судавцов Н. Д. Влияние Я. В. Абрамова на общественно-политическую жизнь Ставрополья. С. 194.

В замечательном некрологе в газете «Приазовский край» были перечислены все отличительные черты характера Абрамова, ценные «для настоящего момента»: народник «в самом чистом смысле» этого слова, «ревностнейший» труженик «журнализма», человек кропотливого труда. Он служил обществу на разных поприщах и всюду «вносил любовь к культуре и свету, горячую жажду прогресса, искреннее сочувствие всему хорошему и горячий протест против темных сил, давивших окружающую жизнь». «Он обличал все, что казалось ему порождением косности, невежества и произвола. Сколько неприятностей пришлось ему вытерпеть, сколько нервов и крови испортить – но его прямота и мужество никогда не изменяли ему до конца его дней»[1].

Но особенно много теплых слов в адрес Якова Абрамова прозвучит в 1909 г., когда граждане г. Ставрополя поставят перед городским управлением вопрос об увековечении его памяти. «Два с половиной года тому назад, 18 сентября 1906 года, умер Яков Васильевич Абрамов, – напишут Николай Розанов, Николай Походня и Илья Иослович[2] в редакцию газеты “Юг”. Человек энциклопедических знаний, обладавший удивительной энергией и трудоспособностью, он отдал ряд лет своей жизни на работу для города Ставрополя. В печати, как публицист, и в городской думе, как гласный, Абрамов сделал городу много добра. Так работать, как работал он, не приходилось не только никому из гласных в отдельности, но и сумме нескольких гласных. Нет ни одной отрасли городского хозяйства, на которой не было бы следа работы Абрамова». Однако город, который очень многим обязан Абрамову, «ничем не отметил своей благодарности ушедшему в вечность со своего поста работнику»[3].

5 июня 1909 г. Ставропольская городская управа согласится с тем, что «своими выдающимися трудами на пользу общую Я[ков] В[асильевич] заслужил по

---

[1] † Я. В. Абрамов // Приазовский край. 1906. 19 сентября; † Я. В. Абрамов // Русская школа. 1906. № 10. С. 74–75 [Перепечатка из «Приазовского края»]. См. так же: Я. В. Абрамов (Некролог) // Русские ведомости. 1906. № 233. 22 сентября. С. 4.

[2] Всего под обращением было поставлено 82 подписи жителей Ставрополя.

[3] [«Письмо граждан г. Ставрополя в редакцию газеты “Юг” об увековечении памяти бывшего гласного Ставропольской городской думы Я. В. Абрамова». Март 1909 г.] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память. С. 245.

себе благодарную память своих сограждан» и что «долг городского общественного управления – способствовать тому, чтобы память эта осталась среди городского населения на долгие и долгие годы»[1].

[1] [Постановление Ставропольской городской управы об увековечении памяти бывшего гласного Ставропольской городской думы Я. В. Абрамова. 5 июня 1909 г.] Громова Е. Б. Я. В. Абрамов: документальная память. С. 246.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Писатель и публицист Яков Васильевич Абрамов принадлежит к числу наиболее видных теоретиков культурно-народнического движения 1880–1890-х гг. Пик его популярности пришелся на так называемую эпоху «малых дел», когда представители демократической русской интеллигенция, разочаровавшись в возможности изменить положение народа путем революционного переворота, снова пошли в деревню, но уже не для пропаганды радикальных идей, а на «культурную работу».

Для многих своих товарищей Абрамов был идеалом общественного деятеля. Действуя на литературном поприще, занимаясь земской статистикой, редактируя провинциальные газеты, он всегда и везде проявлял кипучую энергию и талант и неукоснительно следовал своим идейно-нравственным принципам. Главное же жизненное кредо Абрамова состояло в неустанной заботе о судьбе «маленького человека», простого труженика.

По своим идеалам писатель тяготел к радикальному лагерю, т.е. он признавал необходимость коренной перестройки общественных отношений в России в духе народнического общинного социализма. Как и другие народники, Абрамов нередко идеализировал желания и стремления народных масс, искренне полагая, что они сочувствуют тем же идеалам, что и «передовая» интеллигенция. Однако «народ» никогда не был для него абстрактной, собирательной идеей. Даже в художественно-публицистических очерках Абрамова все его «искатели правды» имели реальные прототипы. И с положением простого народа он был знаком не по брошюрам пропагандистского толка. Поэтому мы не можем подозревать его в готовности пожертвовать счастьем и благополучием ныне живущих поколений ради пресловутого «светлого будущего».

И в молодые, и в зрелые годы Абрамов, как и многие его современники, сочувствовал деятелям революционного народничества. А на рубеже 1870-х – 1880-х гг. даже принимал участие в распространении запрещенной литературы. Но никаким «ярым» (убежденным) революционером, как утверждали полицейские чины,

конечно, не был. Иначе, уже в силу своего темперамента, давно примкнул к какой-нибудь революционной партии.

Причины, по которым бывший представитель революционного культурничества к середине 1880-х гг. стал мирным народником-культурником многообразны. Обычно их сводят неудачам революционной пропаганды и разочарованию в «социалистических инстинктах» народа, прибавляя к этому разгром правительством движения революционной интеллигенции после 1 марта 1881 г. Но на наш взгляд, они гораздо глубже.

Самым ужасным для революционеров 1870-х гг. было то, что их мечты о возможности для России особого пути социального развития (через развитие крестьянской общины) оказались очередной интеллигентской утопией. Во-первых, капитализм все в большей и большей степени укоренялся в экономике пореформенной России и разрушал патриархальный уклад жизни и нравы не только в городе, но и в деревне. А, во-вторых, уже после первого массового «хождения в народ» 1874–1875 гг. становится очевидным, что между интеллигенцией и народом существует социокультурный раскол, преодолеть который в ближайшее время не представляется возможным.

В 80-е гг. XIX в., после разгрома революционного народничества, вновь приобретают актуальность старый интеллигентский вопрос «Что делать?». Неслучайно эти годы вошли в историю русской общественности как эпоха «идейной растерянности» и поиска новых идеалов и нравственных ориентиров. Именно в это время в среде легального народничества зарождается и обретает популярность знаменитая теория «малых дел». Первыми, кто заговорил о необходимости практической работы для народа, были И. И. Каблиц (Юзов) и Л. Е. Оболенский. Это они заложили фундамент данной теории, определили ее основное направление и принципы. Однако они не смогли предложить интеллигенции конкретные пути приложения сил просвещенного общества в провинции. Практическая программа действий для интеллигенции появится чуть позже – во второй половине 1880-х гг. Ее разработкой занимались многие известные народнические экономисты и публицисты (С. А. Приклонский, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко, В. С. Пругавин, К. В.

Лаврский и др.). Но, по общему признанию, наиболее важный вклад внес Я. В. Абрамов.

В культурном народничестве 1880–1890-х гг. Абрамов занимал центристскую позицию. Условно говоря, между И. И. Каблицем и С. Н. Кривенко. С первым из них Абрамова сближало признание необходимости удовлетворения насущных потребностей народа. Однако Каблиц смотрел на задачи русской жизни «глазами мужика», что делало его программу «малых дел» программой сегодняшнего дня. Абрамов же отстаивал программу «широкой культурной работы», направленную на умственную переорганизацию масс как необходимого условия коренных преобразований русской жизни. Это сближало ее с программой «органической культурной работы» Кривенко, призванной примирить сторонников «малых» и «больших» дел.

Главной задачей русской интеллигенции Абрамов, как один из идейных вдохновителей нового «хождения в народ» второй половины 1880-х – начала 1890-х гг., считал освобождение трудового народа от двух главных его недугов. Это невежество и нищета, тесно связанные между собой. В отличие от сторонников идеи быстрого перехода к «царству высшей культуры» (социализму), Абрамов был твердо убежден в невозможности общественного прогресса без «медленной» и «кропотливой» культурной работы, т.е. заботы о развитии народного просвещения, организации медицинской, юридической и агрономической помощи крестьянству. По сути, он предложил интеллигенции стать практическим помощником народа в его повседневной борьбе за существования.

В современной литературе утвердилось мнение, что идею нового похода интеллигенции в деревню (на «культурную работу») выдвинул именно Абрамов в 1885 г. на страницах газеты «Неделя». Но это не совсем так. О необходимости возрождения тактики «хождения в народ» еще до Абрамова писали многие народники-культурники: И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский, С. А. Приклонский, В. П. Воронцов. На наш взгляд, вклад публициста в развитие культурно-народнического движения в 80-е гг. XIX в. заключается:

во-первых, в том, что именно Абрамов начал на страницах «Недели» широкую агитационную кампанию по переселению безработной городской интеллигенции (так называемого «умственного пролетариата») в деревню;

во-вторых, Яков Абрамов первым перевел культурнические идеи своих предшественников о пользе просвещения и подъема хозяйственной культуры народа на язык практических формул и сумел заинтересовать ими широкие слои демократической интеллигенции;

в-третьих, во многом именно Абрамов в своих многочисленных статьях о народных учителях, врачах, агрономах, технологах и земских статистиках создал новый образ интеллигента-труженика и социально-культурного работника, что со временем помогло «лишним людям» (безработным «маргиналам» и политическим «отщепенцам») превратиться в по-настоящему созидательную общественную силу.

Исследователи правого народничества, оценивая программу Абрамова, справедливо указывают на ее самое слабое место – это аполитизм. Политические задачи в ней, действительно, отсутствовали. «Политика» была вытеснена «культурнической» практикой, ориентированной на постепенные изменения основ крестьянского быта в надежде, что со временем количество внешне малозаметных положительных достижений перерастет в качество. Фактически Абрамов явился создателем нового интеллигентского мифа о безусловной полезности и всеохватности «культурной работы», как чуть ли не главной движущей силы общественного развития.

Однако нельзя забывать, что учение Абрамова о культурной работе – это не только порождение эпохи политической реакции Александра III, но и следствие осмысления накопленного народниками опыта. А этот опыт свидетельствовал о невозможности перехода к более совершенному обществу, занимаясь одной только политической деятельностью, без накопления соответствующих социокультурных предпосылок. Затяжной идейный и организационный кризис, охвативший русское народничество после 1881 г. – это во многом следствие того, что народники-политики и народники-культурники так и не смогли найти общий язык, т.е. осознать,

что для успешного развития движения были необходимы совместные усилия и тех и других.

С началом очередной политизации русского общества на рубеже 1880/ 90-х гг. усиливается критика взглядов Абрамова со стороны его идейных противников во главе с Н. В. Шелгуновым, которая приведет к тому, что в 1890 г. публицист покинет Петербург и со временем (вместе с другими своими единомышленниками) окажется в стороне от магистральной линии развития народнического движения. Однако эта условная победа сторонников другого мифа – о «безусловной полезности и всеохватности» скороспелых политических реформ, приведет только к очередному ослаблению народнического движения, лишив его широкой поддержки не только в народе, но и в обществе.

После переселения в Ставрополь в мае 1890 г., в жизни Я. В. Абрамова начинается новый этап, связанный с его активным участием в местной общественной жизни, прежде всего в качестве гласного городской думы. И хотя он по-прежнему будет сотрудничать в ведущих народнических изданиях, значительно увеличив количество публикуемых статей (особенно за время постоянного проживания в столице в 1897–1899 гг.), попытка вернуться в обойму ведущих народнических публицистов закончится для него неудачей. Неслучайно даже в исторической литературе Абрамов до сих пор воспринимается как теоретик правого народничества 1880-х гг.

На самом деле вклад Якова Абрамова в развитие русской общественности не ограничивается «эпохой малых дел» второй половины 1880-х – начала 1890-х гг. Отстаивая и развивая идею преодоления социокультурного разрыва между центром и провинцией, городом и деревней, интеллигенцией и народом, народнический публицист фактически готовил почву для предстоящих общественных преобразований. В 1905 г. он справедливо укажет на то, что активные выступления масс на стороне противников существующего политического строя были бы невозможны без многолетней культурно-просветительской деятельности в народе демократической интеллигенции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

А. Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел.

Оп. 95.

1. Д. 937. Дело о ставропольском мещанине Я. В. Абрамове. 1897 г. 23 л.

Оп. 227.

2. Д. 332. О литераторе Я. В. Абрамове. 1899 г. 21 л.

Оп. 233.

3. Д. 2351. О владикавказском городовом враче М. М. Далгате. 1905 г. 21 л.

Ф. 109. 3-е отделение. III эксп.

Оп. 164.

4. Д. 524. По обвинению дочери купца П. Каковкиной в имении запрещенных книг. 1879 г. 24 л.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

Ф. 135. Ставропольская духовная консистория.

Оп. 78.

5. Д. 1465. Метрическая книга Софийской церкви г. Ставрополя. Я. В. Абрамов. 1906 г. Л. 147 об. –148.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Ф. 122. Архив И. И. Горбунова-Посадова.

Оп. 2.

6. Д. 49. Письма И. И. Горбунова-Посадова к Я. В. Абрамову. 1891 г. 5 л.

Ф. 131. Архив Я. Г. Гуревич.

Оп. 3.

7. Д. 5. Письма Я. В. Абрамова к Я. Г. Гуревич. 1899–1901 гг. 10 л.

Ф. 308. Архив Н. К. Михайловского.

Оп. 1.

8. Д. 23. Протест русских литераторов против травли С. Я. Надсона газетой «Новое время». 1887 г. 4 л.

Ф. 552. Архив В. Г. Черткова.

Оп. 1.

9. Д. 104. Письма Я. В. Абрамова к В. Г. Черткову. 1890–1906 гг. 14 л.

Ф. 626. Архив А. М. Фемелиди.

Оп. 1.

10. Д. 1. Биоблиографические сведения для «Русской энциклопедии художественной литературы и искусств» (писатели). Абрамов Я. В. 1905 г. Л. 76–77.

Ф. 2173. Архив С. Н. Кривенко.

Оп. 1.

11. Д. 20. Письма Я. В. Абрамова к С. Н. Кривенко. 1897–1898 гг. 13 л.

Рукописный отдел Института русской литературы и искусства (РО ИРЛИ)

Ф. 377. Архив С. А. Венгерова.

Оп. 7.

12. Д. 11. Автобиография Я. В. Абрамова. 1886 г. 1 л.

Б. Опубликованные источники

1. Научные и публицистические труды

а) Отдельные издания

13. Абрамов, Я. В. Аренда и наем имуществ / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Типография П. П. Сойкина, 1897. – 68 с. – Текст: непосредственный.

14. Абрамов, Я. В. Вселенная: популярно – астрономический очерк / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушина, 1900. – 132 с. – Текст: непосредственный.

15. Абрамов, Я. В. Два великих француза: Луи Пастер и Жан Масэ / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: М. Городецкий, 1897. – 46 с. – Текст: непосредственный.

16. Абрамов, Я. В. Духовные завещания. Как их составлять, изменять, отменять, представлять к утверждению и оспаривать / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1895. – 64 с. – Текст: непосредственный.

17. Абрамов, Я. В. Заем, заклад и залог / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1898. – 80 с. – Текст : непосредственный.

18. Абрамов, Я. В. Ибсен и Бьернсон / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург : М. Городецкий, 1897. – 55 с. – Текст : непосредственный.

19. Абрамов, Я. В. В. Н. (Основатель Харьковского Университета) : Его жизнь и общественная деятельность / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. това «Общественная польза», 1891. – 79 с. – Текст : непосредственный.

20. Абрамов, Я. В. Христофор Колумб : Его жизнь и путешествия / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. Ю. Эрлиха, 1891. – 80 с. – Текст : непосредственный.

21. [Абрамов Я. В.] Я. А. Крестьянское хозяйство и книга / Я. В. Абрамов. – Москва : Книжный склад А. М. Калмыковой, 1891. – 35 с. – Текст : непосредственный.

22. Абрамов, Я. В. Личный наем и служба / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1899. – 75 с. – Текст : непосредственный.

23. Абрамов, Я. В. Наследство и раздел / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1896. – 76 с. – Текст : непосредственный.

24. Абрамов, Я. В. Наши воскресные школы: их прошлое и настоящее / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1900. – 352 с. – Текст : непосредственный.

25. Абрамов, Я. В. Новейшие успехи знания. Популярные очерки / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1890 / Я. В. Абрамов. – 310 с. – Текст : непосредственный.

26. Абрамов, Я. В. Памяти Белинского / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург : Н. Гаврилов и М. Городецкий, 1898. – 80 с. – Текст : непосредственный.

27. Абрамов, Я. В. Певец тоски (Гюи-де-Мопассан) / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург : М. Городецкий, 1897. – 63 с. – Текст : непосредственный.

28. Абрамов, Я. В. Песталоцци : его жизнь и педагогическая деятельность / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург : Типолитография и фототипография В. И. Штейна, 1893. – 86 с. – Текст : непосредственный.

29. Абрамов, Я. В. Приобретение и отчуждение имущества / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. П. П. Сойкина, 1897. – 67 с. – Текст : непосредственный.

30. Абрамов, Я. В. Руководство для первоначального преподавания арифметики. Выпуск 1 / Я. В. Абрамов. – Рига; Дерпт: Тип. Шнакенбурга в Дерпте, 1889. – 43 с. – Текст : непосредственный.

31. Абрамов, Я. В. Русское начальное слово для преподавания грамоты и речи по звуковой и наглядной методе. С 96 рисунками. Выпуск 1 / Я. В. Абрамов. – Рига ; Дерпт, [1889]. – 44 с. – Текст : непосредственный.

32. Абрамов, Я. В. Сельский календарь на 1888 год. Выпуск 1 / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. Ю. Эрлиха, 1888. – 142 с. – Текст : непосредственный.

33. Абрамов, Я. В. Стенной букварь, (XII таблиц), приспособленный к «Русскому начальному слову для низших классов народных училищ» / Я. В. Абрамов. – Рига ; Дерпт : Шнакенбург, лито и типографическое заведение Шнакенбурга в Риге, 1889. – 24 л. – Текст : непосредственный.

34. Абрамов, Я. В. Стефенсон и Фультон (изобретатели паровоза и парохода) : Их жизнь и научно-практическая деятельность / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург : Типолитография и фототипография В. И. Штейна, 1893. – 78 с. – Текст : непосредственный.

35. Абрамов, Я. В. Г. М. Стэнли: Его жизнь, путешествия и географические открытия / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург : Типолитография А. Траншеля и Общественная польза, 1891. – 86 с. – Текст: непосредственный.

36. Абрамов, Я. В. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще. 3-е издание / Я. В. Абрамов. – Москва: Тов-во скоропечатания А. А. Левенсона, 1896. – 107 с. – Текст: непосредственный.

37. Абрамов, Я. В. Что сделало земство и что оно делает (Обзор деятельности русского земства) / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. газеты «Новости», 1889. – 288 с. – Текст : непосредственный.

38. Абрамов, Я. В. М. Фарадей : Его жизнь и научная деятельность / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. газеты «Новости», 1892. – 78 с. – Текст : непосредственный.

39. Абрамов, Я. В. В. Франклин : Его жизнь, общественная и научная деятельность / Я. В. Абрамов. – Санкт-Петербург: Тип. тов-ва «Общественя польза», 1891. – 79 с. – Текст : непосредственный.

40. [Воронцов, В. П.] В. В. Наши направления / В. П. Воронцов. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. – 215 с. – Текст: непосредственный.

41. [Каблиц, И.] Юзов И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане / И. Каблиц. – Санкт-Петербург: Тип. А. М. Котомина, 1881. – 180 с. – Текст: непосредственный.

42. Кривенко, С. Н. На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки) / С. Н. Кривенко. – Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. – 275 с. – Текст : непосредственный.

43. Кривенко, С. Н. Собрание сочинений : в 2 томах. Том 2 / С. Н. Кривенко. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 456 с. – Текст : непосредственный.

44. Льдов, К. Н. Вопиющее дело об оклеветании бывшей издательницы журнала «Новое слово» О. Н. Поповой в суде чести «Союза русских писателей», по жалобе гг. Я. Абрамова и А. Скабичевского / К. Н. Льдов. – Москва: Изд-во автора, 1897. – 82 с. – Текст: непосредственный.

45. Михайловский, Н. К. Полное собрание сочинений : в 10 томах. Том 6 / Н. К. Михайловский. – Санкт-Петербург: Тип. Б. М. Вольфа, 1897. – 1046 с. – Текст : непосредственный.

46. Наши воскресные школы и их нужды : доклад Я. Абрамова. – Москва, [1896]. – 18 с. – Текст : непосредственный.

47. Плеханов, Г. В. Сочинения : в 24 томах. Том 24 / Г. В. Плеханов. – Москва ; Ленинград : Госиздат, 1927. – 383 с. – Текст : непосредственный.

48. Приклонский, С. А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского / С. А. Приклонский. – Санкт-Петербург : Общественная польза, 1886. – 380 с. – Текст : непосредственный.

49. Пругавин, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания / А. С. Пругавин. – Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. – 578 с. – Текст : непосредственный.

50. Пругавин, А. С. Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства / А. С. Пругавин. – Санкт-Петербург : Издание А. С. Суворина, 1882. – 428 с. – Текст : непосредственный.

51. Скалон, В. Ю. Земские вопросы. Очерки и обозрения / В. Ю. Скалон. – Москва : Редакция газеты «Земство», 1882. – 236 с. – Текст : непосредственный.

52. Энгельгардт, А. Н. Из деревни : 12 писем, 1872 – 1887 / А. Н. Энгельгардт. – Москва : Наука, 1999. – 636 с. – Текст : непосредственный.

53. Щапов, А. П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII века / А. П. Щапов. – Казань : Иван Дубровин, 1859. – 547 с. – Текст : непосредственный.

54. Abramov, Ja. L'école du dimanche pour les femmes à Kharkov et le livre «Que faut-il dormer à lire au peuple?» / Ja. Abramov. – Kharkov, 1889. – 57 p. – Text : direct.

б) Статьи, рецензии и корреспонденции

65. А. Ставрополь-Кавказский / А. – Текст : непосредственный // Русские ведомости. – 1901. – № 23. – 23 января.

66. Абрамов, Я. Аграрный вопрос / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1906. – № 40. – 12 февраля. – С. 2.

67. Абрамов, Я. Антикабацкое движение / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Устои. – 1882. – № 9 – 10. – С. 60 – 73.

68. Абрамов, Я. Бегущие от голода (Письмо с Северного Кавказа) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1891. – № 44. – Стб. 1396 – 1398.

69. [Абрамов, Я. В.] Безместная интеллигенция / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1888. – № 45. – Стб. 1418 – 1420.

70. Абрамов, Я. Бесплодные жалобы / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русь. – 1898. – № 60. – 26 августа.

71. Абрамов, Я. Боязнь гласности / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русь. – 1897. – № 52. – 11 марта.

72. Абрамов, Я. Босая команда / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1883. – № 4. – С. 121 – 149.

73. Абрамов, Я. В одну точку / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1905. – № 91. – 13 апреля. – С. 2.

74. Абрамов, Я. Великая работа / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русь. – 1897. – № 70. – 30 марта.

75. Абрамов, Я. Великий человек нашего времени [Жан Масэ] / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Вологодский сборник в пользу пострадавших от неурожая. – Санкт-Петербург : Типолитография А. М. Вольфа, 1892. – С. 276 – 291.

76. [Абрамов, Я. В.] «Внешние условия» и частный почин / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1886. – № 18. – Стб. 601 – 604.

77. [Абрамов, Я. В.] Внутреннее обозрение / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1884. – № 3. – С. 81 – 97; № 4. – С. 256 – 274.

78. Абрамов, Я. Возрождение воскресных школ. (Воскресные школы в период 1862 – 1888 гг.) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русская школа. – 1899. – № 1. – С. 16 – 32; № 2. – С. 15 – 33.

79. Абрамов, Я. Вольные врачи в деревне / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1892. – № 42. – Стб. 1365 – 1366.

80. Абрамов, Я. Вопрос о чиншевиках / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Северный вестник. – 1886. – № 3. – С. 139 – 149.

81. Абрамов, Я. Всяк кулик свое болото хвалит / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Терек. – 1883. – № 89.

82. Абрамов, Я. Выговские пионеры (К вопросу о роли раскола в деле колонизации России) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1884. – № 3. – С. 89 – 126; № 4. – С. 347 – 384.

83. Абрамов, Я. Вынужденное объяснение / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1903. – № 1.

84. Абрамов, Я. Геройство и безделье / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1894. – № 37. – Стб. 1179 – 1181.

85. [Абрамов, Я. В.] Я. А. Городская поземельная община / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1880. – № 25. – Стб. 789 – 795.

86. Абрамов, Я. Город-деревня. (Письмо из Ставрополя-Кавказского) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1890. – № 28. – Стб. 891 – 894.

87. Абрамов, Я, Губернаторские речи / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русь. – 1898. – № 172. –16 декабря.

88. [Абрамов, Я. В.] До и после реформы / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1886. – № 5. – Стб. 166 – 170.

89. Абрамов, Я. Духоборцы (Орест Новицкий. Духоборцы. Их история и вероучение. – Издание второе, переработанное и дополненное. – Киев, 1882 г.) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1883. – № 1. – С. 23 – 53.

90. Абрамов, Я. Еще о Нальчикской школе / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Терек. – 1883. – № 97.

91. [Абрамов, Я. В.] Еще о наших специалистах / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1885. – № 38. – Стб. 1316 – 1320.

92. [Абрамов, Я. В.] Еще об интеллигентной безработице / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1885. – № 50. – Стб. 1753 – 1756.

93. [Абрамов, Я. В.] Еще ответ на возражение / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1885. – № 48. – Стб. 1676 – 1678.

94. [Абрамов, Я. В.] Жалобы на «наше время» / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1889. – № 38. – Стб. 1216 – 1220.

95. Абрамов, Я. Женские врачебные курсы / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Северный вестник. – 1886. – № 2. – С. 117 – 142.

96. Абрамов, Я. Земство и деревня / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Сын отечества. – 1898. – № 27. – 29 января.

97. Абрамов, Я. Земский прогресс / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1887. – № 35. – Стб. 1107.

98. Абрамов, Я. Земство и народное образование / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русь. – 1897. – № 43. – 2 марта.

99. Абрамов, Я. Земства и города / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Новое слово. – 1895. – № 2. – С. 165 – 176; № 3. – С. 141 – 150.

100. Абрамов, Я. Забытое сословие / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Наблюдатель. – 1885. – № 1. – С. 269 – 302.

101. Абрамов, Я. Забытый край (Письмо с Кавказа) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1890. – № 25. – Стб. 797 – 800.

102. Абрамов, Я. Из фабрично-заводского мира. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Том 3. Выпуск 1–4 / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1882. – № 3. – С. 1 – 37; № 4. – С. 181 – 212.

103. [Абрамов, Я. В.] Интеллигенция в деревне / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. –1891. – № 24. – Стб. 737 – 740.

104. Абрамов, Я. Интеллигенция и народ / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1905. – № 78. – 30 марта. – С. 2.

105. Абрамов, Я. Итоги земской деятельности по улучшению сельского хозяйства / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Новое слово. – 1896. – № 10. – С. 150 – 159.

106. Абрамов, Я. К вопросу о веротерпимости / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. –1882. – № 1. – С. 1 – 42; № 2. – С. 141 – 175.

107. Абрамов, Я. К вопросу о мирном покорении Кавказа (о столкновении между аланами и казаками) / Я. Абрамов. – Текст: непосредственный // Терек. – 1883. – № 68 ; № 69 ; № 71 ; № 79.

108. Абрамов, Я. Кавказские горцы (Из летних экскурсий) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Дело. – 1884. – № 1. – С. 62 – 104.

109. Абрамов, Я. Кавказские очерки. Сванетия и сванеты / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Детское чтение. – 1885. – № 5. – С. 142 – 161.

110. Абрамов, Я. Как делается история / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Книжки «Недели». – 1896. – № 10. – С. 5 – 31.

111. Абрамов, Я. Край без земства (Письмо из Ставропольской губ.) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1895. – № 44. – Стб. 1403 – 1405.

112. Абрамов, Я. Крестьянский кредит / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1884. – № 1. – С. 1 – 34.

113. Абрамов, Я. Когда же мы будем гражданами? / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. 1906. – № 65. – 10 марта. – С. 2.

114. [Абрамов, Я. В.] Культурная работа / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1889. – № 37. – Стб. 1183 – 1188.

115. Абрамов, Я. Культурная работа / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Сын отечества. – 1898. – № 60. – 4 марта.

116. Абрамов, Я. Личность в истории / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Книжки «Недели». – 1896. – № 4. – С. 5 – 19; № 5. – С. 164 – 175.

117. [Абрамов, Я. В.] Маленькие деятели / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1886. – № 6. – Стб. 201 – 205.

118. Абрамов, Я. Маленький человек с великим сердцем [С. В. Глинка] / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русь. – 1898. – № 119. – 24 октября.

119. [Абрамов, Я. В.] Мало ли сделано? / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1888. – № 16. – Стб. 498 – 501.

120. Абрамов, Я. Малые и великие дела / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Книжки «Недели». – 1896. – № 7. – С. 214 – 227.

121. Абрамов, Я. Мещане и «город» / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1883. – № 3. – С. 1 – 21.

122. [Абрамов, Я.В.] Мрачные и светлые явления / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1888. – № 29. – Стб. 903 – 906.

123. Абрамов, Я. На провинциальном положении / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1890. – № 33. – Стб. 1048 – 1053.

124. Абрамов, Я. Народное образование и частная инициатива / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Сын отечества. – 1898. – № 46. – 18 февраля.

125. Абрамов, Я. Народное образование на 2-м съезде деятелей по техническому образованию / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Новое слово. – 1896. – № 5. – С. 213 – 223.

126. Абрамов, Я. Народный кредит / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Сын отечества. – 1898. – № 21. – 23 января.

127. [Абрамов, Я. В.] Настроение провинции / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1885. – № 28. – Стб. 993 – 996.

128. [Абрамов, Я. В.] Наш капитализм / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1886. – № 47. – Стб. 1545 – 1548.

129. [Абрамов, Я. В.] Я. А. Наша внутренняя жизнь в 1905 году / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1906. – № 4. – 5 января. – С. 2.

130. Абрамов, Я. Наше земство / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Сын отечества. – 1897. – № 209.

131. Абрамов, Я. Наши воскресные школы и их нужды / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русская школа. – 1896. – № 4. – С. 98 – 115.

132. Абрамов, Я. Наши плантаторы и рабы / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русь. – 1897. – № 26. – 29 января.

133. Абрамов, Я. Некоторые особенности низших поземельных отношений / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1883. – № 11. – С. 1 – 42.

134. [Абрамов, Я. В.] А. Новая эра / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1905. – № 256. – 28 октября. – С. 2.

135. Абрамов, Я. Новейший период истории воскресных школ (1888 – 1899гг.) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русская школа. – 1899. – № 10. – С. 29 – 48; № 11. – С. 26 – 47 ; № 12. – С. 16 – 36.

136. [Абрамов, Я. В.] О «лишних людях» / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1886. – № 38. – Стб. 1241 – 1244.

137. Абрамов, Я. Образчик частной деятельности в области народного просвещения / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Новое слово. – 1896. – № 2. – С. 198 – 208.

138. [Абрамов, Я. В.] А. Образцовая интеллигенция. (Письмо из Ставрополя Кавказского) / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1897. – № 25. – Стб. 792 – 793.

139. Абрамов, Я. Общественная деятельность и печатное слово / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русь. – 1898. – № 133. – 7 ноября.

140. Абрамов, Я. Общественное дело и частная инициатива / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1901. – № 26. – 28 января.

141. Абрамов Я. От слов к делу / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1905. – № 94. – 16 апреля.

142. Абрамов, Я. Очерки Северного Кавказа (Путевые заметки) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Дело. – 1883. – № 11. – С. 39 – 71; № 12. – С. 1 – 31.

143. Абрамов, Я. Очерки современного земства / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русская мысль. – 1888. – № 4. – С. 1 – 32; № 6. – С. 1 – 32 ; № 10. – С. 51 – 70 ; № 11. – С. 143 – 161 ; № 12. – С. 1 – 12 ; 1889. – № 2. – С. 14 – 28; № 3. – С. 142 – 172.

144. Абрамов, Я. Очерки частной инициативы в деле народного образования / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русская школа. – 1890. – № 1. – С. 111 – 119; № 2. – С. 112 – 130; № 7. – С. 93 – 113; № 8. – С. 113 – 131; № 9. – С. 111 – 124.

145. Абрамов, Я. Первые воскресные школы в России / Я. Абрамов. – Текст: непосредственный // Русская школа. 1898. – № 9. – С. 26 – 46; № 10. – С. 22 – 35; № 11. – С. 35 – 51; № 12. – С. 22 – 35.

146. Абрамов, Я. Переселения и частная инициатива. (Письмо с Северного Кавказа) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Путь-дорога. Научно-литературный сборник в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. – Санкт-Петербург: Изд-во К. М. Сибирякова, 1893. – С. 362 – 375.

147. Абрамов, Я. Переселенческий вопрос на Северном Кавказе / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Терек. –1883. – № 84 – 86.

148. [Абрамов, Я. В.] Периодическая печать на Кавказе / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Новое слово. – 1897. – № 6. – С. 116 – 123.

149. Абрамов, Я. Письма из провинции / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Новое слово. – 1895. – № 1. – С. 133 – 141.

150. Абрамов, Я. Поземельный вопрос на Кавказе / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Терек. – 1883. – № 63.

151. Абрамов, Я. Помощь или обуза? / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русь. – 1898. – № 53. – 19 августа.

152. [Абрамов, Я. В.] Правда ли, что нет дела? / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1885. – № 32. – Стб. 1121 – 1125.

153. Абрамов, Я. Правопорядок и «смута» / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1905. – № 157. – 1 июля. – С. 1.

154. [Абрамов, Я. В.] Преувеличенные обвинения / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1885. – № 49. – Стб. 1713 – 1716.

155. [Абрамов, Я. В.] А. Пробужденное сознание / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1905. – № 179. – 28 июля. – С. 3.

156. [Абрамов, Я. В.] Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1881. – № 4. – С. 255 – 280; № 5. – С. 123 – 162.

157. [Абрамов, Я. В.] Противники самоуправления / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1886. – № 12. – Стб. 409 – 412.

158. Абрамов, Я. Прошлое и настоящее штунды / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Дело. – 1883. – № 1. – С. 200 – 223; № 2. – С. 185 – 199.

159. Абрамов, Я. Равнодушие ли? / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1905. – № 86. – 7 апреля. – С. 2.

160. [Абрамов, Я. В.] Рост провинции /Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1890. – № 16. – Стб. 489 – 492.

161. Абрамов, Я. Рост провинции / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русь. – 1897. – № 90. – 21 апреля.

162. [Абрамов, Я. В.] Самоуправление и интеллигенция / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1885. – № 40. – Стб. 1379 – 1381.

163. Абрамов, Я. Свет и тени / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1898. – № 18. – Стб. 583 – 586.

164. [Абрамов, Я. В.] Светлые явления / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1888. – № 39. – Стб. 1223 – 1225.

165. Абрамов, Я. Секта шалапутов / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1882. – № 9. – С. 35 – 58; № 10. – Отд. 2. – С. 157 – 193.

166. Абрамов, Я. Сословные нужды, желания и стремления в эпоху Екатерининской комиссии (1767–1769 гг.) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Северный вестник. – 1886. – № 4. – С. 145 – 180; № 6. – С. 47 – 67 ; № 7. – С. 69 – 102 ; № 8. – С. 159 – 192 ; № 10. – С. 131 – 166 ; № 12. – С. 17 – 32.

167. [Абрамов, Я. В.] Смерть или возрождение? / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1886. – № 46. – Стб. 1505 – 1508.

168. Абрамов, Я. Ставрополь-Кавказский. Вынужденное объяснение / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1903. – № 1. – С. 3.

169. Абрамов, Я. Старые нападки / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Русь. – 1897. – 22 мая.

170. Абрамов, Я. Статистические экспедиции 50-х годов (Эпизод из истории раскола) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Дело. – 1883. – № 9. – С. 130 – 145.

171. [Абрамов, Я. В.] Стоит ли работать в деревне? / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1885. – № 41. – Стб. 1409 – 1412.

172. Абрамов, Я. Тяготение к земле / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1891. – № 16. – Стб. 498 – 502.

173. Абрамов, Я. Уголок раскольничьего мира / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Устои. – 1882. – № 5. – С. 75 – 90.

174. [Абрамов, Я. В.] Учреждения и люди / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1888. – № 51. – Стб. 1623 – 1626.

175. Абрамов, Я. Фабричные порядки в сельском быту / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Экономический журнал. – 1885. – Книга 2. – С. 12 – 15.

176. Абрамов, Я. Хлудовщина / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1882. – № 5. – С. 36 – 53.

177. [Абрамов, Я. В.] Черта времени / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1889. – № 21. – Стб. 657 – 660.

178. Абрамов, Я. Частная женская воскресная школа в Харькове / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Северный вестник. – 1888. – № 8. – С. 78 – 93.

179. [Абрамов, Я. В.] Юридическая беспомощность / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1893. – № 12. – Стб. 381 – 384.

180. Абрамов, Я. Юридическая помощь народу / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Сын отечества. – 1897. – № 227. – 22 августа.

181. [Бернацкий, М. В.] М. Б. Я. В. Абрамов. «Наши воскресные школы». Их прошлое и настоящее. Санкт-Петербург, 1890 г. / М. В. Бернацкий. – Текст : непосредственный // Мир Божий. – 1900. – № 10. – С. 83 – 86.

182. Абрамов, Я. В. Частная женская воскресная школа в Харькове и воскресные школы вообще / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Северный вестник. – 1895. – № 2. – С. 53 – 54.

183. Сельский календарь на 1890 г. / составитель Я. Абрамов ; издатель Ф. Павленков. – Текст : непосредственный // Живописное обозрение. – 1889. – № 35. – С. 143.

184. [Бирюкович, В. В.] В. Б-чь. Внутреннее обозрение / В. Бирюкович. – Текст : непосредственный // Русское богатство. – 1886. – № 3. – С. 209 – 222.

185. Богданов, Ал. Я. В. Абрамов. Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее / Ал. Богданов. – Текст : непосредственный // Жизнь. – 1900. – № 6. – С. 354 – 356.

186. [Гайдебуров, П. А.] От редакции газеты / П. А. Гайдебуров. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1884. – № 43. – Стб. 1419.

187. Гофштеттер, И. Рубль и мысль (На темы дня) / И. Гофштеттер. – Текст : непосредственный // Жизнь. – 1897. – Том VII. – № 19. – С. 105 – 112.

188. Голубев, П. Наша трудящаяся интеллигенция / П. Голубев. – Текст: непосредственный // Волжский вестник. – 1886. – № 182. – 23 авг.; № 187. – 29 авг.; № 195. – 11 сент.

189. Городская хроника. – Текст : непосредственный // Северный Кавказ. – 1896. – № 89. – 7 ноября. – С. 3.

190. [Дистерло, Р. А.] Р. Д. Новое литературное поколение / Р. А. Дистерло. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1888. – № 15. – Стб. 483 – 484.

191. Из общественной хроники. «Признаки времени» и жалобы «на наше время». – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1889. № 11. – С. 456 – 457.

192. Из Ставрополя-Кавказского. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1894. – № 22. – Стб. 709 – 710.

193. Из Ставрополя-Кавказского. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1894. – № 37. – Стб. 1187 – 1188.

194. [Каблиц, И. И.] Ум и чувство, как факторы прогресса / И. И. Каблиц. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1878. – № 6. – Стб. 187 – 192; № 7. – Стб. 225 – 230.

195. [Каблиц, И. И.] Лже-народничество / И. И. Каблиц. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1882. – № 14. – Стб. 435 – 438.

196. [Каблиц, И. И.] Что такое народничество? / И. И. Каблиц. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1880. – № 31. – Стб. 981 – 986.

197. Корецкий, Н. По поводу лекции г. Абрамова / Н. Корецкий. – Текст : непосредственный // Северный Кавказ. – 1899. – № 118. – 5 октября. – С. 3.

198. Корсаков, И. Заметки социалиста о текущем / И. Корсаков. – Текст : непосредственный // Голос. – 1906. – № 14. – 7 июня.

199. [Кривенко, С. Н.] Из провинциальной печати / С. Н. Кривенко. – Текст : непосредственный // Северный вестник. – 1891. – № 1. – С. 41 – 53.

200. Кривенко, С. Н. По поводу культурных одиночек / С. Н. Кривенко. – Текст : непосредственный // Русское богатство. – 1893. – № 12. – С. 160 – 192.

201. [Лаврский, К. В.] Д. Ж. К чему способна интеллигенция? / Д. Ж. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1887. – № 7, 9, 17.

202. [Лаврский, К. В.] Д. Ж. Ответ Деревенского жителя / Д. Ж. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1888. – № 47. – Стб. 1501 – 1506.

203. Литературный обзор : Книжки «Недели» [Я. Абрамов, как критик Н. К. Михайловского]. – Текст : непосредственный // Научное обозрение. – 1898. – № 8. – С. 1448 – 1449.

204. Н. К. Из Владимирской губ. (К характеристике современных земств) / Н. К. – Текст : непосредственный // Новое слово. – 1896. – № 10. – С. 159 – 166.

205. Нам пишут : Из Кобелякского уезда (Полтавской губ.). – Текст : непосредственный // Неделя. – 1889. – № 4. – Стб. 142 – 143.

206. Новые народные издания. – Текст : непосредственный // Русское богатство. – 1888. – № 10. – С. 226 – 229.

207. Обнинский, П. Н. Из области современной этики. «Маленькие дела» / П. Н. Обнинский. – Текст : непосредственный // Русское богатство. – 1895. – № 10. – С. 22 – 29.

208. [Оболенский, Л. Е.] N. N. Возможно ли работать только для прогресса / Л. Е. Оболенский. – Текст : непосредственный // Мысль. – 1880. – № 12. – 236 – 245.

209. [Оболенский, Л. Е.] Созерцатель. Обо всем. Недоразумения среди идейных писателей / Л. Е. Оболенский. – Текст : непосредственный // Русское богатство. – 1889. – № 2. – С. 252 – 265.

210. Отголоски печати. – Текст : непосредственный // Волжский вестник. – 1885. – 18 авг.

211. Пругавин, А. С. Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве / А. С. Пругавин. – Текст : непосредственный // Русская мысль. – 1881. – № 3. – С. 23 – 42.

212. Пыпин, А. Народная грамотность / А. Пыпин. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1891. – № 1. – С. 245 – 279.

213. Рубакин, Н. Заметки по литературе о народе / Н. Рубакин. – Текст : непосредственный // Русское богатство. – 1890. – № 10. – С. 221 – 231.

214. Сементковский, Р. Культура и подвижничество / Р. Сементковский. – Текст : непосредственный // Исторический вестник. – 1895. – № 6. – С. 783 – 805.

215. Сементковский, Р. Общественные мотивы современных беллетристик / Р. Сементковский. – Текст : непосредственный // Исторический вестник. – 1895. – № 3. – С. 792 – 812.

216. Справочные книги: Сельский календарь на 1891 год / составитель Яков Абрамов; Изд-во Ф. Павленкова. – Текст : непосредственный // Русская мысль. – 1890. – № 10. – С. 492.

217. Струве, П. На разные темы / П. Струве. – Текст : непосредственный // Мир Божий. – 1901. – № 6. – С. 23 – 27.

218. Толстой, Л. Послесловие [к статье Я. Абрамова о гонениях на духоборов, 1895 г.] / Л. Толстой. – Текст : непосредственный // Литературное наследство. – Том 69. Лев Толстой. – Книга 1. – Москва, 1961. – С. 476.

219. [Червинский, П. П.] П. Ч. Отчего безжизненна наша литература? / П. П. Червинский. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1875. – № 44. – Стб. 1427 – 1433.

220. [Шелгунов, Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни / Н. В. Шелгунов. – Текст : непосредственный // Русская мысль. – 1885. – № 5. – С. 126 – 143; 1887. – № 4. – С. 98 – 121; 1888. – № 9. – С. 150 – 170, № 11. – С. 162 – 182; 1891. – № 4. – С. 174 – 192.

2. Документальные материалы

221. В пользу голодающих. – Текст : непосредственный // Неделя. 1892. – № 14. – Стб. 469.

222. [Выписка из именного списка учеников, выбывших из Ставропольской гимназии в течение 1874 – 1875 учебного года до окончания полного курса] // Громова, Е. Б. Я. В. Абрамов : документальная память / Е. Б. Громова. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 226.

223. [Выписка из именной ведомости о воспитанниках Кавказской духовной семинарии] // Громова, Е. Б. Я. В. Абрамов : документальная память / Е. Б. Громова. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 231.

224. [Выписка из метрической книги Казанского собора г. Ставрополя за 1858 год о рождении Василия Яковлевича Абрамова] // Громова, Е. Б. Я. В. Абрамов : документальная память / Е. Б. Громова. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 227.

225. [Выписка из списка лиц, сомнительных в политической благонадежности, проживающих в Ставропольской губернии. 17 декабря 1905 г.] // Громова, Е. Б. Я. В. Абрамов : документальная память / Е. Б. Громова. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 238.

226. [Журнал заседания Ставропольской городской думы об устройстве похорон бывшего гласного Я. В. Абрамова за счет города и выделении единовременного пособия семье покойного. 22 сентября 1906 г.] // Громова, Е. Б. Я. В. Абрамов : документальная память / Е. Б. Громова. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 244 – 245.

227. [Журнал заседания Ставропольской городской думы по заявлению Я. В. Абрамова о сложении с себя обязанной гласного городской думы. 23 марта

1906 г.] // Громова, Е. Б. Я. В. Абрамов : документальная память / Е. Б. Громова. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 243.

228. [Журнал заседания Ставропольской городской думы по заявлению Я. В. Абрамова о сложении с себя обязанностей гласного думы. 22 февраля 1901 г.] // Громова, Е. Б. Я. В. Абрамов : документальная память / Е. Б. Громова. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 231 – 234.

229. [«Из докладной записки А. А. Панова»] Сенчакова, Л. Т. На похоронах И. С. Тургенева / Л. Т. Сенчакова. – Текст : непосредственный // История СССР. – 1968. – № 5. – С. 142 – 146.

230. Копия обращения от имени группы народовольцев, снятая С. Г. Сватиковым с текста, написанного В. И. Лениным. – Текст : непосредственный // Будницкий, О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX − начало XX века). Приложения. – Москва : РОССПЭН, 2000. – С. 365 – 368.

231. Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии : в 17 выпусках. Выпуск 2. Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском уезде. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское губернское земство, 1885. – 386 с.

232. Опыт обоснования программы народников. – Текст: непосредственный // Народническая экономическая литература: избранные произведения. – Москва: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. – С. 610 – 630.

233. [Постановление Ставропольской городской управы об увековечении памяти бывшего гласного Ставропольской городской думы Я. В. Абрамова. 5 июня 1909 г.] // Громова, Е. Б. Я. В. Абрамов : документальная память / Е. Б. Громова. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 246.

234. [Свидетельство о поведении и успеваемости ученика VI класса Ставропольской гимназии Якова Абрамова] // Громова, Е. Б. Я. В. Абрамов : документальная память / Е. Б. Громова. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 228–229.

3. Художественно-публицистические произведения

235. [Абрамов, Я. В.] Федосеевец. Бабушка-генеральша. Очерк / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1881. – № 6. – Отдел 1. – С. 509 – 524.

236. Абрамов, Я. В. В поисках за правдой: сборник рассказов / Я. В. Абрамов. – Ставрополь: Технопринт, 2017. – 192 с. – Текст: непосредственный.

237. [Абрамов, Я. В.] Федосеевец. В степи. Часть I – V / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Устои. – 1882. – № 1. – С. 133 – 162; № 3 – 4. – С. 96 – 126 ; № 5. – С. 94 – 117.

238. Абрамов, Я. Гамлеты – пара на грош (Из записок лежебока) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Устои. – 1882. – № 12. – С. 53 – 79.

239. Абрамов, Я. Иван Босый (Очерк) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Дело. – 1882. – № 11. – С. 76 – 100.

240. [Абрамов, Я. В.] Федосеевец. Ищущий правды. – Нелюдимец. – Странник / Федосеевец. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1882. – № 5. – С. 35 – 72.

241. [Абрамов, Я. В.] Федосеевец. Как мелентьевцы искали воли (Эпизод из доброго старого времени) / Федосеевец. – Текст : непосредственный // Отечественные записки. – 1882. – № 7. – С. 227 – 236.

242. [Абрамов, Я. В.] Федосеевец. Корова (Очерк) / Федосеевец. – Текст : непосредственный // Устои. – 1882. – № 6. – С. 41 – 61.

243. [Абрамов, Я. В.] Федосеевец. Механик (Рассказ) / Федосеевец. – Текст : непосредственный // Устои. – 1881. – № 1. – С. 49 – 77.

244. [Абрамов, Я. В.] Федосеевец. Мещанский мыслитель (сектант Григорий Петрович) / Федосеевец. – Текст : непосредственный // Слово. – 1881. – № 4. – С. 65 – 91.

245. Абрамов, Я. Неожиданная встреча (Сценка) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Устои. – 1882. – № 9–10. – С. 171 – 179.

246. Абрамов, Я. Полместа (мещанская драма) / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Детское чтение. – 1885. – № 2. – С. 129 – 154.

247. [Абрамов, Я. В.] Федосеевец. Среди сектантов (Из путевых заметок) / Федосеевец. – Текст : непосредственный // Слово. – 1881. – № 2. – С. 1 – 45.

248. Раннее литературно-художественное творчество Я. В. Абрамова. – Текст : непосредственный // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества : коллективная монография / под общей редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2020. – С. 11 – 49.

249. Чехов Антон. Дом с мезонином / Антон Чехов. – Текст : непосредственный // Русская мысль. – 1896. – № 4. – С. 1 – 17.

4. Мемуарная литература

250. Абрамов Яков Васильевич [Автобиография]. – Текст : непосредственный // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. – Том 1. – Санкт-Петербург : Семеновская Типолитография (И. Ефрона), 1889. – С. 21 – 23.

251. Абрамов, Я. В. Памяти Г. И. Успенского (несколько личных воспоминаний) / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // Г. Успенский в жизни. По воспоминаниям, переписке и документам. – Москва ; Ленинград : ACADEMIA, 1935. – С. 281 – 396.

252. Абрамов, Я. В. Памяти М. Е. Салтыкова / Я. В. Абрамов. – Текст : непосредственный // М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. – Москва : Гослитиздат, 1957. – С. 287 − 298.

253. Алчевская, Х. Д. Передуманное и пережитое: дневники, письма, воспоминания / Х. Д. Алчевская. – Москва: Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1912. – С. 467. – Текст : непосредственный.

254. [Астырев Н. М.] А-ревъ. В волостных писарях / Н. М. Астырев. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1885. – № 8. – С. 190 – 213.

255. Бартенев, В. В. Воспоминания петербуржца о второй половине 1880-х годов / В. В. Бартенев. – Текст : непосредственный // От народничества к марксизму: воспоминания участников революционного движения в Петербурге (1883 – 1894 гг.). – Ленинград : Лениздат, 1987. – С. 162 – 221.

256. Воспоминания Н. В. Шелгунова / Шелгунов, Н. В., Шелгунова, Л. П., Михайлов, М. Л. – Текст: непосредственный // Воспоминания : в 2 томах. Том 1. – Москва : Художественная литература, 1967. – С. 49 – 324.

257. Добрускина, Г. Н. Автобиография [1926] / Г. Н. Добрускина. – Текст : непосредственный // Деятели СССР и революционного движения в России : Энциклопедический словарь Гранат. – Москва : Советская энциклопедия, 1989. – Стб. 119 – 126.

258. Скабичевский, А. М. Литературные воспоминания / А. М. Скабичевский. – Москва; Ленинград : Земля и фабрика, 1928. – 360 с. – Текст : непосредственный.

5. Личные и открытые письма

259. Абрамов, Я. Письмо в редакцию / Я. Абрамов. – Текст : непосредственный // Сын отечества. – 1898. – № 119. – С. 3.

260. Кирьяков, С. А. Письмо к редактору / С. А. Кирьяков. – Текст : непосредственный // Неделя. – 1886. – № 7. – Стб. 270 – 271.

261. [Письмо граждан г. Ставрополя в редакцию газеты «Юг» об увековечении памяти бывшего гласного Ставропольской городской думы Я. В. Абрамова. Март 1909 г.]. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 245.

262. Письмо Ф. В. Крылова С. Н. Валку со сведениями о «Христианском братстве», организованном народовольцами для пропаганды среди раскольников [5 июня 1927 г.]. – Текст : непосредственный // Из истории «Земли и воли» и «Народной воли». Споры о тактике : сборник документов. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2012. – С. 441 – 446.

263. Салтыков-Щедрин, М. Е. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Том 19. Книга 1 / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Художественная литература, 1976. – 240 с. – Текст : непосредственный.

264. Салтыков-Щедрин, М. Е. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Том 19. Книга 2 / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва : Художественная литература, 1977. – 352 с. – Текст : непосредственный.

265. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 томах. Том 13. Книга 1 / И. С. Тургенев. – Москва : АН СССР, 1968. – 622 с. – Текст : непосредственный.

266. Успенский, Г. И. Собрание сочинений : в 9 томах. Том 9 / Г. И. Успенский. – Москва : ГИХЛ, 1957. – 762 с. – Текст : непосредственный.

267. Я. В. Абрамов и издательство «Посредник» : письмо А. И. Иванчину-Писареву 1890 г. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов и его современники : коллективная монография / под редакцией профессора В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2023. – С. 207–210.

6. Некрологи

268. † Я. В. Абрамов // Приазовский край. – 1906. – 19 сентября. – Текст : непосредственный.

269. † Я. В. Абрамов // Русская школа. – 1906. – № 10. – С. 74 – 75. – Текст : непосредственный.

270. Я. В. Абрамов (Некролог) // Русские ведомости. – 1906. – № 233. – 22 сентября. – С. 4. – Текст : непосредственный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Монографии и сборники статей

271. Азаркин, Н. М. Эволюция народнической идеологии / Н. М. Азаркин. – Текст : непосредственный // История политических учений : учебник для вузов. – Москва : Норма, 2002. – С. 735 – 754.

272. Ахиезер, А. С. Россия : Критика исторического опыта : в 3 томах. Том 1 / А. С. Ахиезер. – Москва : ФО СССР, 1991. – 319 с. – Текст : непосредственный.

273. Балуев, Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. / Б. П. Балуев. – Москва : Наука, 1995. – 265 с. – Текст : непосредственный.

274. Банк, Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.) / Б. В. Банк. – Москва : Книга, 1969. – 262 с. – Текст : непосредственный.

275. Биллингтон, Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры / Д. Х. Биллингтон. – Москва : Рудомино, 2001. – 879 с. – Текст : непосредственный.

276. Веселовский, Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 томах. Том 1 / Б. Б. Веселовский. – Санкт-Петербург: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. – 724 с. – Текст: непосредственный.

277. Головко, В. М. Далекие и близкие : литературно-критические очерки / В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2012. – 176 с. – Текст : непосредственный.

278. Головко, В. М. Историческая поэтика русской классической повести : учебное пособие / В. М. Головко. – Москва : Флинта, 2010. – 274 с. – Текст : непосредственный.

279. Головко, В. М. Яков Абрамов : самоактуализация в художественном творчестве / В. М. Головко. – Ставрополь : СГУ, 2008. – 178 с. – Текст : непосредственный.

280. Головко, В. М. Яков Васильевич Абрамов. Мировоззрение. Метод. Поэтика : учебное пособие / В. М. Головко. – Москва : Флинта, 2015. – 303 с. – Текст : непосредственный.

281. Гордеева, И. А. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения / И. А. Гордеева. – Москва : АИРО-XX, 2003. – 240 с. – Текст : непосредственный.

282. Есин, Б. И. История русской журналистики XIX в. : учебник для студентов вузов / Б. И. Есин. – Москва : Высшая школа, 1989. – 240 с. – Текст : непосредственный.

283. Есин, Б. И. Н. В. Шелгунов / Б. И. Есин. – Москва : Мысль, 1977. – 176 с. – Текст : непосредственный.

284. «За лучшую будущность России» : к 150-летию со дня рождения Якова Васильевича Абрамова, общественного деятеля, публициста, критика : биобиблиографические материалы / составители В. М. Головко, М. В. Агаркова, Э. В. Кемпинский. – Ставрополь : СГКУНБ им. М. Ю. Лермонтова, 2008. – 62 с. – Текст : непосредственный.

285. Зверев, В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. / В. В. Зверев. – Москва : Уникум-Центр, 1997. – 365 с. – Текст : непосредственный.

286. Зверев, В. В. Русское народничество : учебное пособие / В. В. Зверев. – Москва : РАГС, 2009. – 286 с. – Текст : непосредственный.

287. Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества : коллективная монография / под общей редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2020. – 263 с. – Текст : непосредственный.

288. Керенский, А. Ф. История России / А. Ф. Керенский. – Иркутск : Журналист, 1996. – 504 с. – Текст : непосредственный.

289. Козьмин, Б. П. От «Девятнадцатого февраля» к «Первому марта»: очерки по истории народничества / Б. П. Козьмин. – Москва: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно - поселенцев, 1933. – 289 с. – Текст: непосредственный.

290. Клибанов, А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма / А. И. Клибанов. – Москва : Наука. – 335 с. – Текст : непосредственный.

291. Клибанов, А. И. Народная социальная утопия в России. XIX век / А. И. Клибанов. – Москва : Наука. – 1978. – 342. – Текст : непосредственный.

292. Колесникова, М. Е. Северокавказская историографическая традиция : вторая половина XVIII – начало XX века / М. Е. Колесникова. – Ставрополь : СГУ, 2011. – 495 с. – Текст : непосредственный.

293. Крикунов, В. П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе / В. П. Крикунов. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное Изд-во, 1958. – 144 с. – Текст: непосредственный.

294. Мокшин, Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Научная книга, 2007. – 356 с. – Текст : непосредственный.

295. Мокшин, Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Научная книга, 2010. – 298 с. – Текст : непосредственный.

296. Пирумова, Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе / Н. М. Пирумова. – Москва : Наука, 1986. – 270 с. – Текст : непосредственный.

297. Российская империя : занимательная история. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2009. – 492 с. – Текст : непосредственный.

298. Хорос, В. Г. Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.) / В. Г. Хорос. – Москва : Наука, 1972. – 176 с. – Текст : непосредственный.

299. Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – 296 с. – Текст : непосредственный.

300. Я. В. Абрамов и его современники : коллективная монография / под редакцией профессора В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2023.– 233 с. – Текст : непосредственный.

2. Статьи и материалы конференций

301. Азбукин, В. Н. Антиклерикальная тема в публицистике «Отечественных записок» (1878–1884) / В. Н. Азбукин. – Текст : непосредственный // Русская литература 1870 – 1890 годов. Сборник 8. – Свердловск : [б. и.], 1975. – С. 43 – 50.

302. Астафьев, А. А. Материалы Я. В. Абрамова в Рукописном фонде Российской государственной библиотеки / А. А. Астафьев. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов и его современники : коллективная монография / под редакцией профессора В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2023. – С. 216 – 221.

303. Венгеров, С. А. Этапы неоромантического движения. Статья вторая / С. А. Венгеров. – Текст: непосредственный // Русская литература XX века (1890 – 1910). – Москва: Мир, 1914. – Книга 6. – С. 209 – 240.

304. Гаврилова, Е. И. Вопрос об авторстве теории «малых дел» в современном отечественном народниковедении / Е. И. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Современные аспекты гуманитарного знания : материалы II Международной научно-практической конференции (Воронеж, март 2017 г.). – Воронеж : Научная книга, 2017. – С. 19 – 24.

305. Гаврилова, Е. И. И. И. Каблиц и становление «теории малых дел» / Е. И. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Личность в социуме, государстве, истории : материалы Одиннадцатой региональной научной конференции (Воронеж, 1 февраля 2017 г.). – Воронеж : ВГУ, 2020. – С. 62 – 65.

306. Гаврилова, Е. И. Обоснование Я. В. Абрамовым практических задач «трудовой» интеллигенции в деревне во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. / Е. И. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Общество и власть : история и современность : материалы Тринадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 1 февраля 2019 г.). – Воронеж : ВГУ, 2019. – С. 77 – 79.

307. Гаврилова, Е. И. От «Отечественных записок» к «Неделе» : эволюция взглядов Я. В. Абрамова в первой половине 1880-х годов / Е. И. Гаврилова, Г. Н. Мокшин. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. История. Политология. Социология. – 2022. – № 1. – С. 28 – 32.

308. Гаврилова, Е. И. Я. В. Абрамов – гласный городской думы г. Ставрополя (конец XIX – начало XX в.) / Е. И. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Общество и власть в контексте истории, политологии, социологии : материалы Пятнадцатой региональной научной конференции (Воронеж, 9 февраля 2021 г.). – Воронеж : ВГУ, 2021. – С. 92 – 95.

309. Гаврилова, Е. И. Я. В. Абрамов и новое «хождение» интеллигенции в народ во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. (к истории вопроса) / Е. И. Гаврилова, Г. Н. Мокшин. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов и его современники : коллективная монография / под редакцией профессора В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2023. – С. 23 – 30.

310. Гаврилова, Е. И. Я. В. Абрамов о русском капитализме / Е. И. Гаврилова. – Текст : непосредственный // Общество и власть : века минувшие и день сегодняшний : материалы Четырнадцатой региональной научной конференции (Воронеж, 4 февраля 2020 г.). – Воронеж : ВГУ, 2020. – С. 83 – 85.

311. Головко, В. М. «Дело Абрамова» в Кавказской духовной семинарии (на материале архивных разысканий) / В. М. Головко. – Текст : непосредственный // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества : коллективная монография / под общей редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2020. – С. 84 – 103.

312. Головко, В. М. И. С. Тургенев – Л. А. Полонский – Я. В. Абрамов : концепция для эволюционного развития общества как феномен интеллектуальной истории / В. М. Головко. – Текст : непосредственный // Неизвестный Тургенев : материалы Международной конференции. Выпуск 1. – Орел : ОГУ, 2008. – С. 3 – 10.

313. Головко, В. М. Идиостиль Я. В. Абрамова : художественный синтез как идентификатор «сложной эстетики» писателя / В. М. Головко. – Текст : непосредственный // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 3. – Выпуск 68. – С. 83 – 91.

314. Головко, В. М. Книга в истории идейно-творческого самоопределения Я. В. Абрамова (на материале архивных разысканий) / В. М. Головко. – Текст : непосредственный // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества : коллективная монография / под общей редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2020. – 50 – 83.

315. Головко, В. М. Книжная серия «Жизнь замечательных людей» в творческой биографии российского просветителя Я. В. Абрамова / В. М. Головко. –

Текст : непосредственный // Вестник славянских культур. – 2021. – Том 59. – С. 62 – 76.

316. Головко, В. М. Яков Абрамов в поисках правды / В. М. Головко. – Текст: непосредственный // Абрамов Я. В. В поисках за правдой : сборник рассказов. – 2-е издание. – Ставрополь: Технопринт, 2017. – С. 4 – 20.

317. Данилова, Е. Отец теории малых дел знал, что делать / Е. Данилова, В. Зверев. – Текст : непосредственный // Общая газета. – 1995. – № 42 (118). – 19–25 окт. – С. 9.

318. Зверев, В. В. «Теория малых дел» Я. В. Абрамова / В. В. Зверев. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 70 – 102.

319. Зверев, В. В. Мещане в публицистике и беллетристике Я. В. Абрамова начала 1880-х гг. / В. В. Зверев. – Текст : непосредственный // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества : коллективная монография / под общей редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2020. – С. 132 – 149.

320. Зверев, В. В. Эволюция народничества : теория «малых дел» / В. В. Зверев. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 86 – 94.

321. Зверев, В. В. Я. В. Абрамов и воскресные школы / В. В. Зверев. – Текст : непосредственный // НаукаПарк. – 2016. – № 8. – С. 30 – 39.

322. Касторнов, С. Н. Я. В. Абрамов о роли земства в подъеме благосостояния народа / С. Н. Касторнов. – Текст : непосредственный // Народники в истории России : Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. – Воронеж : Истоки, 2019. – С. 211 – 222.

323. Кемпинский, Э. В. Интеллигент из Ставрополья / Э. В. Кемпинский. – Текст : непосредственный // «За лучшую будущность России» : к 150-летию со дня рождения Якова Васильевича Абрамова, общественного деятеля, публициста, кри-

тика : биобиблиографические материалы / составители В. М. Головко, М. В. Агаркова, Э. В. Кемпинский. – Ставрополь : СГКУНБ им. М. Ю. Лермонтова, 2008. – С. 13 – 16.

324. Кемпинский, Э. В. Общественно-политическая деятельность Я. В. Абрамова в конце XIX – начале XX вв. / Э. В. Кемпинский, С. Я. Новак. – Текст : непосредственный // Страницы истории России : Межвузовский сборник научных статей. – Ставрополь : СГУ, 1996. – С. 32 – 39.

325. Лиоренцевич, И. Г. Социологические теории народничества / И. Г. Лиоренцевич. – Текст : непосредственный // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. – Ленинград : Наука, 1978. – С. 107 – 195.

326. Лодкина, Т. В. История развития воскресных школ в России (до 1917 г.) / Т. В. Лодкина, Л. А. Марченко. – Текст : непосредственный // Мир образования – образование в мире. – 2013. – № 4. – С. 24 – 32.

327. Мельник, Л. Р. Публицистика Якова Абрамова в газете «Приазовский край» (1900 – 1905 гг.) / Л. Р. Мельник. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – URL: http://www.science-education.ru/129-22959 (дата обращения: 24.12.2017).

328. Мельник, Л. Р. Рабочий вопрос в публицистике Якова Абрамова на примере публикаций в журнале «Отечественные записки» / Л. Р. Мельник. – Текст : непосредственный // Медиаисследования молодых ученых : материалы Всероссийской конференции (22–24 мая 2014 г.). – Ставрополь : СКФУ, 2014. – С. 31 – 32.

329. Мельник, Л. Р. Русско-японская война в публицистике Якова Абрамова / Л. Р. Мельник. – Текст : непосредственный // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны : от Первой мировой до Великой победы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (27–28 февраля 2015 г.). – Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2015. – С. 131 – 133.

330. Мельник, Л. Р. Яков Абрамов – публицист газеты «Сын отечества» / Л. Р. Мельник. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – URL: http://www.science-education.ru/121-18233 (дата обращения: 02.04.2017).

331. [Миклашевский, М. П.] Неведомский М. 80-ые – 90-ые годы в нашей литературе / М. П. Миклашевский. – Текст: непосредственный // История России в XIX в. – Санкт-Петербург: Изд-во тов-ва братьев Гранат и К°, 1911. – Том 9. – С. 1 – 116.

332. Мокшин, Г. Н. «Культурное» или «культурническое» народничество? (о значении понятий в истории отечественного народниковедения) / Г. Н. Мокшин. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Политология. Социология. – 2016. – № 1. – С. 65 – 74.

333. Мокшин, Г. Н. К вопросу о месте и роли Я. В. Абрамова в народническом движении 1880 – 1890-х гг. / Г. Н. Мокшин. – Текст : непосредственный // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2018. – № 3 – С. 9 – 17.

334. Мокшин, Г. Н. Кто такие народники-культурники? / Г. Н. Мокшин. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Политология. Социология. – 2016. – № 3. – С. 82 – 86.

335. Мокшин, Г. Н. Основы культурного народничества Я. В. Абрамова / Г. Н. Мокшин. – Текст : непосредственный // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества : коллективная монография / под общей редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2020. – С. 104 – 115.

336. Мокшин, Г. Н. Современная литература об идеологе культурного народничества Я. В. Абрамове / Г. Н. Мокшин. – Текст : непосредственный // Народники в истории России : межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 3. – Воронеж : Истоки, 2019. – С. 39 – 49.

337. Мокшин, Г. Н. Типология течений культурного народничества / Г. Н. Мокшин. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. – 2020. – Том 7. – № 4. – С. 14 – 23.

338. Мокшин, Г. Н. Что такое «абрамовщина»? (К истории одного мифа о Я. В. Абрамове) / Г. Н. Мокшин. – Текст : непосредственный // НаукаПарк. – 2015. – № 10 (40). – С. 24 – 28.

339. Мокшин, Г. Н. Я. В. Абрамов и Н. В. Шелгунов в спорах о задачах русской интеллигенции 1880-х гг. / Г. Н. Мокшин. – Текст : непосредственный // НаукаПарк. – 2016. – № 8. – С. 47 – 51.

340. Неведомский, М. 80-ые – 90-ые годы в нашей литературе / М. Неведомский. – Текст: непосредственный // История России в XIX в. – Том 9. – Санкт-Петербург: Изд-во тов-ва братьев Гранат и К°, 1911. – С. 1 – 116.

341. [Николаевский, Б. И.] Иванов, Б. Н. Л. Сергиевский как историк «Партии русских социал-демократов» (1884 – 1887 гг.) / Б. И. Николаевский. – Текст : непосредственный // Каторга и ссылка. – 1931. – № 1. – С. 59 – 122.

342. Новак, С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» / С. Я. Новак. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 80 – 85.

343. Новак, С. Я. Общественно-политическая деятельность Я. В. Абрамова в конце XIX – начале XX вв. / С. Я. Новак, Э. В. Кемпинский. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 150 – 161.

344. Петренко, Д. И. Остросоциальная публицистика Я. В. Абрамова (1858 – 1906) : актуальные проблемы общественной жизни Российской империи на рубеже веков / Д. И. Петренко, Н. С. Бондарева. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2017. – № 7. – С. 58 – 69.

345. Поздняков, А. Н. Воскресные школы в России XIX века как опыт общественно-педагогического движения / А. Н. Поздняков. – Текст : непосредственный // Образование в современном мире : сборник научных статей. – Саратов : СГУ, 2004. – С. 79 – 87.

346. Потресов, А. Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху / А. Потресов. – Текст : непосредственный // Общественное движение в России в начале XX в. – Санкт-Петербург : Общественная польза, 1909. – Том 1. – С. 538 – 640.

347. Рязанов, В. Т. Хозяйственная модель русских народников и российский путь в экономике / В. Т. Рязанов. – Текст : непосредственный // Христианское чтение. – 2015. – № 1. – С. 162 – 180.

348. Рындзюнский, П. Г. Из истории крестьянской колонизации Севера Европейской России в первое тридцатилетие XVIII века / П. Г. Рындзюнский. – Текст : непосредственный // Феодальный крестьянин в Восточной и Северной Европе : сборник статей. – Таллин : АН ЭССР, 1983. – С. 137 – 148.

349. Сажин, Б. Б. Проблема народных религиозных движений в идеологии реформаторского народничества : поиск путей к обществу свободы, равенства и справедливости / Б. Б. Сажин. – Текст : непосредственный // Свет Христов просвещает всех : альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. – Выпуск 18. – Москва : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2016. – С. 42 – 62

350. Сажин, Б. Б. Проблема сектантства и старообрядчества в творчестве Я. В. Абрамова : поиск социалистических форм / Б. Б. Сажин. – Текст : непосредственный // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества : коллективная монография / под общей редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2020. – С. 150 – 167.

351. Сажин, Б. Б. Религиозные движения в контексте идеологии народников в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX века : взгляд Я. В. Абрамова и А. С. Пругавина / Б. Б. Сажин. // Я. В. Абрамов и его современники : коллективная монография / под редакцией профессора В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2023. – С. 87–101.

352. Сажин, Б. Б. Проблема старообрядчества в публицистике Я. В. Абрамова / Б. Б. Сажин. – Текст : непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Политология. Религиоведение. – 2017. – № 19. – С. 27 – 33.

353. Соболева, Л. С. Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка : размышления времени о староверии / Л. С. Соболева. – Текст : непосредственный // Известия Уральского государственного университета. – 2002. – № 24. – С. 97 – 122.

354. Солганик, Г. Я. Существуют ли художественно-публицистические жанры? / Г. Я. Солганик. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 127 – 131.

355. Струве, П. На разные темы / П. Струве. – Текст : непосредственный // Мир Божий. – 1901. – № 6. – С. 23 – 27.

356. Судавцов, Н. Д. Влияние Я. В. Абрамова на общественно-политическую жизнь Ставрополья / Н. Д. Судавцов. – Текст : непосредственный // Идейно-творческое наследие Я. В. Абрамова в историко-культурной парадигме реформаторского народничества : коллективная монография / под общей редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2020. – С. 183 – 194.

357. Судавцов, Н. Д. Место и роль Я. В. Абрамова в общественной жизни Ставрополья / Н. Д. Судавцов. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов и его современники : коллективная монография / под редакцией профессора В. М. Головко. – Ставрополь : СКФУ, 2023. – С. 180 – 206.

358. Судавцов, Н. Д. Я. В. Абрамов – гласный Ставропольской городской думы / Н. Д. Судавцов. – Текст : непосредственный // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под редакцией В. М. Головко. – Ставрополь : ТЭСЭРА, 2013. – С. 162 – 188.

359. Тульская, Е. Здания, окружающие нас…: забытый всеми «властитель умов» / Е. Тульская. – Текст : непосредственный // Династия – недвижимость. – 2011. – 24 июня.

360. Фурсов, А. И. Смуты и революции : диалектика внутреннего и внешнего / А. И. Фурсов. – Текст : непосредственный // Обозреватель-Observer. – 2012. – № 3. – 22 – 35.

361. Харламов, В. И. Из истории развития либерально-народнической мысли в пореформенной России / В. И. Харламов. – Текст : непосредственный //

«Будущего нет и не может быть без наук…» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). – Москва : МГУ, 2005. – С. 673 – 713.

362. Харламов, В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. / В. И. Харламов. – Текст : непосредственный // Революционеры и либералы России. – Москва : Наука, 1990. – С. 163 – 185

363. Харламов, В. И. Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников / В. И. Харламов. – Текст : непосредственный // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. : Межвузовский сборник научных трудов. – Москва : Прометей, 1990. – С. 93 – 112.

364. Чаблин, А. Непознанный гений : ученые СГУ выводят из небытия великие имена Ставрополья / А. Чаблин. – Текст : непосредственный // Открытая газета. – 2008. – № 51. – 24 – 31 декабря.

365. Чернышева, Е. В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии / Е. В. Чернышева. – Челябинск : Челябинский дом печати, 2010. – 352 с. – Текст : непосредственный.

3. Авторефераты диссертации

366. Архипова, Е. А. Старообрядческое предпринимательство в Российской историографии середины XIX – начала XXI в. : специальность 07.00.09 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Архипова Екатерина Анатольевна ; Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). – Москва, 2013. – 24 с. – Текст : непосредственный.

367. Зверев, В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. : специальность 07.00.02 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Зверев Василий Васильевич ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 1997. – 36 с. – Текст : непосредственный.

368. Зверев, Н. В. Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова (1885 – 1900 гг.): специальность 07.00.02: автореферат диссертации на соискание

ученой степени кандидата исторических наук / Зверев Николай Васильевич; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2013. – 26 с. – Текст : непосредственный.

369. Канаева, Т. М. Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875–1893 гг.): специальность 07.00.02: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Канаева Тамара Михайловна. – Москва, 1981. – 15 с. – Текст : непосредственный.

370. Касторнов, С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: специальность 07.00.02: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Касторнов Сергей Николаевич; Орловский государственный университет. – Орел, 2002. – 23 с. – Текст : непосредственный.

371. Кузьминов, П. А. Российская историография реформ 50–70-х годов XIX века на Северном Кавказе: специальность 07.00.09: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Кузьминов Петр Абрамович; Адыгейский государственный университет. – Майкоп, 2010. – 46 с. – Текст: непосредственный.

372. Мокшин, Г. Н. Идейная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв.: специальность 07.00.02: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Мокшин Геннадий Николаевич; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 42 с. – Текст : непосредственный.

373. Мухин, М. И. Воскресная школа Х. Д. Алчевской и ее роль в становлении образования взрослых (1862 – 1919 гг.): специальность 13.00.01: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Мухин Михаил Иванович; НИИ педагогики УССР. – Киев, 1977. – 20 с. – Текст : непосредственный.

374. Харламов В. И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблица (Юзова) : специальность 07.00.02 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Харламов Виктор Иванович ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1980. – 18 с. – Текст : непосредственный.

4. Справочные и библиографические издания

375. Абрамов Як[ов] Вас[ильевич]. – Текст: непосредственный // Большая энциклопедия / под редакцией С. Н. Южакова. – Санкт-Петербург: Просвещение, 1900. – Том 1. – С. 25 – 26.

376. Абрамов (Як[ов] Вас[ильевич]; псевд. Федосеевец). – Текст : непосредственный // Энциклопедический словарь. Издание Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Санкт-Петербург: Тип. И. А. Ефрона, 1890. – Том 1. – С. 41.

377. Абрамов Як[ов] Вас[ильевич]. – Текст: непосредственный // Энциклопедический словарь Ф. Павленкова. – 2-е издание – Санкт-Петербург : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1907. – Стб. 8.

378. Абрамов Яков Васильевич. – Текст : непосредственный // Венгеров, С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. (От начала русской образованности до наших дней) : в 6 томах. – Том 1. – Санкт-Петербург : Семеновская Типо - Литография (И. Ефрона), 1889.– С. 21 – 23.

379. Абрамов Яков Васильевич. – Текст : непосредственный // Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма. – Том 2. Семидесятые годы. – Выпуск 1. – Москва : Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно - поселенцев, 1929. – Стб. 2 – 3.

380. Абрамов Яков Васильевич. – Текст : непосредственный // Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х – 1890-е гг. : в 2 томах. – Том 2 : 1870-е гг. – Москва : Памятники исторической мысли, 2009. – С. 9 – 10.

381. Абрамов Яков Васильевич : Биобиблиографический указатель (1880 – 2017 гг.) / составление, предисловие и вспомогательные указатели Г. Н. Мокшина. – Воронеж : ВГУ, 2017. – 212 с. – Текст : непосредственный.

382. Агапкина, Т. П. Абрамов Яков Васильевич / Т. П. Агапкина. – Текст : непосредственный // Русские писатели, 1800 – 1917 : биографический словарь. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1989. – Том 1. – С. 12 – 13.

383. Балуев, Б. П. «Малых дел» теория / Б. П. Балуев. – Текст : непосредственный // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия. – Том 3. – Москва : БРЭ, 2000.– С. 465.

384. Зверев, В. В. Абрамов Яков Васильевич / В. В. Зверев. – Текст : непосредственный // Большая российская энциклопедия. – Том 1. – Москва : БРЭ, 2005.– С. 32.

385. Зверев, В. В. Абрамов Яков Васильевич / В. В. Зверев. – Текст : непосредственный // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – Москва: РОССПЭН, 2005. – С. 7 – 8.

386. Зверев, В. В. «Малых дел» теория / В. В. Зверев. – Текст : непосредственный // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – Москва: РОССПЭН, 2005. – С. 269 – 270.

387. Зверев, В. В. «Неделя» / В. В. Зверев. – Текст : непосредственный // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : энциклопедия. – Москва: РОССПЭН, 2005. – С. 333 – 334.

388. Итенберг, Б. С. «Хождение в народ» / Б. С. Итенберг. – Текст : непосредственный // Советская историческая энциклопедия : в 16 томах. – Том 15. – Москва : Советская энциклопедия, 1974. – Стб. 610 – 611.

389. Куценко, В. А. Социокультурный подход / В. А Куценко. – Текст : непосредственный // Энциклопедический словарь по культурологии. – Москва : Центр, 1997. – С. 369.

390. Осьмакова, Н. И. Алчевская Х. Д. / Н. И. Осьмакова. – Текст : непосредственный // Русские писатели. 1800–1917. – Том 1. – Москва : БРЭ, 1989. – С. 52.

391. Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века : книги и периодические издания : в 3 частях. Часть 3. – 2-е издание. – Москва : ГБЛ, 1982. – 244 с. – Текст : непосредственный.

392. Твардовская, В. А. «Малых дел теория» («абрамовщина») / В. А. Твардовская. – Текст : непосредственный // Советская историческая энциклопедия. – Том 8. – Москва: Советская энциклопедия, 1965. – Стб. 980.

393. Фомин, А. Абрамов Яков Васильевич / А. Фомин. – Текст : непосредственный // Новый энциклопедический словарь. – Том 1. – Санкт-Петербург: Тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1915. – С. 76 – 78.

394. Цыганкова, Л. А. Абрамов Яков Васильевич / Л. А. Цыганкова. – Текст : непосредственный // Российская историческая энциклопедия : в 18 томах. – Том 1. – Москва: ОЛМА, 2011. – С. 40.

395. [Южаков, С. Н.] Народничество. – Текст : непосредственный // Большая энциклопедия / под редакцией С. Н. Южакова. – Том 13. – Санкт-Петербург: Просвещение, 1896. – С. 658.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

ПИСЬМА Я. В. АБРАМОВА К РЕДАКТОРУ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА» С. Н. КРИВЕНКО 1897–1898 гг.

В марте 1897 г. группа петербургских писателей и публицистов во главе с С. Н. Кривенко[1] приступила к выпуску ежедневной либерально-демократической газеты «Сын отечества» (1897–1900). Одним из наиболее деятельных сотрудников данного издания станет известный народнический публицист Яков Васильевич Абрамов. С апреля 1897 до мая 1898 г. он опубликует здесь более сотни статей.

Помещенные в приложении четыре письма Абрамова относятся к началу и к последним трем месяцам его деятельности в газете. (К сожалению, все они не датированы). Основное содержание писем посвящено противостоянию заведующего отделом внутренней жизни страны Абрамова с главным редактором «Сына отечества» К. М. Станюковичем[2]. Последний был крайне недоволен тем, что публицист пытался пропагандировать на страницах газеты свою «узконароднической» программу, и постоянно вмешивался в его работу. В итоге Абрамов был вынужден объявить о своем уходе из «Сына отечества».

Истоки данного конфликта, по мнению самого Абрамов, заключались в неспособности идейного руководителя газеты Кривенко придать ей более определенный народнический характер[3]. Собственно, в этом он и будет упрекать своего «патрона», постоянно требуя от него более решительной поддержки. Первый биограф Кривенко – Евг. Максимов, напротив, во всем обвинит Абрамова как слишком яростного защитника «малых дел». Якобы в 1890-е гг. эта тактика преобразований

---

[1] Кривенко Сергей Николаевич (1847–1906) – публицист и общественный деятель, один из главных теоретиков культурнического направления в народничестве 1890-х гг.

[2] Станюкович Константин Михайлович (1843–1903) – известный писатель-демократ. В 1897 г. он был приглашен С. Н. Кривенко в «Сын отечества» (для привлечения читателей) с «княжеским» правом делать все, что посчитает необходимым.

[3] В 1890-е гг. С. Н. Кривенко уже пытался руководить народническими журналами. Сначала «Русским богатством», потом «Новым словом». И оба издания, из-за излишней толерантности Кривенко, очень быстро оказались в руках его идейных противников.

перестала пользоваться поддержкой у интеллигенции и Кривенко (как и Станюкович) стремился к ее обновлению[1]. Интересно, что сам Кривенко объяснял уход Абрамова из «Сына отечества» его излишней вспыльчивостью и неуживчивым характером, о чем свидетельствует их переписка весной 1898 г. Ни о каких идейных разногласиях речь в ней не идет.

Письма Абрамова за 1897–1898 гг., всего их восемь, хранятся в личном фонде С. Н. Кривенко в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Письма воспроизводятся по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей первоисточника.

Письма Я. В. Абрамова к С. Н. Кривенко

№ 1

Дорогой Сергей Николаевич!

Я очень и очень хотел получить в свое заведование внутренний отдел в «Сыне Отечества». Заведовать внутренним отделом в газете – моя давнишняя мечта. Я считаю этот отдел самым важным в газете, – и меня всегда удивляло, отчего он так плохо стоит в наших газетах. И я, право, без хвастовства могу сказать, что был бы в состоянии поставить этот отдел на должную высоту[2]. И вот моя мечта осуществляется, я получаю, наконец, внутренний отдел. Я был так рад, что и Вы, очевидно, разделяете мои воззрения по данному предмету, так как нашли возможным уделить мне 4 столбца. Что же вышло на деле? В воскресенье на то, что я приготовил для №, совсем не появился; в понедельник – появилась только часть доставленного мною материала, а во вторник – какой-то хвостик. Оказывается, что внутренний отдел не самый важный в газете, – а просто собрание какой-то дряни,

[1] [Максимов Е. Д.] Слобожанин М. К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии // Жизнь для всех. 1909. Декабрь. Стб. 49–50.

[2] Ко времени назначения Я. В. Абрамова заведующим внутренним отделом «Сына отечества» он уже успел поработать в роли ответственного редактора газеты «Северный Кавказ» и в качестве сотрудника дюжины периодических изданий, включая петербургскую газету «Неделя».

которая терпима только потому, только, что ее удобно выбрасывать при верстке. При таких условиях нет никакой охоты работать. И я остановил рассылку писем корреспондентам. Зачем их приглашать, зачем они будут писать, раз написанное не будет печататься?

Я не могу так работать. Да и какая это работа? Я должен иметь в каждом № определенное количество места. Внутренний отдел обязательно должен иметь место в каждом № и в каждом № должно появляться то, что я даю для него. Если много для внутреннего отдела 4 столбца, пусть мне дадут меньше, но то, что мне дано, должно быть обязательно заполнено моим материалом. Иначе – какой смысл мне приготавливать корреспонденции, делать выборки из газет? Для чего? Для того чтобы все это накапливалось и затем выбрасывалось за утратой интереса?

Хотел бы выяснить, будет ли мой труд находить помещение в газете, или мне снова остаться при мечтах о том, что когда-нибудь, в какой-нибудь газете, я, наконец, буду заведовать внутренним отделом?

Я. Абрамов

РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 5–6. Автограф.

№ 2

Дорогой Сергей Николаевич!

По правде сказать, я и сам рад, что «Беглые заметки» не появились. Написал я их в минуту раздражения, обусловленного не только тем, что г. Станюкович позволил себе неприличную выходку, но и тем, что Вы пропустили эту выходку (ибо Вы были дежурным и могли [со]всем не пропускать фельетона с таким содержанием). Полагаю, что я имею право иметь самолюбие и чувствовать оскорбление не меньше, чем г. Станюкович. Но еще больше меня возмутила та бесцеремонность, с которою г. Станюкович дискредитировал газету, глумясь над тем, что проповедует та же газета[1]. Я знаю, что средство, к которому я прибег – сильное и совершенно

[1] Очевидно, речь идет об анонимной статье «Идеалы и иллюзии», посвященной спорам народников с марксистами. В ней устройство школ, больниц, библиотек, читален и т.п. было признано неосознанным служением капитализму. См.: Сын отечества. 1898. № 101. 16 апреля. С. 2.

не литературное, но я был вынужден к нему, так как не видел другого средства положить конец всей этой истории, так как г. Станюковичу в «Сыне Отечества» позволяется беспрепятственно делать то, что конечно, ему не позволили бы нигде. Отказываясь от помещения своей заметки, я, во 1[x], прошу Вас отнюдь не посылать Станюковичу оттиска ее, и во 2[x], не допускать в следующих фельетонах г. Станюковича по моему адресу никаких выходок. Надеюсь, я вправе просить того и другого. А затем, простите за все то неудовольствие, которое доставил Вам[1].

Я. Абрамов

РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 9–10. Автограф.

№ 3

Милостивый Государь Сергей Николаевич!

В течение трех месяцев Вы систематически выживали меня из газеты, чуть не ежедневно портя мою работу и стараясь иными способами задевать мое человеческое достоинство, – наконец, достигли своей цели и теперь пишете, что Вам «все как-то не верится, что я не буду участвовать в газете», и доводите до моего сведения, что Вам «неприятна моя несправедливость по отношению к Вам»[2]. Позвольте и мне сказать, что мне не только неприятен Ваш образ действий по отношению ко мне, но и прямо причиняет мне боль. Зачем вся эта неискренность? Раз Вы не хотите, чтобы я участвовал в газете, Вам стоило это только сказать мне, – и я немедленно выполнил бы Ваше желание; но Вы предпочли мучить меня три месяца и медленными, беспрерывными неприятностями заставить меня отказаться от участия в газете, унижая таким образом действий и себя, и меня, и затем показываете удивление, зачем я ушел и почему я хочу, чтобы публика не считала меня участвующим в газете. Зачем, ради Бога, Вы даже и теперь не хотите быть искренним?

---

[1] Письмо Я. В. Абрамова завершает краткий «P.S.» по редакционным делам.

[2] Черновик письма С. Н. Кривенко к Я. В. Абрамову см.: РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–3. Без даты.

Вы напоминаете мне о «группе». Не знаю, чем я обязан ей. Я знаю только, что, когда со мной, одним из членов этой группы, было поступлено так неблагородно, когда меня без всякого повода выжили из газеты, – эта группа сохранила полное спокойствие и даже не поинтересовалась узнать, в чем же тут дело, почему учинена такая расправа с товарищем. Бог с ней, с этой группой!

Вам угодно поставить на вид мне и то обстоятельство, что, настаивая на опубликовании моего письма, я подам повод врагам лишний раз напасть на нас, – иначе говоря, Вам угодно стыдить меня предпочтением личных побуждений пред общими. Но отчего же Вы той же мерки не приложите к себе? Отчего только из-за того, что я осмелился находить, что Вы совершенно не годитесь в руководители газеты, что Вы губите и неизбежно погубите ее, что Вы решительно нечего не понимаете в газетном деле и совершенно не подготовлены к роли, которую взяли на себя, – из-за этого только Вы сочли возможным заставить меня уйти из газеты? Разве это не самый грубый вид предпочтения личных побуждений пред общими? Нет, не Вам, Сергей Николаевич, слать мне подобные укоры!

Сергей Николаевич! Было время, когда я почти молился на Вас. Среди тех немногих людей, которые были светлым лучом в моей жизни, я ставил Вас рядом с покойными Гаршиным[1] и Гердом[2] и Гл[ебом] Ив[ановичем] Успенским[3]. Когда я в прошлом году однажды говорил у Вас о том, что горький опыт привел меня к убеждению, по которому я каждого человека считаю способным делать гадости, лишь только к тому представится случай, и Софья Ермолаевна[4] указала на Вас, как на противоречие моему обобщению, – мне даже стало стыдно, так как и в самом деле, казалось мне, у меня пред глазами человек, не способный сделать никакого

[1] Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888) – русский писатель-демократ, близкий друг Я. В. Абрамова, окончил жизнь самоубийством.
[2] Герд Александр Яковлевич (1841–1888) – российский педагог, вместе с ним и В. М. Гаршиным Я. В. Абрамов составил «Обзор детской литературы за 1885–1888 гг.» (СПб., 1889).
[3] Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – известный русский писатель, который в начале 1880-х гг. открыл для Я. В. Абрамова литературный Петербург.
[4] Усова Софья Ермолаевна (1858–1916) – гражданская жена С. Н. Кривенко, в прошлом известная русская революционерка, член партии «Народная воля».

зла другому[1]. И в эти последние три месяца я всего более измучился из-за того, что и последнее исключение из моего горького обобщения исчезло, и человек, казавшийся мне так непохожим на других, оказывался таким же, как и все, столь же не могущим избегнуть соблазна сделать неприятность ближнему, лишь только к тому представилась возможность…

Простите, что пишу все это грубо и резко. Я всегда был и резок, и груб и не умел, да и не хотел скрывать того, что думаю и чувствую.

Я. Абрамов

РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 11–12 об. Автограф.

№ 4

Милостивый Государь Сергей Николаевич!

В виду прекращения моих занятий по редакции, мною составлено, в форме письма в редакцию, и сдано в типографию заявление о том, что я с 1го мая не принимаю никакого участия в газете. Надеюсь, Вы не сочтете себя вправе мешать мне довести о данном факте до сведения читателей «Сына Отечества». На помещение подобного заявления в «Сыне Отечества» я имею полное право – и как сотрудник, имя которого рекламировалось в объявлениях газеты, и как лицо, участие которого в редакции газеты было общеизвестно.

Я. Абрамов

P.S. сейчас узнал, что Вас нет в городе и что Вы будите только завтра, почему вкладываю свое заявление в это письмо и прошу не задерживать появление его в газете[2].

Я. А.

РГАЛИ. Ф. 2173. Оп. 1. Д. 20. Л. 13–13 об. Автограф.

---

[1] С. Н. Кривенко действительно был очень добрым и мягким человеком. Близкий друг писателя Н. К. Михайловский как-то в шутку назвал его «образом, сорвавшимся со стены».

[2] Письмо Я. В. Абрамова к «редактору» было опубликовано 4 мая 1898 г. См.: Абрамов Я. Письмо в редакцию // Сын отечества. 1898. № 119. С. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б
ЯКОВ ВАСИЛЬЕВИЧ АБРАМОВ. БИОБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ДЛЯ «РУССКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВ» (ПИСАТЕЛИ)

Воспроизводимые в приложении № 2 биобиблиографические сведения о Я. В. Абрамове собраны известным литературоведом и библиографом Александром Михайловичем Фемелиди (1871–1937) в первой трети XX в. К сожалению, словарь, для которого они предназначались, опубликован не был и материалы для 40 тыс. имен и названий так и остались лежать в его архиве в РГАЛИ.

Данные материалы, извлеченные Фемелиди из др. словарей, не содержат каких-либо новых биографических сведений о народническом писателе и публицисте. Но они очень точно передают утвердившееся в дореволюционной и ранней советской историографии предвзятое отношение к Абрамову как к теоретику «малых дел», близкому по своим взглядам к крайне правому народнику И. И. Каблицу (Юзову).

Определенный интерес для абрамоведов представляет список трудов Абрамова из 39 статей и 19 отдельных изданий. Он, конечно, далеко неполный, т.к. доведен только до конца 1880-х гг. О сотрудничестве публициста в журнале «Новое слово», газетах «Русь», «Сын отечества», «Бессарабец» и «Приазовский край», где было опубликовано большинство его статей, у Фемелиди нет ни слова. Но зато среди собранных их публикаций есть такие (№ 34; № 14), которые не были учтены в биобиблиографическим указателе, составленном в 2017 г. Г. Н. Мокшиным[1].

Тексты воспроизводятся по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей первоисточника. Пропуски незначительной информации обозначены <…>.

[1] Абрамов Яков Васильевич: Биобиблиографический указатель (1880–2017 гг.) / составление, предисловие и вспомогательные указатели Г. Н. Мокшина. Воронеж, 2017. 212 с.

65. Абрамов Яков Васильевич

(псевд[оним] Федосеевец) 1858–1906, публицист и беллетрист (народник)

Абрамов родился 21 октября 1858 г.[1] в Ставрополе-Кавказском в мещанской семье, учился в Ставропольской гимназии, но из 6го класса перешел в Духовную семинарию. В 1877 г. А[брамов] переехал в Петербург и поступил в медико-хирургическую академию[2]. Но медицинское образование его было прервано высылкой его из столицы за распространение революционной литературы[3]. В декабре 1880 г. ему было разрешено вернуться в Петербург и с этого года начинается его литературная деятельность. Он сотрудничает в «Слове», с середины 1881 г. – постоянный сотрудник «Отечеств[енных] записок» и после ареста в начале 1884 г. С. Н. Кривенко ведет вместо него «внутренние обозрения», сотрудничает в «Устоях» и «Деле». Когда в июне 1884 г.[4] «Отеч[ественные] записки были закрыты, А[брамов] работает в статистич[еском] бюро при петербургской земской управе и по поручению бюро составляет «Статистическое описание Шлиссельбургского и Петербургского уездов» (3 тома, СПб. 1884–1886 г.). В 1885 г. А[брамов] снова возобновляет свою журнальную работу в: «Наблюдателе», «Детском чтении», «Северном вестнике» и «Неделе» (с июля 1885 г.[5]). Кроме того, ряд его статей появлялся в «Русском курьере», «Московском телеграфе», «Тереке», «Тифлисском вестнике», «Новом обозрении» и др. Он же составил много статей для изд[ания] М. О. Вольфа «Живописная Россия» и 7 биографий для биографической библиотеки Ф. Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей». В 1888 г. А[брамов] вместе с А. Я. Гердом и А. Н. Плещеевым издал сборник «Памяти В. М. Гаршина».

Абрамова, как писателя, интересуют разные вопросы: поднятие экономического благосостояния крестьянства, освещение быта раскольников, жизнь Кавказа

---

[1] Согласно метрической книги Казанской церкви г. Ставрополя, Я. В. Абрамов родился 22 октября 1858 г. (по ст. стилю).

[2] В 1878 г.

[3] Сведения на этот счет противоречивы, но большинство современных исследователей сходятся на том, что Я. В. Абрамов покинул медико-хирургическую академию из-за болезни.

[4] В апреле 1884 г.

[5] С июля 1885 г. начинается *постоянное* сотрудничество Я. В. Абрамова в газете «Неделя». А первая статья была опубликована 15 апреля 1885 г. См.: Абрамов Я. Нелегальные поселенцы // Неделя. 1885. № 15.

и его нужды и др. Он считает: а) основной задачей русской государственности – помочь народу в его трудовой борьбе за самостоятельность, б) смотрит на раскольников, как на людей, «ищущих правды», постепенно уходящих в мистицизм и фанатизм; при ином к ним отношении они могут влить в народной организм струю бодрого, деятельного и творческого настроения, в) внутренняя жизнь многочисленных горцев должна быть регулирована сообразно индивидуальным особенностям каждой народности, чтобы иметь полезный и богатый природными силами элемент кавказской окраины.

Умер А[брамов] в 1906 г. в г. Ставрополе.

Перечень произведений Абрамова, изданных отдельно и помещенных в разных периодических изданиях:

а) в «Слове»:

1) «Среди сектантов» (1881 г. № 3) под псевд[онимом] «Федосеевец», этнограф[ический] рассказ

2) «Мещанский мыслитель» (1881 г. № 4)

б) в «Отечественных записках»:

3) «Программа вопросов для собирания сведений о сектантах» (1881 г. № 4–5)

4) «Бабушка-генеральша» рассказ (1881 г. № 6)

5) «К вопросу о веротерпимости» (1882 г. № 1–2)

6) «Из фабрично-заводского мира» (1882 г. № 3–4)

7) «Хлудовщина» (1882 г. № 5)

8) «Ищущие правды», рассказ (1882 г. № 6)

9) «Как мелентьевцы искали воли», рассказ (1882 г. № 7)

10) «Шалапуты» (1882 г. № 9–10)

11) «Духоборцы» (1883 г. № 1)

12) «Город и мещане» (1883 г. № 3)

13) «Босая команда» (1883 г. № 7)

14) «Некоторые особенности наших поземельных отношений» (1883 г. № 11)

15) «Крестьянский кредит» (1884 г. № 1)

16) «М. М. Ковалевский о землевладении у кавказских горцев» (1884 г. № 2)

17) «Выговские пионеры» (1884 г. № 3–4)

в) в «Устоях» С. А. Венгерова

18) «В степи», рассказ (1882 г. № 1–4)

19) «Уголок старообрядческого[1] мира» (1882 г. № 5)

20) «Корова», рассказ (1882 г. [№ 6])

21) «Гамлеты – пара на грош», рассказ (1882 [г.] № 10)

г) в «Деле»:

22) «Иван Босый», рассказ (1882 г. № 11)

23) «Прошлое и настоящее штунды» (1883 г. № 1–2)

24) «”Статистические экспедиции”. Из истории раскола» (1883 г. № 9)

25) «Очерки Северного Кавказа» (1883 г. № 11–12)

26) «Кавказские горцы» (1884 г. № 1)

д) в «Наблюдателе»:

27) «Забытое сословие» (мещанство) – 1885 г. № 1.

е) в «Детском чтении»:

28) «Полместа», рассказ (1885 г. № 2)

29) «Сванетия и сванеты» (1885 г. № 5)

ж) в «Северном вестнике» (кроме ведения отдела «Из провинциальной печати»)

30) «Хизаны» (1886 г. № 1)

31) «Женские врачебные курсы» (1886 г. № 2) – вышли отдельной брошюрой. СПб., 1886.

32) «Вопрос о чиншевиках» (1886 г. № 3 и 5)

33) «Нужды, желания и стремления сословий в эпоху Екатерининской комиссии» (1886 г. № 4–8, 10, 12)[2]

34) «Ванька-Ключник» (1887 г. № 12)

---

[1] В оригинальном заглавии статьи Я. В. Абрамова – «раскольничьего».

[2] Точное название статьи Я. В. Абрамова: «Сословные нужды, желания и стремления в эпоху Екатерининской комиссии (1767–1769 гг.)».

з) в «Неделе»: передовые статьи и статьи по внутрен[ним] и научным вопросам

35) «Сословные нужды» (1886 г. № 12)

36) «Частная женская воскресная школа в Харькове» (1888 г. № 8)

и) в «Русской мысли»:

37) «Очерки современного земства» (1888 г. № 4, 6, 10–12)

к) в «Книжках Недели»:

38) «Люди больной совести». 1898 г. № 4.

39) «Наша жизнь в произведениях Чехова». 1898 г. № 6.

Отдельные издания (имеющие отношение к литературе)

1. «Сельский календарь» на 1888, 1889, 1890, 1891 и 1892 годы, приноровленный к нуждам крестьянства. Изд. Ф. Павленкова. СПб., 1888–1892 гг.

2. «Обзор детской литературы» с участием Я. В. Абрамова и др. СПб., 1889.

3. «Что сделало земство и что оно делает» (Обзор деятельности русского земства). СПб., 1889.

4. «Вниманию интеллигентных провинциалок» (Из общественной жизни гор[ода] Харькова). СПб., 1889.

5. «Новейшие успехи знания» (Популярные очерки). СПб., 1890.

6. «Христофор Колумб» (1891) ⎫
7. «Г. Стэнли» (1891) ⎪ 7 биографий
8. «Франклин» (1891) ⎪ для павленковского
9. «В. Н. Каразин» (1891) ⎬ издания «Жизнь
10. «В. Фарадей» (1892) ⎪ замечательных
11. «Песталоцци» (1892) ⎪ людей»
12. «Стефенсон и Фультон» (1893) ⎭

13. «Наши воскресные школы, их прошлое и настоящее». СПб., 1900 г.

14. «Старый и новый свет». СПб., 1900.

15. «Два великих француза: Луи Пастер и Жан Масэ». СПб., 1897.

16. «Певец тоски. Гюи де Мопассан». СПб., 1897. Популярная Библиотека. № 2.

17. «Памяти Белинского». СПб., 1899. <…>

18. «Микроскопические враги человечества». СПб., 1898. <…>

19. «Ибсен и Бьернсон». Литературная характеристика. С 2 портрет [ами]. СПб., 1897.

См.: С. Венгеров. Краткий биогр[афический] словарь. Т. 1. СПб., 1889.
Брокгауз и Ефрон. «Энциклопедический словарь». Т. 1 и
«Новый Энц[иклопедический] Слов[арь]». Т. 1. (ст. А. Фомина).
«Больш[ая] Сов[етская] Энцикл[опедия]». Т. 1. Изд. 1927 г. М[осква].
Шелгунов «Очерки русской жизни». СПб., 1895 г.

В «Неделе» А[брамов] примкнул к направлению, позже названному «абрамовщиной» (правое крыло народничества). В 1890-е гг., увлекшись вопросом о народном образовании, печатался в журн[але] «Русская школа».

Проповедь А[брамова] и его единомышленников в «Неделе» – характерное явление для 80-х годов – эпохи мрачной реакции; общественные надежды – наследие 60-х годов – были разбиты, общество уже не верило больше в их осуществление, а увлекалось теорией Л. Н. Толстого – «непротивление злу». «Неделя» еще в 1875 г. стала проповедовать одностороннее народничество, утверждая, что интеллигенция должна воспринять миросозерцание деревни, усвоить правоту мужика, который в моральном отношении выше интеллигенции, не имеющей права навязывать ему свои идеи и свои общественные формы (см. Юзов-Каблиц). <…>

В «Неделе» Абрамов доказывает: это общество должно оставить мечты «о больших делах», о пересоздании общественного строя; должно сосредоточить внимание на «малых делах», на «тихой культурной работе», идти в народные учителя, земские врачи, борьбу с кулачеством и пр. Это учение в эпоху реакции имело успех. Радикальные элементы открыли борьбу с «Неделей», особенно Н. В. Шелгунов в «Русск[ой] мысли»[1]. С переменой общественного настроения в 90-х годах А[брамов] теряет значение, его писательская энергия ослабевает, он уходит постепенно

[1] Далее идет зачеркнутый текст: «Кроме “Недели” А[брамов] сотрудничал в 80-х годах».

от публицистики и работает главн[ым] образом над вопросами, связанными с народным образованием[1].

РГАЛИ. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1. Л. 76–77. Автограф.

[1] Материалы об общественно-политических взглядах Я. В. Абрамова взяты из статьи А. Фомина для «Нового энциклопедического словаря» (Т. 1. СПб., 1915).